Исходъ къ Востоку

Предчувствія и Свершенія

Утвержденіе Евразійцевъ

София 1921г.

Печатница „БАЛКАНЪ" — София.

2522

Исходящее

Предчувствія и Свершенія

ASOCIACIÓN ORTODOXA RUSA
BRASIL 315
BUENOS AIRES

Утвержденіе Евразійцевъ.

Статьи:
Петра Савицкаго, П. Сувчинскаго, кн. Н. Трубецкого и Георгія Флоровскаго.

3275

СОФІЯ
Типографія „БАЛКАНЪ“
1921

2522

Статьи предлежащаго сборника не претендуютъ ни на исчерпывающую полноту въ отношеніи тѣхъ вопросовъ, коихъ касаются, ни на единство, въ смыслѣ полной согласованности мнѣній отдѣльныхъ авторовъ: онѣ написаны людьми, въ нѣкоторыхъ вопросахъ думающими по разному. Но есть нѣчто общее имъ всѣмъ, и послѣдующія строки имѣютъ цѣлью установить, къ чему эта общность сводится.

Статьи, входящія въ составъ настоящаго сборника, сложились въ атмосферѣ катастрофическаго міроощущенія. Тотъ отрѣзокъ времени, въ которомъ протекаетъ наша жизнь, начиная отъ возникновенія войны, переживается нами, какъ поворотное, а не только переходное время. Въ совершавшемся и совершающемся мы видимъ не только потрясеніе, но кризисъ, и ожидаемъ отъ наступающаго — глубокаго измѣненія привычнаго облика міра.

Въ катастрофичности происходящаго мы видимъ знаменіе назрѣвающаго, ускоряющагося переселенія и перерожденія культуры. Культура представляется намъ въ постоянномъ движеніи и непрестанномъ обновленіи. Она не медлитъ, сверхъ срока, въ той или иной конкретно-исторической своей осѣдлости. Она не исчерпывается до конца тѣми или иными конкретными достиженіями, не укладывается сполна въ предначертанныя рамки измышленныхъ формулъ. Мы не вѣримъ, чтобы существовали народы, предназначенные навѣки быть избранными носителями культуры; мы отрицаемъ возможность „послѣднихъ словъ“ и окончательныхъ синтезовъ. Исторія не есть для насъ увѣренное

восхожденіе къ нѣкой доисторически предначертанной абсолютной цѣли, но — свободная и творческая импровизація, каждый моментъ которой исполненъ не какого-либо задуманнаго въ общемъ планѣ, но с в о е г о значенія . . .

Культура романогерманской Европы отмѣчена приверженностью къ „мудрости системъ", стремленіемъ наличное возвести въ незыблемую норму . . . Мы чтимъ прошлое и настоящее западноевропейской культуры, но не ее мы видимъ въ будущемъ . . . Съ трепетной радостью, съ дрожью боязни предаться опустошающей гордынѣ, — мы чувствуемъ, вмѣстѣ съ Герценомъ, что нынѣ „исторія толкается именно въ наши ворота". Толкается не для того, чтобы породить какое-либо зоологическое наше „самоопредѣленіе", — но для того, чтобы въ великомъ подвигѣ труда и свершенія Россія такъ же раскрыла міру нѣкую общечеловѣческую правду, какъ раскрывали ее величайшіе народы прошлаго и настоящаго.

Созерцая происходящее, мы чувствуемъ, что находимся посреди катаклизма, могущаго сравниться съ величайшими потрясеніями, извѣстными въ исторіи, съ основоположными поворотами въ судьбахъ культуры, вродѣ завоеванія Александромъ Македонскимъ Древняго Востока или Великаго Переселенія Народовъ. Такіе повороты не могли и не могутъ совершаться мгновенно. Процессы, приведшіе въ результатѣ къ растворенію Древняго Востока въ эллинистическій міръ, получили свое начало еще въ періодѣ Великихъ Персидскихъ войнъ. А походъ Кира Младшаго съ 10 тысячами грековъ на Востокъ уже прямо предвосхищалъ намѣренія македонскаго завоевателя. Но Киръ Младшій палъ, и Александръ утвердилъ господство эллинской культуры на Востокѣ черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ его смерти. Мы не знаемъ, какое изъ возстаній Россіи противъ Запада окажется попыткой Кира Младшаго, какое — дѣломъ Александра . . . Но мы знаемъ, что историческая спазма, отдѣляющая одну эпоху міровой исторіи отъ слѣдующей,—уже началась. Мы не сомнѣваемся, что смѣна западно-европейскому міру придетъ съ Востока...

Здѣсь нельзя требовать доказательствъ. И думающіе по иному вправѣ называть насъ безумцами, какъ мы ихъ — слѣпорожденными. Для насъ тревожнѣе вглядѣться въ черты того культурнаго переворота, который предносится намъ въ буряхъ и содроганіяхъ современности.

Всякое современное размышленіе о грядущихъ судьбахъ Россіи должно опредѣленнымъ образомъ оріентироваться относительно уже сложившихся въ прошломъ способовъ рѣшенія, или, точнѣе, самой постановки русской проблемы: „славянофильскаго“ или „народническаго“, съ одной стороны, „западническаго“, съ другой. Дѣло здѣсь не въ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ теоретическихъ заключеніяхъ или конкретно-историческихъ оцѣнкахъ, а въ субъективно-психологическомъ подходѣ къ проблемѣ. Смотрѣть, вслѣдъ за нѣкоторыми западниками, на Россію, какъ на культурную „провинцію“ Европы, съ запозданіемъ повторяющую ея зады, — въ наши дни возможно лишь для тѣхъ, въ комъ шаблоны мышленія превозмогаютъ власть исторической правды: слишкомъ глубоко и своеобразно врѣзались судьбы Россіи въ міровую жизнь, и многое изъ національно-русскаго получило признаніе романогерманскаго міра. Но утверждая, вслѣдъ за славянофилами, самостоятельную цѣнность русской національной стихіи, воспринимая тоносъ *славянофильскаго* отношенія къ Россіи, мы отвергаемъ *народническое* отождествленіе этой стихіи съ опредѣленными конкретными достиженіями, такъ сказать, формами сложившагося быта. Въ согласіи съ нашимъ исторіософическимъ принципомъ, мы считаемъ, что вообще невозможно опредѣлить разъ на всегда содержаніе будущей русской жизни. Такъ, напримѣръ, мы не раздѣляемъ взгляда народниковъ на общину, какъ на ту форму хозяйственной жизни, которой принадлежитъ и, согласно народническому воззрѣнію, *должно* принадлежать экономическое будущее Россіи. Какъ разъ въ области экономической существованіе Россіи окажется, быть можетъ, наиболѣе „западническимъ“. Мы не видимъ въ этомъ никакого противорѣчія возможности и факту настоящей и грядущей культурной своеобычности Россіи. Вѣдь для тѣхъ, кто не принадлежитъ къ числу послѣдователей историческаго матеріализма, культура не есть „надстройка“ надъ экономической базой.

Историческаго *индивидуализма* мы не сочетаемъ съ экономическимъ *коллективизмомъ*, какъ это бывало въ прошломъ въ иныхъ теченіяхъ русской мысли (Герценъ), но утверждаемъ творческое значеніе самодержавной личности также и въ области хозяйственной: чѣмъ, какъ намъ кажется, — становимся на точку зрѣнія *послѣдовательнаго индивидуализма*.

Задачамъ мощнаго экономическаго развитія Россіи не всѣ мы придаемъ одинаковое значеніе. Но никто изъ насъ *не*

враждебенъ этому развитію, — между тѣмъ, въ народничествѣ, въ его конкретномъ выраженіи, лежала, несомнѣнно, органическая враждебность творческому расцвѣту и разливу русскихъ экономическихъ силъ. Мы совмѣщаемъ славянофильское ощущеніе міровой значительности русской національной стихіи съ западническимъ чувствомъ относительной культурной примитивности Россіи въ области экономической и со стремленіемъ устранить эту примитивность.

Мы не отказываемся опредѣлить, — хотя бы для самихъ себя, — содержаніе той правды, которую Россія, по нашему мнѣнію, раскрываетъ своей революціей. Эта правда есть: отверженіе соціализма и утвержденіе Церкви.

Мы не имѣемъ другихъ словъ, кромѣ словъ ужаса и отвращенія, для того, чтобы охарактеризовать безчеловѣчность и мерзость большевизма. Но мы признаемъ, что только благодаря безстрашно поставленному большевиками вопросу о самой сущности существующаго, благодаря ихъ дерзанію по размаху неслыханному въ исторіи, — выяснилось и установилось то, что, въ иномъ случаѣ, долгое время оставалось бы неяснымъ и вводило бы въ соблазнъ: выяснились матеріальное и духовное убожество, отвратность соціализма, спасающая сила Религіи. Въ историческихъ сбываніяхъ большевизмъ приходитъ къ отрицанію самого себя и въ немъ самомъ становится на очередь жизненное преодолѣніе соціализма.

Мы знаемъ, что эпохи вулканическихъ сдвиговъ, эпохи обнаженія таинственныхъ, черныхъ глубинъ хаоса суть въ то же время эпохи милости и озаренія. Смиряясь передъ революціей, какъ передъ стихійной катастрофой, прощая всѣ бѣдствія разгула ея неудержимыхъ силъ, — мы проклинаемъ лишь сознательно-злую ея волю, дерзновенно и кощунственно возставшую на Бога и Церковь. Только всенароднымъ покаяніемъ можетъ быть замолено грѣховное безуміе возстанія. Мы чувствуемъ, что тайна вдохновенной эпохи нашей раскрывается не только въ безбрежномъ разливѣ мистическихъ ощущеній, но и въ строгихъ формахъ Церковной жизни. Вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ русскихъ людей, мы видимъ, какъ Церковь оживаетъ въ новой силѣ Благодати, вновь обрѣтаетъ пророческій языкъ мудрости и откровенія. „Эпоха науки“ снова смѣняется „эпохой вѣры,“ — не въ смыслѣ уничтоженія науки, но въ смыслѣ признанія без-

силія и кощунственности попытокъ разрѣшить научными средствами основныя, конечныя проблемы существованія.

Въ дѣлахъ мірскихъ настроеніе наше есть настроеніе націонализма. Но его мы не хотимъ заключать въ узкія рамки національнаго шовинизма. Болѣе того, мы думаемъ, что стихійный и творческій націонализмъ россійскій, по самой природѣ своей, расторгаетъ и разрываетъ стѣснительныя для него рамки „націонализмовъ" западноевропейскаго масштаба; что даже въ этническомъ смыслѣ онъ плещетъ такъ же широко, какъ широко расплескались по лицу земному лѣса и степи Россіи. Въ этомъ смыслѣ мы опять-таки примыкаемъ къ „славянофильству," которое говорило не только о русскомъ народѣ, но о „славянствѣ." Правда, передъ судомъ дѣйствительности понятіе „славянства," какъ намъ кажется, не оправдало тѣхъ надеждъ, которыя возлагало на него славянофильство. И свой націонализмъ мы обращаемъ, какъ къ субъекту, не только къ „славянамъ," но къ цѣлому кругу народовъ „евразійскаго" міра, между которыми народъ россійскій занимаетъ срединное положеніе. Такое пріобщеніе цѣлаго круга восточно-европейскихъ и азіатскихъ народовъ къ мыслимой сферѣ міровой культуры Россійской вытекаетъ, какъ намъ кажется, въ одинаковой мѣрѣ изъ сокровеннаго „сродства душъ," — дѣлающаго русскую культуру понятной и близкой этимъ народамъ и, обратно, опредѣляющаго плодотворность ихъ участія въ русскомъ дѣлѣ, — и изъ общности экономическаго интереса, изъ хозяйственной взаимообращенности этихъ народовъ. . .

Русскіе люди и люди народовъ „Россійскаго міра" не суть ни европейцы, ни азіаты. Сливаясь съ родною и окружающей насъ стихіей культуры и жизни—мы не стыдимся признать себя — евразійцами.

Поворотъ къ Востоку.

Есть нѣкоторая, постоянно отмѣчаемая аналогичность въ положеніи, относительно міра, Франціи временъ Великой Революціи и Россіи текущихъ годовъ. Но кромѣ детальныхъ и частныхъ, существуетъ основное различіе, быть можетъ, чреватое будущимъ... Тогда, какъ и теперь, существовала Европа; и Европѣ одна изъ европейскихъ странъ несла „новое слово"; страна эта, выйдя въ революціонномъ порывѣ за старыя политическія свои границы, завоевала почти всю Европу; но когда осѣклась въ завоеваніяхъ, — остальная Европа, соединившись въ коалицію, сумѣла обуздать ее и оккупировать войсками. И Россія передъ войной и революціей „была" современнымъ цивилизованнымъ государствомъ западнаго типа, правда, самымъ недисциплинированнымъ и безпорядочнымъ изъ всѣхъ существующихъ". (Г. Д. Уэльсъ). Но въ процессѣ войны и революціи „европейскость" Россіи пала, какъ падаетъ съ лица маска. И когда мы увидали образъ Россіи, не прикрытый тканью историческихъ декорацій, — мы увидали Россію двуликой... Однимъ лицомъ она обращена въ Европу; какъ европейская страна, какъ Франція 1793 года, она несетъ Европѣ „новое слово", — на этотъ разъ новое слово „пролетарской революціи", осуществленнаго коммунизма... Но другимъ ликомъ она отвернулась отъ Европы... — Уэльсъ разсказываетъ, что „Горькаго гнететъ, какъ кошмаръ, страхъ передъ поворотомъ Россіи къ Востоку..." „Россіи къ Востоку". Но сама Россія не есть ли уже „Востокъ"?...

Много ли найдется на Руси людей, въ чьихъ жилахъ не течетъ хозарской или половецкой, татарской или башкирской, мордовской или чувашской крови? Многіе ли изъ русскихъ всецѣло чужды печати восточнаго духа: его мистики, его любви къ созерцанію, наконецъ, его созерцательной лѣни? Въ русскихъ простонародныхъ массахъ замѣтно нѣкоторое симпатическое влеченіе къ простонароднымъ массамъ Востока, и въ органическомъ братаніи православнаго съ кочевникомъ или паріемъ Азіи, Россія

поистинѣ является православно-мусульманскою, православно-буддистскою страной.

Большевики воздвигли гоненіе на православіе и поруганіе всякой вѣры. Это такъ. Но съ тѣмъ большею ясностью, подчеркнутая всею силою контраста, — выступила религіозная настроенность и обращенность тѣхъ русскихъ и не русскихъ массъ, чьимъ движеніемъ и чьимъ дыханіемъ живъ большевизмъ ...

Большевистское надругательство или большевистскій индифферентизмъ къ вѣрѣ даютъ для пониманія Россіи такъ же мало, какъ и большевистскія попытки осуществить на практикѣ велерѣчивыя вѣщанія Маркса.

Именно потому, что Россія есть не только „Западъ", но и „Востокъ", не только „Европа", но и „Азія", и даже вовсе не Европа, но „Евразія" — именно поэтому къ той исторической сущности, которая заключалась въ Великой Революціи Французской, — присоединяется въ Революціи Русской нѣкоторая другая еще далеко не раскрывшаяся сущность ... Французская Революція была революціей, происшедшей въ европейской странѣ съ 25 мил. населенія и 540 тыс. кв. килом. пространства. Русская Революція происходитъ въ странѣ, не всецѣло или вовсе не „европейской", и при томъ въ странѣ съ 150 мил. населенія и 20 мил. кв. кил. пространства. Франція есть часть Европы. Россія же составляетъ „континентъ въ себѣ", въ опредѣленномъ смыслѣ „равноправный" Европѣ... Для союзниковъ 1814—15 года оказалось доступнымъ усмирить и оккупировать Францію. Какова должна быть новая коалиція, чтобы для нея стало возможнымъ усмирить и оккупировать — Россію? .. Великая Французская Революція — это одинъ изъ эпизодовъ европейской исторіи. Русская Революція есть не только эпизодъ европейской исторіи.

Въ современности сплетаются двѣ проблемы. Одна затрагиваетъ глубинные вопросы бытія и творчества культуры; другая переводитъ слова идеологическихъ обозначеній на конкретный языкъ культурногеографической, культурноисторической реальности.

Въ безмѣрныхъ страданіяхъ и лишеніяхъ, среди голода, въ крови и въ потѣ, Россія приняла на себя бремя исканія истины за всѣхъ и для всѣхъ. Россія — въ грѣхѣ и безбожіи, Россія — въ мерзости и паскудствѣ. Но Россія — въ исканіи и бореніи, во взысканіи града нездѣшняго ... Павосъ исторіи почіетъ не на тѣхъ, кто спокоенъ въ знаніи истины, кто самодоволенъ и сытъ. Пламенные языки вдохновенія нисходятъ не на beati possidentes.

не на тревожныхъ духомъ: то крылья Ангела Господня возмутили воду купели.

Въ мірѣ какъ будто нѣтъ измѣненій... кромѣ того, что въ благоустроенномъ культурномъ мірѣ болѣе нѣтъ Россіи. И въ этомъ отсутствіи — измѣненіе. Ибо въ своемъ особаго рода „небытіи" Россія въ опредѣленномъ смыслѣ становится идеологическимъ средоточіемъ міра.

Въ переводѣ на языкъ реальности, это значитъ, что на аренѣ міровой исторіи выступилъ новый, не игравшій доселѣ руководящей роли культурно-географическій міръ. Напряженный взоръ прозираетъ въ будущее: не уходитъ ли къ Востоку богиня Культуры, чья палатка столько вѣковъ была раскинута среди долинъ и холмовъ Европейскаго Запада?... не уходитъ ли къ голоднымъ, холоднымъ и страждущимъ?...

Мы во власти предчувствія... И въ этомъ предчувствіи можно обрѣсти источникъ самодовольства, особаго его вида, самодовольства страждущихъ... Предаться самодовольству—это значитъ погибнуть. Нельзя скрывать того, что считаешь истиной. Но нельзя успокаиваться въ предчувствіи. Не квіетизмомъ, но подвигомъ совершенствованія созидается дѣло исторіи. Кто возгордится, того покидаетъ благодать исканія. И на самоувѣренныхъ падаетъ проклятіе безплодности... Нѣтъ неизбѣжнаго. Есть возможное. Только путемъ напряженнаго творчества, безъ боязни покаяться въ ошибкахъ и сознаться въ слабостяхъ, — только цѣною непрерывныхъ усилій, осуществляющихся въ рамкахъ открытаго волѣ, „пластичнаго" міра, — возможное станетъ дѣйствительнымъ.

Петръ Савицкій.

Сила слабыхъ.

> Что въ томъ, что одинъ еще не начиналъ безпокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до запертой двери и объ нее крѣпко стукнулся лбомъ. Всѣхъ въ свое время то-же самое ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ.
>
> Достоевскій (Рѣчь о Пушкинѣ).

Въ настоящее время развертывается событіе мірового значенія, подлинную сущность и послѣдствія котораго даже самымъ прозорливымъ не угадать.

Событіе это — Русская Революція, но не въ ея соціально-политическомъ смыслѣ и значеніи, а въ ея національно-метафизической сущности. Какъ явленіе порядка соціально-политическаго, она, вѣроятно, подчиненно протекаетъ по руслу революціонной законности. Тайна — въ ея національно-міровомъ итогѣ.

Не коммунистической только заразы боится Западъ, когда пытается окружить Россію заставами. Европа поняла, правда еще не отчетливо и не увѣренно, скорѣе ощутила, грядущій итогъ Русской Революціи и уже содрогнулась передъ нимъ и приняла мѣры защиты. Она поняла, что итогъ этотъ опредѣлится не революціонной энергіей русскаго коммунизма, а историческимъ предопредѣленіемъ всего русскаго народа. Поняла, что на глазахъ у всѣхъ выростаетъ и крѣпнетъ прежняя Европейская провинція, съ которой неминуемо придется сразиться, которая даже первая, не дожидаясь высокаго вызова — обрушится войной обличенія, укора и гнѣва на свою недавнюю и, казалось, вѣчную метрополію.

Россія была великодержавной, никогда не будучи государственной. Государственный навыкъ всякаго народа опредѣляется равнодѣйствующей государственной сознательности всѣхъ индивидуумовъ его составляющихъ. Великодержавность — есть предопредѣленная потенція властности, размаха и разлива всей народной сущности. Это безсознательное ощущеніе мощи, это удѣльный вѣсъ всей народной массы, вытѣсняющей, раздвигающей

собою окружающую среду. Это — невольное самоутвержденіе, droit sacré собственнаго бытія. Иногда великодержавность высокомѣрно разростается, иногда слабѣетъ, разлагается, — превращая крѣпкую, казалось, государственную плоть въ рыхлое, безсильное, разсыпающееся человѣческое вещество. Бываетъ, что даръ великодержавности совпадаетъ съ выработанными способностями къ государственной техникѣ — иногда же они взаимно исключаютъ другъ друга...

Слава Россіи — не сознательно обусловлена государственной способностью ея народа. Славой — Россія слѣпо одарена въ ея великодержавной сущности. Этой сущностью опредѣлена вся исторія русскаго народнаго коллектива, ей всецѣло подчинена русская личность, ею обусловливаются свойства русской души и воли, вѣрнѣе даже, свойство массы вытекаетъ изъ свойства личности. Подобно приливамъ и отливамъ великодержавности русскаго государственнаго коллектива — русская личность, на путяхъ духовнаго восхожденія, на путяхъ великаго жизненнаго искуса, также колеблется, шатается между подвигомъ и паденіемъ, между взлетомъ и срывомъ. Взлетъ поражаетъ своей возносящей силой, точно невидимая рука съ неба простирается и подхватываетъ. Срывъ — всегда ужасенъ бездной своего паденія, потерей Лика Божьяго.

Иногда смиреніе, покорность — граничатъ съ подобострастіемъ, съ трусостью, съ подлымъ чувствомъ собственной потерянности — иногда смѣлость становится безумной, вызывающей гордыней. Въ этихъ колебаніяхъ — законъ исторіи русскаго народа, равно какъ и законъ жизни каждой его личности. Въ этой смѣнѣ возвеличенія и униженія жила народная, стихійная Россія, то безмѣрно великодержавная, то обезсиленная и порабощенная, когда внезапно таинственныя силы народной напряженности, эластичности — изсякали, складывались, поджимались, какъ гигантскія крылья испуганной птицы.

Русская интеллигенція издавна привыкла воспринимать европейскую культуру не въ сознаніи равенства, а въ убѣжденіи ея превосходства, обязательности, исключительности и правоты. Эта робость и подчиненность безусловно коренится въ самомъ существѣ русской природы: если ужъ признать себя неравнымъ, допустить надъ собой чье либо превосходство — то необходимо и подчиниться, смириться, малодушно отречься отъ своего. Это своего рода послушничество, даже самопредательство. Въ отношеніи

чужихъ народовъ, стихійная Россія была, либо великодержавной, т. е. владычной, либо разлагаясь, безвольно покоряясь, сдаваясь въ рабство — все-таки судорожно сжимала, ревниво затаивала свои завѣты въ глубинахъ народной души...

Всечеловѣческія идеи отображаются у различныхъ народовъ въ формахъ разнообразныхъ культуръ. Развивая въ себѣ геній всечеловѣческаго идейнаго вмѣстительства — русская интеллигенція тѣмъ самымъ совмѣщала, вбирала въ свое сознаніе, до полнаго сродства съ ними, всѣ разновидности чужихъ европейскихъ культуръ, въ ущербъ самораскрытію и утвержденію собственной. Вслѣдствіе этого русская интеллигенція оказалась интернаціонально просвѣщена, но обезличена. Специфическая „интеллигенція", конечно, не исчерпываетъ Россіи, какъ великаго цѣлаго. Въ проявленіяхъ владычной великодержавности, въ творческомъ дѣлѣ культуры — Россія хранитъ, какъ драгоцѣнное достояніе, примѣры своеобразной, исключительной и подлинной національной воли.

Въ настоящее время, въ эпоху величайшей трагедіи упадка, паралича державныхъ силъ и воли русскаго народа, въ эпоху, когда вся собранность русской государственности ослабѣла и расплылась, и тѣмъ самымъ должны на ново рождаться и строиться всѣ внутреннія ея взаимоотношенія — народная стихія безсознательно, но властно, подняла гоненіе мести и обличенія на свою сознательную часть, когда та не смогла отвѣтить ей, въ великій моментъ испытанія — близкой, понятной ей, народной, національной культурой. Нельзя сказать, что вся интеллигенція изгнана, но можно смѣло утверждать, что, за малыми исключеніями, изгнана только интеллигенція.

Этимъ изгнаніемъ произнесенъ грозный приговоръ той формѣ воспріятія западной культуры, которая со временъ Петра признавалась русской сознательностью—непреложной и истинной. Насколько творящій, вѣщающій геній Россіи оказался свободнымъ и самобытнымъ, настолько геній вмѣщающій, усвояющій — раскрылся во всей своей робости и подчиненной обусловленности.

Интеллигенція оказалась распыленной по всему міру. Въ то время, какъ народная стихія въ мучительныхъ бореніяхъ и страстяхъ — вновь обрѣтаетъ свои таинственныя, великодержавныя силы, которыя рано или поздно раскинутъ, разольютъ ее въ прежней славѣ и силѣ, — русская интеллигенція, впервые поставленная лицомъ къ лицу, личность къ личности къ культурнымъ наро-

дамъ всего міра, и поставленная тѣмъ самымъ въ необходимость наконецъ заслуженно самооцѣнить свои возможности, а главное свои національные, народные истоки, начала переживать искупительный процессъ поздняго самонахожденія и самоутвержденія. Только въ дѣйственномъ, фактическомъ противоположеніи, а не изъ „прекраснаго далека" и не въ процессѣ слѣпого усвоенія, русская интеллигенція реально ощутила черту, которая прошла между ней и ея вчерашнимъ духовнымъ кумиромъ. Поняла и раскаянно содрогнулась, т. к. слишкомъ неоцѣненно-драгоцѣннымъ оказалось с в о е и слишкомъ изжитымъ и бѣднымъ ч у ж о е. Безсильная, изгнанная, она начала свое перерожденіе и если отъ него не отступится то въ близкомъ грядущемъ обрѣтетъ опять свои подлинныя силы и права.

Народъ собираетъ свои силы въ коллективномъ бореніи, интеллигенція — въ опытѣ личности. Сейчасъ — это враги, т. к. въ жаждѣ самовыявленія и освобожденія отъ чужихъ формъ сознанія и жизни — народъ поставилъ интеллигенцію на сторону своихъ европейскихъ враговъ. Но было бы великой ошибкой думать, что мечомъ коммунизма борется русскій народъ съ Европой и интеллигенціей. Наоборотъ, коммунизмъ это послѣднее обличіе, которое приняла интеллигенція въ своемъ фанатическомъ отстаиваніи принципа уравнительности и всеобщности.

Изгнавъ, въ порывѣ ненависти, своихъ ложно идейныхъ водителей — русскій народъ, въ своемъ исканіи сознательной истины, по привычной подчиненности, отдалъ свою судьбу, повергъ себя въ рабство еще разъ, новой диктатурѣ той-же интеллигенціи, но наиболѣе страшной и властной ея части, не сознательно-идейной, которая господствовала до тѣхъ поръ, пока революція не стала фактическимъ осуществленіемъ, а фанатически волевой. Безотвѣтственно — мятежныя силы интеллигенціи, отбираясь въ слѣпомъ устремленіи къ всемірно-соціалистическимъ идеямъ, — сосредоточили страшную волевую энергію въ нездоровой, перегрѣтой атмосферѣ эмигрантства и подполья. Эта воля — жгучая, жестокая, мстительная, незнающая удержа, нынѣ схватила въ свои тиски — потерявшія свою звѣзду народныя массы. Но ея путеводная истина чужда и ненавистна подлинной Россіи, какъ и прежняя, ибо большевистскій интернаціоналъ есть лишь волевое послѣдствіе космополитическихъ блужданій и соблазновъ русскаго безбожнаго, грѣховнаго интеллигентскаго духа; грѣховнаго, ибо внѣ Церкви не можетъ быть праведна мечта о всемірности и истинѣ.

Это рано или поздно будетъ понято всѣми, послѣ чего волевая (послѣдняя?) диктатура интеллигенціи будетъ также стихійно сметена. Тогда совершится великій завѣтъ Россіи, сбудется пророческая ея тайна: — умудренный и успокоенный народъ и прозрѣвшая интеллигенція примиренно объединятся подъ однимъ великимъ и всеразрѣшающимъ куполомъ Православной Церкви и передъ обѣими издавна враждующими сторонами — обнажится истинный великій врагъ, исконный соблазнитель, противъ котораго тогда, въ одномъ порывѣ радости и общей воли, возстанутъ русская интеллигенція и народъ.

П. Сувчинскій.

Разрывы и связи.

Почему? говоритъ Господь Воинствъ. Потому, что домъ Мой въ запустѣніи, а вы спѣшите каждый въ домъ свой.

Агг. I.10.

И нынѣ прости Ты грѣхъ ихъ. А если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей, которую Ты написалъ.

Исх. XXXII. 32.

Долгіе годы „революція" была русскимъ идеаломъ. Образъ „революціонера" казался общественному сознанію высшимъ типомъ патріота, совмѣщавшимъ въ себѣ возвышенность стремленій, любовь къ народу, къ обездоленнымъ и страждущимъ, и готовность жертвеннаго самозакланія на алтарѣ всеобщаго счастья. Какое-бы разное, — отъ монархическаго до анархическаго, — содержаніе ни вкладывали разные люди въ эти понятія, — всѣ они сходились въ одномъ — въ вѣрѣ въ то, что организованная ли общественность, здравый ли смыслъ народа, беззавѣтная ли отвага „умирающихъ за великое дѣло любви" въ силахъ и смогутъ напряженіемъ своей воли разорвать петли опутавшаго Россію соціальнаго и политическаго зла и утвердить высшую и совершенную форму культурно-общественнаго бытія. Въ этой вѣрѣ въ самихъ себя, въ побѣдительную сущность своего внутренняго существа, въ исконную благость своего внутренняго содержанія совпадали всѣ отъ завзятыхъ циммервальдистовъ до безразсудныхъ реакціонеровъ. Одни считали, что необходимо и достаточно замаскироваться и перерядиться по-„европейски", другіе — содрать съ себя наскоро наброшенную западную одежду, третьи — совершить классовую перегруппировку. Споры шли о томъ, кто — истинный народъ, но „народниками" въ глубинѣ были почти всѣ: всѣ вѣровали въ мессіанское призваніе всего народа или какой нибудь части его. Всѣмъ болѣе или менѣе была близка „молитва" Горькаго: „Я видѣлъ всесильный и без-

смертный народъ . . . и я молился: Ты еси Богъ, да не будутъ міру бози инїи развѣ Тебе, ибо Ты еси единъ Богъ, творяй чудеса" . . .

И въ этомъ настроеніи мы встрѣтили и „пріяли" войну, умѣщая ее въ благодушныя рамки утопическаго, „прогрессивнаго" оптимизма. Человѣконенавистничество и братоубійство было воспринято подъ знакомъ „наибольшаго счастья наибольшаго числа людей" и загадочная противорѣчивость заданія — цѣною тысячъ убійствъ и тысячъ смертей покупать и обезпечивать другія тысячи жизней — прикрывалась гипнотизирующими словами о томъ, что это — послѣдняя война, война за миръ, за „всеобщее разоруженіе," внутреннее преодолѣніе — самоисчерпаніе воинственности. Острота моральнаго надрыва, — чрезъ который долженъ пройти всякій, поднимающій мечъ, — смягчалась перенесеніемъ вопроса въ плоскость формальнаго долга — передъ родиной и единоплеменниками, передъ благомъ человѣчества и цивилизаціей. И вѣрилось, что „крестъ и мечъ — одно", что за обнаженіемъ звѣриныхъ стихій человѣческой жизни магически наступитъ ихъ просвѣтлѣніе, и послѣ войны настанетъ блаженная пора „вѣчнаго мира". . . Люди с а м и сдѣлаютъ себя настолько совершенными, чтобы было возможно перековать мечи на орала. И за эту манящую мечту люди радостно шли — убивать и умирать . . .

Во имя ея звучали восторженные гимны „великодушной и милосердной революціи" четыре года тому назадъ. И когда изъза ея знакомаго по легендѣ и дорогого по преданію „безкровнаго" образа стали нагло вычерчиваться среди угарно-черныхъ и блуждающихъ клубовъ разгоравшейся катострофы бѣсовскія черты наростающаго развала, когда подъ розовѣющей дымкою воочію сталъ „хаосъ шевелиться" — недоумѣвающая мысль заговорила о чьихъ-то ошибкахъ и просчетахъ, о преждевременности, объ опозданіи, о смутности идеи, о невѣжествѣ массъ, не теряя вѣры въ то, что исправленіе легко и возможно. И словно ради самозащиты, конвергировала свои взоры на житейскихъ дрязгахъ, на всевозможныхъ кризисахъ, отъ продовольственнаго до бумажнаго, лишь бы не увидѣть всеобъемлющаго ужаснаго срыва въ бездонность, срыва души и тѣла.

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея —
Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія, Россія моя . . .

И Россія исчезла. . . Исчезла не только русская „государственность," не только наслѣдственный бытъ, — распалось національное единство, распались всѣ соціальныя скрѣпы, и въ сознаніи произошло, какъ древле у Вавилонской башни, смѣшеніе языковъ. Въ стремнины историческаго водоворота вовлечено все то, чѣмъ Россія становилась вѣками, все то, чѣмъ Она была, когда мы впервые начинали Ее любить, хотя и „странною любовью."

И вглядываясь въ подернутыя мудрою усмѣшкою уста замолкшаго „русскаго сфинкса," мы вдругъ, неожиданно для себя самихъ, прозрѣваемъ омерзительный образъ „чудища обла, озорна, стозѣвна и лаяй" и, — что всего ужаснѣе, — узнаемъ въ немъ сгущеніе нашихъ собственныхъ, старинныхъ, прадѣдовскихъ упованій. И чѣмъ дальше смотримся мы въ страшную загадку, тѣмъ ярче чувствуемъ, что и надъ нашей душою эти старыя грезы не потеряли еще власти, что и мы еще вѣримъ, хотимъ вѣрить, въ „благополучный исходъ," въ „естественное теченіе вещей," въ созидательную мощь высокихъ идеаловъ.

Въ великомъ катаклизмѣ разверзлись всѣ трещины и щели, первозданныя породы вынесены на поверхность, глубины обнажились. . . Мы ощутили раздвоенность русской національной стихіи. И узрѣли Россію стоящей

> у перепутнаго креста,
> ни Звѣря скиптръ нести не смѣя,
> ни иго легкое Христа.

И мы увидѣли, что любимъ Россію именно за эту ея двуликость, за ея безкрайность, въ которой сочетаются двѣ бездны — вверху и внизу. И атавистически зачарованные напряженіемъ ярыхъ силъ, стихійнымъ размахомъ, мы снова грезимъ о силѣ и славѣ, . . . силѣ и славѣ человѣческихъ.

И въ томъ — правда, что „исчезнувшая" Россія сильнѣе и пророчественнѣе стоящаго и устоявшаго Запада. Но эта правда отрицанія не выкупаетъ возможной лживости утвержденія. Какъ разъ обратное розовому оптимизму автора „Теодицеи": всѣ правы въ томъ, что утверждаютъ, и ошибаются лишь въ отрицаніяхъ — такъ говорить могъ лишь тотъ, кто вѣрилъ въ свое всемогущество, въ свою прирожденную благость, для кого зло — ошибка, а не грѣхъ. — Конечно, революціи никто не „дѣлалъ," и никто въ ней, въ ея ужасѣ, въ ея горѣ не виноватъ. Она сдѣлалась сама, родилась неотразимо, какъ итогъ всего предшествующаго русскаго историческаго процесса. Въ революціи все неотвратимо, все запечат-

лѣно знаменіемъ Рока. Но изъ чего выросла она: изъ благихъ ли, священныхъ, вѣчныхъ, святыхъ стихій нашего народа, изъ его „идеи," изъ того, „что о немъ Богъ думалъ въ вѣчности," или изъ духовной лжи, искривленности, положенной въ основу нашего историческаго существованія волею человѣческой? . . . .

Прошлое мы поймемъ, и станемъ достойны будущаго, только тогда, когда оно станетъ для насъ не сладостной надеждой, а долгомъ, когда упованія переродятся въ жажду подвига, когда сгущенная, почти апокалиптическая атмосфера нашихъ дней прольетъ въ нашу душу струи подлиннаго религіознаго пафоса, „страха Божія," — когда за коллизіями конечной воли человѣческой со слѣпыми fata „великаго Безликаго Ничто" мы постигнемъ христіанскую трагичность внутренняго раздвоенія: я дѣлаю не то доброе, что хочу, но то злое, чего не хочу. . . Когда поймемъ, что лишь

у Творца Владыки
вѣчное забвенье
всѣхъ земныхъ страданій. . .

Рѣчь идетъ не о „покаяніи." Каялись въ Россіи много, очень много, слишкомъ даже много и обильно. И покаяніе успѣло настолько стать привычнымъ, чтобы сдѣлаться позой, карикатурой, превратиться въ горделивое самоуничиженіе, въ эту самую изысканную и утонченную форму прелести духовной. Не тяжелымъ подвигомъ благодатнаго перерожденія, а стилизованнымъ настроеніемъ стало для насъ подсчитываніе и всенародное исповѣдываніе своихъ, — а за одно и чужихъ, — грѣховъ; а добрыя дѣла, достойныя покаянія, замѣнялись перенапряженіемъ самобичующаго и самообличающаго голоса. — Не о счетѣ грѣховъ идетъ теперь рѣчь, а о томъ, чтобы ужаснуться передъ лицомъ происходящаго, почувствовать всю двоящуюся загадочность бытія, прозрѣть реальность зла и искушеній . . .

„Представь, что это ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданьице, вотъ того самаго ребеночка, бившаго себя кулаченкомъ въ грудь, и на неотмщенныхъ слезахъ его основать это зданіе, — согласился ли бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ?" Такъ спрашивалъ самого себя Достоевскій и содрогался въ мукахъ, не понимая, не принимая жестокаго міра . . .

Но уже не на слезахъ одного замученнаго дитяти, а на рѣкахъ слезъ и крови основывается и сооружается „зданіе судьбы человѣческой", зданіе судьбы русской. Окровавленными руками выковываются онѣ сейчасъ тамъ, въ опустѣвшихъ пространствахъ . . . Годы и годы мы живемъ ненавистью, злобою, жаждою мести, жаждой побѣды и наказанія. Одни убиваютъ. Другіе умираютъ. Всѣ ненавидятъ. И даже дерзаютъ называть свою ненависть — „святой," дерзаютъ говорить по старому — о „сладости отчизну ненавидѣть" . . . Всѣ убиваютъ: кто словомъ, кто взглядомъ, кто мечомъ. Любви нѣтъ ни въ комъ. И нѣтъ исхода, разъ нѣтъ жажды искупленія. — Мы страдаемъ. Мы даже плачемъ, горько и неутѣшно. Но слезы наши все еще — слезы обиженнаго ребенка, а не слезы мужа, узрѣвшаго „смерть вторую" лицомъ къ лицу. „Высокою" цѣлью мы самоувѣренно готовы оправдывать самыя низменныя наши средства. — слишкомъ твердо мы еще надѣемся, чтобы гордость растаяла вполнѣ. Гибель „географическаго отечества" заслоняетъ отъ насъ ужасъ умиранія человѣческихъ душъ... Не то страшно, что люди умираютъ, а то, что они перестаютъ быть людьми. И отъ этого ужаса и страха выходъ есть только одинъ. Не о „Великой Россіи" только должно горѣть наше сердце, но, прежде всего и первѣе всего, объ очищеніи помраченной русской души. Не въ горделивомъ загадываніи впередъ, не въ пророчествахъ, не въ наслажденіи разливомъ національныхъ силъ, не въ созерцаніи сверхчеловѣческой мощи и власти народной стихіи, а въ сраствореннomъ со слезами покаяніи и въ горячей молитвѣ, въ благодатномъ прощеніи Свыше, обрѣтемъ мы право и вѣрить, и надѣяться, и пророчествовать, и звать.

София, 1921. III. 31.

Георгій В. Флоровскій.

Эпоха вѣры.

В. В. Гиппіусу.

Но мы забыли, Господи, забыли —
Слагать Тебѣ нашъ огненный псалтырь. . .

Трава въ степи бурлива и смутна
. . . . . .
Трава въ степи, — какъ рожь, — заколосится!...

Вл. Нелединскій.

Есть страшныя времена, ужасныя эпохи, какъ апокалипсическія видѣнія, времена великихъ сбываній Тайны, страшныя и благословенныя, когда, въ какомъ-то общемъ, таинственномъ порывѣ — цѣлыя поколѣнія тянутся, возносятся къ великимъ тайнамъ неба, или когда небеса, таинственною сущностью своею нависаютъ, снижаются, подобно огромнымъ крыльямъ, надъ землею. Человѣческое и Божеское внезапно сближается, становясь другъ передъ другомъ въ новомъ откровеніи, въ новомъ постиганіи. Богъ — въ насъ, мы — въ Богѣ, но только въ мгновенія величайшихъ напряженій духа, мы реально постигаемъ это. Дѣло не въ терминологіи, но если опредѣлять какимъ нибудь названіемъ такія эпохи вдохновенія, то иного термина, какъ Романтизмъ, — не найти, сводя въ это слово не всевозможные виды творческаго проявленія Романтическаго вѣка, а имѣя въ виду самую сущность переживаній и вдохновеній, которыя господствовали въ „эпохи вѣры". Романтизмъ — Боготомленіе. Даже не Боготомленіе, потому что о Богѣ всегда томимся, даже когда въ безумномъ кощунствѣ Его отрицаемъ, и изгоняемъ, — а Богоявленіе, и Богопостиганіе, — одновременно. Хаосъ и озареніе. Въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ являлся, глаголалъ въ пророкахъ, и только послѣ своего глагола въ Сынѣ, послѣ раскрытія великой Тайны сліянія Бога и человѣка въ безконечной дѣйственности абсолютной личности, когда впервые и разъ навсегда Воля Богоявленія и Воля Богопостиганія соединились въ Христѣ, — Волеблагодати — Любви, въ

равныхъ силахъ противопоставленія, — данъ былъ человѣку, по Благодати, въ сошествіи огненныхъ языковъ, даръ Богопостиганія въ Духѣ Святомъ. Ветхій Завѣтъ пророчествовалъ въ Богоявленіи, не постигая, лишь изрѣкая Волю, или же въ жгучихъ томленіяхъ предрѣкалъ грядущую радость прозрѣнія во Христѣ. Одинъ символъ ветхозавѣтнаго пророчества — Синай, знаменіе воли Отца. Ветхій завѣтъ — законъ самораскрытія Отца: „Азъ есмь Господь Богъ твой". Другой — неистовая псалмодія Давида, то слѣпая, почти что безсловесная, больше перезванивающая въ неистовыхъ, хвалебныхъ тимпанахъ, то жгуче оплакивающая свое безсиліе и грѣховное ничтожество. Ветхій Завѣтъ содрогался о Богѣ, оплакивалъ себя, но не постигалъ. Христосъ, въ дѣйственномъ воплощеніи и Страстяхъ, установилъ безграничную возможность человѣческаго волевого подвига, искуса и лишь сошествіемъ Св. Духа, огнемъ, который Онъ низвелъ на землю, этотъ подвигъ утвердился какъ религія, на неодолѣваемомъ камнѣ Христовой Церкви. Лишь послѣ воплощенія, въ сошествіи Св. Духа раскрыта была, въ установленіи Церкви, тайна постиганія Бога, не какъ Воли, а какъ Благодати Божіей, въ неистощимыхъ дарахъ Св. Духа, самоистекающихъ, источаемыхъ помимо Слова-Воли, почивающихъ на главахъ великихъ избранниковъ лона церковнаго.

Мы всѣ глухіе, слѣпые и безумные, презрѣвшіе все, врасплохъ застигнутые великимъ ужасомъ Силъ Богоявленія, лежащіе въ страхѣ среди кровей, гибели и дыма — обезпамятѣли, забыли дивный даръ Богопостиганія, данный намъ по благодати. Мы смотримъ — и не видимъ, слушаемъ — и не слышимъ, или просто закрыли глаза и заткнули уши, а между тѣмъ творится великое чудо Богоявленія и намъ дано въ сверканіяхъ великаго озаренія постигать его.

Однако, преодолѣвая общую слѣпоту и глухоту, властно раскрывается вся исключительность, избранность эпохи нашихъ дней. Послѣ долгихъ скитаній и отрицаній, человѣчество, въ поколѣніяхъ современности, вошло въ новую полосу романтизма и, слѣдовательно, въ полосу религіозности. Этого отрицать нельзя, ибо сами событія свидѣтельствуютъ. Не культура, какъ совокупность привычекъ и человѣческой способности къ абстракціи, подчиненной всегда очередной логической дисциплинѣ, опредѣляетъ теченіе событій и фактовъ въ стройныя системы міровоззрѣнія; сами событія, въ ихъ непрестанномъ сбываніи, заставляютъ, волею собственнаго свершенія, воспринимать ихъ, вживаться въ нихъ подъ

знакомъ различныхъ психологическихъ и логическихъ аспектовъ, составляя этимъ таинственное чередованіе эпохъ. Наша эпоха — эпоха великихъ религіозныхъ откровеній, и какъ всякая эпоха вдохновенія и раскрытія — протекаетъ въ учащенной смѣнѣ событій. Это ея особенность. Всякое событіе, какъ опредѣленный узелъ свершенія, становится самодовлѣющимъ. Первосущная преемственность событій, развертываніе, выявленіе ихъ во времени и пространствѣ, логическое вытеканіе другъ изъ друга, къ которымъ всѣ издавна пріучены историческимъ матеріализмомъ, окончательно нарушены. Напрасно традиціи логики еще пытаются удерживать все теченіе событій въ своемъ стройномъ руслѣ, — непосредственное ощущеніе этимъ чувствомъ законности больше не скована. Жизнь воспринимается въ моментѣ времени, въ коллизіи силъ, какъ непрестанныя волевыя отсѣчки, какъ завязки и развязки неисчислимаго ряда трагическихъ построеній. Каждое явленіе воспринимается въ своемъ существѣ, какъ таковое, безъ сознанія причинности въ прошломъ, безъ логическаго вывода послѣдствій въ будущемъ. Прошлое становится удѣломъ памяти; будущее — только прозрѣнія и пророчества. Съ обѣихъ сторонъ каждаго событія — бездна. Каждое событіе это волевой актъ въ моментѣ. Такая концепція воспріятія жизни, въ планѣ Волеявленія и Волеподчиненія, есть концепція трагическаго, религіознаго міровоззрѣнія, ибо внутренняя сущность трагическаго состроенія и заключается въ предопредѣленномъ сбываніи всѣхъ предуказанныхъ путей человѣческихъ, водимыхъ свыше. И пути эти, либо обрываются здѣсь на землѣ, въ трагическихъ, непостигаемыхъ катастрофахъ, либо таинственно и незримо возносятся въ небо, въ продолженіи нездѣшняго міра. Эти событія — скрещенія путей, не могутъ быть выводимы другъ изъ друга. Ихъ можно молитвенно заклинать или въ озареніи предвидѣть. Трагическое воспріятіе отождествляется съ пріятіемъ религіознымъ, ибо трагедія есть дѣйственно-волевая проэкція религіознаго принципа. Всякая трагическая концепція выявляется какъ самодовлѣющее данное, завязка котораго всегда тайна, — намъ лишь дана возможность анализа, возможность разложенія силъ, состроящихъ данную коллизію, подчиняющихся, слѣдовательно не закону логическихъ построеній причинности и вывода, а законамъ міровой психомеханики. Подобное чувство жизни утверждается способностью внѣдренія, проникновенія въ сущность всего видимаго, слышимаго, осязаемаго, совершающагося и переживаемаго, которую она безгра-

нично открываетъ. Существо міра познается до послѣднихъ крайностей слiянія, до сокровеннѣйшаго пронизыванія, до вкушенія, до прозорливости, ибо прозорливость только тамъ, гдѣ отъ событія къ событію — простерта бездна.

Неисчислимыя нити причинности и преемственности, раскинутыя повсюду самонадѣяннымъ человѣческимъ раціонализмомъ, долженствовавшимъ побѣдить Тайну, и установить всѣ законы сбыванія, внезапно ослабли и оборвались. Человѣчество, ослабѣвшее, одряблѣвшее въ долгомъ самогипнозѣ призрачнаго всемогущества мысли, въ безумной гордынѣ, утеряло свой „даръ божественныхъ видѣній", великій даръ пророчества и прозорливости — даръ Богопостиганія, даръ свободы, т. к. въ Богопостиганіи вѣчно разрѣшается проблема свободной воли. Это-ли не оскудѣніе?...

Если судить съ точки зрѣнія чистоты вида воспріятія — религіозное воспріятіе жизни есть наиболѣе чистый видъ жизнеощущенія, т. к. оно основано на Волеявленіи и Волеподчиненіи, а жизнь есть непрестанное Самовыявленіе Ипостаси Перваго Дня. Утверждая событіе, трагедію, — пафосомъ жизни, религіозное пріятіе жизни должно соотвѣтственно утверждать и объектъ сбыванія. Если воля опредѣляется въ самодовлѣющемъ моментѣ, то должна быть, естественно, самодовлѣющая духовно-матеріальная единица ее реализующая въ качествѣ дѣйствующаго лица, и таковымъ, въ концепціи религіознаго пріятія міра, является человѣческая личность. Личность каждаго въ себѣ, разыгрываетъ свою трагедію всякаго даннаго момента времени, причемъ интенсивность волевого откровенія, равно какъ и качественность духовно-матеріальной единицы, конечно, во всякомъ данномъ случаѣ различны и могутъ находиться въ неисчислимыхъ сочетаніяхъ. Отсюда, въ противовѣсъ причиннымъ построеніямъ научнаго матеріализма и коллективистической идеологіи соціализма, утверждающіе, первый — полную преемственность любого жизненнаго вида и феномена и, вторая — регулирующая человѣческое массовое взаимобытіе, на основѣ все-уравнивающихъ законовъ борьбы и обмѣна, — религіозная культура утверждаетъ вдохновенное начало личности. Каждая личность, въ отношеніи другой, являетъ собою различныя озаренія, и слѣдовательно, имѣетъ различную качественность. Вслѣдствіи этого, всякая личность неминуемо должна находиться въ непрестанномъ противопоставленіи другимъ личностямъ, при чемъ, въ общемъ устремленіи къ одному и тому же, равнодѣйствующая всей совокупности человѣческихъ лично-

стей слагается по аналогіи съ равнодѣйствующей силъ всѣхъ единицъ матеріала въ построеніи свода, гдѣ каждая единица въ процессѣ преодолѣнія близъ лежащихъ, въ зависимости отъ потенціи силъ заложенной въ нее, созидаетъ возносящееся цѣлое, на основѣ незыблемаго самоутвержденія. Такое механическое преодолѣніе единицъ, конечно, совершенно иного порядка нежели эмоціональное преодолѣніе въ законѣ борьбы за существованіе. Если совершающіяся событія являются единственнымъ критеріемъ жизнепріятія — естественно, не можетъ существовать никакого иного метода учитыванія и постиганія явленій и событій, кромѣ метода качественнаго ихъ отбора и установленія, ибо методъ качественнаго учета наиболѣе короткій во времени, и содержитъ въ себѣ максимальную возможность исчерпывать до конца все, подвергающееся его приложенію. Вѣдь понятія добродѣтели и грѣха, добра и зла — суть различныя качественности дѣйствія и воли, предполагая, конечно, добрую и злую волю—живыми, реальными существами. Когда событія устанавливаются внѣ системы причинности и слѣдствія, то природа каждаго явленія, его качество, сами устанавливаются легко и реально. Добро и зло дѣлаются существами реальными, вдохновляющими всякое дѣйствіе, всякую волю, отображающимися въ каждомъ событіи. Что же касается интенсивности воспріятія всякаго событія, то оно, при фиксаціи явленія лишь въ данныхъ короткихъ отрѣзкахъ времени или моментахъ, опредѣляется напряженностью волевого начала, заложеннаго въ моментъ осуществленія. Чѣмъ интенсивнѣе воля событія —тѣмъ время преодолѣвается въ большихъ степеняхъ, до полнаго исчезновенія, до полнаго пронизыванія волевой сущностью, какъ въ музыкѣ. Религіозное познаніе жизни есть пріятіе музыкальное, т. к. только музыка, подобно нашему психическому току, способна до конца замѣнять собою время. Познаніе слухомъ—самое пристальное изъ всѣхъ человѣческихъ возможностей познанія, самое религіозное, т. к. оно одновременно наиболѣе интуитивно — абстрактное и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе дѣйственно-реальное, ибо преодолѣваетъ время въ звучаніи, сочетая великую тайну вдохновенія съ тайной математической законности. Только музыка, подобно психическимъ переживаніямъ величайшаго напряженія, способна раздвинуть любой моментъ времени, способна остановить время, подчинивъ его теченіе какому нибудь одному психическому состоянію.

Такимъ образомъ, концепція религіознаго міровоззрѣнія допускаетъ, какъ наиболѣе чистые, совершенные виды познанія

міра — трагедію и музыку. Не даромъ въ античности и то и другое было такъ тѣсно связано между собой; не даромъ стихи Библіи — отъ начала до конца пророческія пѣсни; не даромъ греческія философемы выражались стихами. Музыка, въ данномъ случаѣ, принимается во всей широтѣ понятія — какъ звучаніе, пѣсенность, музыкальное мышленіе, т. е. мышленіе интуитивно— реальное. Только въ ритмѣ, въ біеніи, въ трепетѣ, улавливается, утверждается безконечная смѣна Волеявленія, только въ нихъ мы заражаемся и дрожимъ тѣмъ содроганіемъ, въ которомъ непрестанно находится Вселенная. Развѣ ритмъ, конечно существующій и въ искусствахъ пространственныхъ, пластическихъ, не есть, въ сущности, зафиксированныя въ моментѣ времени, въ творческомъ прозрѣніи неумолкаемыя „волны вещества", невидимая для нашихъ слѣпыхъ глазъ трепетность матеріи? Поэтому въ литературѣ наше время — есть время пѣсеннаго, музыкальнаго начала и начала трагическаго, когда музыка слова завораживаетъ, останавливаетъ время, либо когда трагическія коллизіи фиксируютъ въ моментѣ времени предопредѣленныя встрѣчи неисповѣдимыхъ путей жизни, выявляютъ схватки сверхчеловѣческой воли. Иныхъ формъ литературы, современный тонусъ жизни и психическая настроенность не выносятъ. Теперь, въ эпоху романическаго вдохновенія, кажется уродливой, ненужной и безконечно длинной — беллетристика, пустословныя повѣствованія и романы, съ „психологическимъ анализомъ". Утверждая въ трагическомъ пріятіи жизни наиболѣе чистый видъ міропостиганія, романтическая культура, въ своей проэкціи на искусство, послѣдовательно утверждаетъ чистоту вида творчества, какъ основной критерій качественности. Все, что дѣйствуетъ за предѣломъ сущности даннаго волевого содержанія, въ проэкціи искусства, является продуктомъ не чистаго вида творчества. Всякій продуктъ творчества смѣшаннаго типа безконечно теряетъ въ своей первосущной значительности и силѣ. Поэтому, требуя отъ выявленій искусства наивысшаго напряженія, наивысшаго вдохновенія въ постиженіи міра — современная идеологія искусства требуетъ самоопредѣленія каждой его отрасли, каждаго вида искусства до полнѣйшей исключительности, въ примѣненіи доступныхъ ему средствъ воплощенія. Идея синтеза въ искусствѣ, конечно находится въ полномъ противорѣчіи съ подобнымъ утвержденіемъ.

Не будучи соединены въ одно совмѣстное синтетическое дѣйствіе, въ виду строгой разграниченности средствъ выраженія

— всѣ отрасли искусства современной эстетической идеологіи могутъ находить себѣ равнодѣйствующую въ основныхъ законахъ психомеханики, въ законахъ равновѣсія, тяготѣнія, симметріи и золотого сѣченія, которымъ они въ одинаковой степени подчинены. Въ этомъ планѣ мышленія вращаются въ настоящее время всѣ теоретическія попытки футуризма (подъ терминомъ „футуризмъ" подразумѣваются всѣ ищущія теченія искусства современности, богатыя новыми техническими рессурсами, сильныя своей пытливостью, но скудныя вдохновеннымъ озареніемъ).

Въ силу такой идеологіи, музыка только преодолѣваетъ время, фиксируя его собой въ своемъ теченіи, подобно теченію психическому, раскрываясь, либо въ процессѣ простого выявленія (въ формѣ прелюдіи), либо въ процессѣ противопоставленія (въ формѣ сонаты), либо, наконецъ, въ процессѣ исчерпанія (въ формѣ фуги). Изъ всѣхъ трехъ процессовъ, процессъ исчерпанія — процессъ фуги, наиболѣе, такъ сказать, музыкальный, ибо онъ протекаетъ въ поступательномъ движеніи. Отсюда слѣдуетъ, что вообще всякое полифоническое (горизонтальное) музыкальное сложеніе, съ точки зрѣнія чистоты процесса преодолѣнія времени, чище и потому интенсивнѣе, нежели сложеніе вертикальное, гармоническое, опредѣляющее по большей части музыку статическую, чаще всего рефлекторно-иллюстративную; поэтому психическая интенсивность фуги несравнима съ интенсивностью любой програмной музыки. Все церковное пѣніе эпохи расцвѣта было построено именно на принципѣ полифоническомъ. Знаменный распѣвъ являетъ собой одинъ изъ удивительнѣйшихъ образцовъ горизонтальнаго сложенія, совершеннаго въ своихъ аскетическихъ рессурсахъ одноголосія, гдѣ подвижность голоса доведена до высшей степени психологической гибкости. Современная музыка, находится на порогахъ новаго расцвѣта интонаціоннаго начала, діатоническаго, ладового сложенія наканунѣ новаго утвержденія пѣсенной стихіи, музыкальнаго дыханія, какъ основного начала музыкальнаго творчества.

Творчество слова чистаго вида (поэзія), преодолѣвая время, раскрывается въ двойственномъ значеніи: въ моментныхъ фокусахъ смысла, фиксирующихъ логическіе акценты, и въ теченіи звуковой преемственности, составляюшей звуковую, фонетическую основу стиха. Различныя степени совершенства ихъ контрапункта и даютъ то или иное качество поэзіи. Поскольку музыка осуществляетъ собою начало предикатное (субъектъ подразумѣвается непрестанно въ авторѣ, вынесеннымъ за предѣлы композиціи) по

столько поэзія, выявляясь на половину въ логическомъ строѣ словъ-понятій, осуществляетъ начало субъектное. Поэтому звуко-смысловая сила поэтическаго произведенія всегда находится въ зависимости отъ степени субъектности стихотворной фактуры, т. к. логическая сторона стихотворенія выявляется въ прерывистыхъ, моментныхъ логическихъ фокусахъ, а понятіе субъекта всегда моментнѣе, нежели понятіе предиката, таящее въ себѣ непремѣнно нѣкоторую временную протяженность. (Самое длинное по количеству слоговъ слово-субъектъ всегда воспринимается въ болѣе короткій промежутокъ времени, нежели самое краткое слово-предикатъ).

Кажущаяся на первый взглядъ тяжелой и непонятной нагроможденность словъ въ современной футуристической поэзіи (особенно у Маяковскаго) стремящейся къ наибольшей интенсивности въ каждый моментъ звучанія — объясняется превалированіемъ субъектнаго начала надъ началомъ предикатнымъ, которымъ такъ злоупотребляла эпоха символистовъ. И въ этомъ залогъ всей правды футуристической поэзіи, т. к. только при сведеніи логическаго начала въ стихахъ до положительной моментности, можно достигнутъ наивѣрнѣйшаго контрапункта съ началомъ музыкальнаго теченія. Въ разсказѣ, прозаическомъ изложеніи — слово перестаетъ быть звуко-смысломъ и становится простымъ понятіемъ, поэтому проза, романъ, бытописаніе, вообще риторика — являются упадочной формой литературы. Романтизмъ всегда пѣлъ и будетъ пѣть въ стихахъ; вдохновенныя эпохи всегда воплощались и будутъ воплощаться въ удивительной формѣ трагедіи — въ искусствѣ запечатлѣвать таинственныя безконечно-разныя сочетанія души и воли людей, непонятныя скрещенія путей человѣческихъ, опредѣляемыхъ нездѣшней волей.

Наряду съ пѣсеннымъ и трагическимъ началомъ, искусство современной эпохи мощно выдвигаетъ еще два направленія художественнаго развитія: живопись и зодчество, опять таки въ наиболѣе чистомъ видѣ ихъ выявленія. Современная живопись — на пути къ безграничнымъ возможностямъ грандіозныхъ фресковыхъ и мозаичныхъ концепцій. Зодчество стремится къ монументальности. Даръ сочетанія величайшей интенсивности вдохновенія и религіознаго фанатизма съ мудростью и законностью мастерства, свойственные Византіи и отчасти Западному средневѣковью, вновь какъбудто обрѣтаются. Пока что, правда, слишкомъ теоретически, иногда нелѣпо-нарочито, безъ подлиннаго вдохновенія . . .

Исходя изъ требованія максимальной экспрессіи и стремленія къ выявленію внутренней сущности всего видимаго, живопись современной эпохи не могла не попасть на пути и основы фресковой живописи, мощной именно своей удивительной внутренней потенціей заполненія плоскости, преображающей до конца матеріалъ своею духовною сущностью. Въ искусствѣ византійскомъ, византійско-римскомъ, и въ русскомъ иконописьмѣ — расцвѣтъ живописи протекалъ подъ знакомъ церковной сюжетности. И это понятно; именно въ иконѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ другомъ изображеніи, начало матеріальное, должно быть изнутри, безъ остатка, пронизано святостью духа. Современный футуризмъ пытается, пока что въ искусствѣ свѣтскомъ, въ искусствѣ пестроты и грубости повседневности, утвердить прежнюю непосредственность воспріятія. Скудный духомъ, онъ тѣмъ не менѣе достигъ значительныхъ вершинъ мастерства, утвердивъ исключительность основныхъ красокъ, поставивъ на ново проблемы плоскости, перспективы, временнаго начала въ живописи, ритма и, наконецъ, выработавъ технику заполненія любыхъ по величинѣ плоскостей и пространствъ. Пока современность только въ предчувствіи, но какъ только настанетъ подлинное духовное вдохновеніе — живопись будетъ готова, въ новомъ расцвѣтѣ, начать эпоху религіознаго творчества. Современныя техническія данныя и теоретическія стремленія сдѣлаютъ ее вполнѣ подготовленной къ этой новой полосѣ бытія.

Тоже и съ зодчествомъ. Расцвѣтъ архитектурнаго принципа предопредѣляется духовною потребностью утвержденія, закрѣпленія въ монументальныхъ, концепціяхъ вѣрованій и культурныхъ идеаловъ эпохи. Болѣе чѣмъ какой иной видъ искусства — архитектура отстаиваетъ человѣчество передъ временемъ, мѣстомъ и матеріаломъ, видимо и реально возноситъ его. Первой и конечной формой архитектуры и, такъ сказать, наиболѣе присущей ей, есть форма храма. Храмъ — кромѣ символа божественной славы, представляетъ собою также памятникъ религіозной формы данной эпохи. Есть эпохи, когда прикладное зодчество окончательно вытѣсняетъ зодчество романтическое. Въ такія эпохи утрачивается умѣніе строить храмы и воздвигать памятники. Храмы становятся большими сборными помѣщеніями, памятники — сочетаніями увеличенныхъ фигуръ. Монолитность, единство концепціи, законченность, составляющіе сущность утверждающаго начала архитектуры, отсутствуютъ, уступая мѣсто суетливымъ стилямъ,

либо построеніямъ незамыкающимъ, неуравновѣшивающимъ въ себѣ пространство и матеріалъ.

Современная архитектура, наряду съ желѣзо-бетоннымъ прикладничествомъ вновь возродила идею объ архитектурѣ романтической. Вновь явилась жажда утверждать и возносить, пока въ рабскихъ формахъ подражанія прежнимъ вдохновеннымъ образцамъ. Важно это первое стремленіе, потому что сама эпоха, рано или поздно, отобразитъ себя въ новыхъ формахъ храмовъ и памятниковъ, ибо теперь есть что замаливать, есть чему воздвигать памятники, есть, что нужно утверждать. Эти подготовленія къ грядущимъ возможностямъ весьма показательны.

Выравниваніе теченій и направленій искусства различныхъ странъ и народовъ въ общую, среднюю художественную идеологію данной эпохи (при сохраненіи, конечно, господства зарождающаго центра) — явленіе обще-историческое. Однако единовременное подчиненіе всей Европы идеологіи „футуризма“ тѣмъ не менѣе знаменательно. Оно показываетъ, что футуризмъ есть теченіе, вызванное органическими запросами, таящимися въ самомъ естествѣ искусства, что оно есть теченіе, направляющее технику и теорію всѣхъ стремленій художественнаго творчества, застывшія долгое время въ однихъ и тѣхъ же достиженіяхъ, пріемахъ и нормахъ — къ новымъ возможностямъ.

Однако, для созданія эпохи подлиннаго расцвѣта искусства этого мало; можетъ быть русское искусство призвано возмѣстить недостающее, осѣнить все заготовленное богатство техническихъ возможностей и теоретическихъ завоеваній — своей духовной сущностью безмѣрно обогатившейся опытомъ своихъ страстей и великаго искуса.

Дикое, первобытное чувство жизни всегда интенсивнѣе, ярче, а главное, реальнѣе, нежели ощущеніе жизни, прошедшее сквозь ослабляющую сферу раціонализирующей культуры. Теперь, когда есть неутолимая жажда яркихъ чувствъ, совершенно естественно стремленіе понять жизнь, соединиться съ нею въ самыхъ сильныхъ, ярыхъ ея проявленіяхъ. Лермонтовъ это геніально выразилъ въ „Мцыри“, гдѣ человѣкъ соединяется съ природой, до конца ее вбираетъ въ себя, вкушаетъ-не въ идилліи и пасторали, а въ религіозномъ прозрѣніи („кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ“), въ неистовыхъ, стихійныхъ ея проявленіяхъ, когда человѣкъ можетъ ловить рукою молнію, ползать и прятаться змѣей, сплетаться въ хищномъ единоборствѣ съ барсомъ . . . Для Мцыри при-

рода была всею жизнью. Другого онъ ничего не видѣлъ. Вотъ такое же стремленіе къ первичному соединенію со всѣмъ міромъ чувствуется теперь во всѣхъ проявленіяхъ искусства. Этимъ стремленіемъ объясняется современный варварскій „скифскій" эстетизмъ, возвращеніе къ примитиву, къ первично-ясному познанію. Кому дано слиться съ міромъ въ разливѣ его дикихъ силъ — тому легче достается раскрытіе сокровеннѣйшей, первозданной его тайны — увидѣть міръ, какъ цвѣтущій „Божій садъ", „постигнуть тайну Божію въ вещахъ".

Неудивительно, что всѣ крайнія теченія искусства немедленно стали на сторону крайней революціи. Большевизмъ, въ своей стихіи — явленіе глубоко народное, и современное искусство, близкое въ своихъ эстетическихъ вѣрованіяхъ крайней интенсивности, къ безсознательному народному эстетизму, конечно, не могло не почувствать себя втянутымъ вмѣстѣ со всею человѣческой массой въ общій головокружительный вихрь.

Есть еще одна отрасль человѣческой духовной жизни, которая даже сильнѣе всѣхъ остальныхъ загорается въ эпохи озаренія и вдохновенія: это богословская мысль. И здѣсь расцвѣтъ опредѣляется чистотой вида мышленія, ибо богословско-догматическое мышленіе, для наибольшей интенсивности своего творчества, должно строго отграничиться, съ одной стороны отъ философской вольности, вседозволенности и отвлеченности и, съ другой стороны, отъ ложной канонической категоричности, имѣющей иногда корни въ ограниченномъ уставничествѣ и предразсудствѣ, иногда-же въ безсознательно-эстетическомъ чувствѣ Церкви.

Творческое богословское мышленіе должно являть собою равнодѣйствующую неисчерпаемаго вдохновенія и строгой нерушимой данности догмата, ибо религія есть реальная, всеразрѣшающая форма человѣческаго озаренія и мышленія. Православное богословіе, долгое время недвижно покоившееся въ непреклонности и непонятости своего каноническаго ученія (ибо всѣ пути мистическаго постиганія и мышленія интеллигенціи шли мимо Церкви) и можетъ быть миновавшее благодаря этому лжедѣйственнаго вдохновенія власти и силы католичества, накопило въ своемъ существѣ неоцѣнимые дары откровенія и мудрости, передъ которыми всѣ достиженія „культурнаго сознанія" въ смыслѣ интуитивной философіи, — „европейскія культурныя издѣлія изъ азіатскаго сырья" — являются, лишенными благодати раціональными схемами и безжизненными построеніями. Теперь-же мучительно прео-

долѣвая опороченныя ощущенія и касанія религіи въ формахъ чувственнаго эстетизма, устанавливается истинное, цѣломудренное чувство Мистики и Церковности. Кромѣ того, все внутреннее догматическое и каноническое сложеніе и ученіе Церкви, и ея ритуала вновь ожили во всей ихъ первичной истинности и жизненной органичности, во всѣхъ мелочахъ исключительности и цѣлостности ея формы.

Всѣ эти различныя формы Богопостиганія развертываются въ вихрѣ и смятеніи великихъ, стихійныхъ событій Богоявленія. Цѣлыя поколѣнія, цѣлыя эпохи ввергнуты въ грозную пучину, дрожатъ въ бурѣ, вѣтрѣ и смятеніи отъ взмаховъ грозныхъ крыльевъ хаоса. Но когда усиливается сила хаоса — усиливается и сила Духа Святаго, и это мы всѣ, испуганные и оробѣвшіе въ прошлыхъ путяхъ безбожнаго скитанія — должны понять. Человѣчество жило вяло, дрябло, безбожно, растлѣвая себя въ утонченности мистическихъ ощущеній и самонадѣянности раціонализма, но съ того мгновенія, когда началась эпоха дѣйственныхъ трагическихъ событій, когда надъ землею и въ ея глубинахъ зашевелился хаосъ — всѣ люди внезапно раздѣлились на двое, на два стана: на обезумѣвшихъ, взметенныхъ ужаснымъ вихремъ, временно ослѣпшихъ и оглохшихъ, творящихъ не по своей волѣ, и на оробѣвшихъ, испугавшихся, затаившихся до потери способности разумѣнія. Ненавидятъ и проклинаютъ то,что надо понять и принять . . .

Начиная отъ перваго дня войны, человѣчество разыгрываетъ грандіозную трагедію, трагедію смерти, и ее должно разгадать, должно увидѣть истинный ликъ ея тайны въ мгновенныхъ сверканіяхъ озаренія. Черной пылью взметаются всѣ оборотни человѣческой дикой стихіи, коренящейся въ предвѣчномъ хаосѣ. Начавшись подъ знакомъ кроваваго знамени великой войны, въ которой были схвачены одной волей почти всѣ народы міра, трагедія эта продолжается теперь въ Русской революціи подъ знакомъ краснаго флага интернаціонала. Паеосъ начала и продолженія — въ одномъ и томъ же: въ ненависти, въ страхѣ и смерти. Революція, идеологически провозглашенная подъ обветшалыми лозунгами прошлаго столѣтія, на самомъ дѣлѣ протекаетъ въ сонивеллирующаго коммунизма — русская революція неминуемо приходитъ къ утвержденію личности. Дерзнувъ соціализмъ провозгласить религіей, — она небывалой силой утвердила Христіанскую

Церковь. Начавъ борьбу во имя славы единаго всемірнаго клича: „Хлѣба" — матеріальныхъ благъ, ввергающаго человѣка въ бездну животную — революція подняла, взяла самыя страшныя проблемы духа. И это понятно: ибо на одномъ алтарѣ происходитъ освященіе хлѣба и елея. Когда насытятся хлѣбомъ — возалкаютъ миропомазанія и—тогда пойиутъ... Весь міръ, всколыхнувшійся страшной судорогой войны, нынѣ выбитъ изъ прошлаго состоянія самоувѣренности и рыхлаго покоя — насторожился въ тревогѣ и ждетъ. Хочетъ понять, но пока не понимаетъ. Чувствуетъ смертную тревогу, которая можетъ кончиться, либо катастрофой смерти, либо смѣниться новымъ трепетомъ жизни. И этотъ трепетъ жизни уже забился въ Россіи; огненная горячка, повышающая весь человѣческій строй, когда базстрашно ставятся на пересмотръ и новую оцѣнку всѣ, незыблемые казалось, устои прошлаго, когда все лихорадочно начинаетъ вслушиваться въ содроганія земли и неба, — уже зардѣлась. Россія поняла то, что должна будетъ понять вся Европа, весь міръ, — подъ знакомъ русскаго романтизма, русской религіозной культуры. Поняла, что финалъ ужасной войны, (учитывая всѣ „гуманныя" достиженія новаго международнаго распорядка), не могъ быть такимъ ничтожнымъ, какъ его желала видѣть, и какъ его создала Европа. Не было бы русской революціи — былъ бы другой конецъ, соотвѣтствующій своимъ грандіознымъ — размахомъ—размаху небывалой на землѣ войны. Не могла такая трагедія, какъ трагедія пятилѣтней войны — не породить духовнаго итога, такого же страшнаго, катастрофическаго, какъ она сама . И этимъ итогомъ схватки народовъ всего міра — явилась Русская революція. Европѣ никогда не отдѣлаться итогомъ матеріальнымъ, итогомъ „мирныхъ договоровъ" — настоящій, духовный итогъ войны въ Россіи, и теперь это ясно всѣмъ.

Процессъ революціи, такой же кровавый, безумный и нелѣпый, какъ процессъ войны, но итогъ — выводъ въ немъ поставленъ ближе и духовная цѣль ощутительнѣе. Можетъ быть даже Русской революціи, итогомъ ея, суждено искупить всѣ слѣпыя, жестокія и самодовольныя дѣйствія и поступки, всѣ нераскаянные грѣхи Европейской войны. Европа послѣ войны чувствуетъ себя въ состояніи недоумѣнія, можетъ быть неосознаннаго стыда, чувствуя себя безъ результата, безъ вѣнчающаго годы муки и смерти — завершенія. Поэтому у побѣдителей нѣтъ чувства и увѣренности побѣды, у побѣжденныхъ нѣтъ сознанія побѣжденности. Европа хотѣла раздуть свой принципіальный ло-

зунгъ войны — но оказалось, что она разыгралась безъ лозунга, протекла лишь въ распаленности борьбы, черствая, безжалостная, техническая, бѣдная духовнымъ началомъ. Война должна была, тѣмъ не менѣе, поднять свой духовный знакъ — и онъ поднятъ въ ея непосредственномъ продолженіи, — въ русской революціи.

Войны никто не боялся. Къ ней даже привыкли и приспособились. Революціи сразу испугались. И нельзя было не испугаться, потому что за кровавымъ ужасомъ убійствъ и насилій встаетъ загадочный призракъ новаго разгара, новаго духовнаго содроганія, а это всегда страшно, страшнѣе матеріальныхъ, военныхъ лишеній и стѣсненій.

У страха глаза велики. Не только воображаемые фантомы, — вѣщія видѣнія раскрываются сподобившимся, также въ страхѣ и трепетѣ. Но страхъ этотъ мгновенно переходитъ въ покой и блаженство откровенія и мудрости. Вся Россія въ настоящее время въ страхѣ. Одни, по наущенію чужой, нечеловѣческой воли, творятъ ужасное и сами страшатся дѣлъ своихъ — (вѣдь не могутъ не страшиться!), — другіе въ страхѣ передъ дѣлами близкихъ своихъ. Все схвачено и клубится въ одномъ дымномъ, удушающемъ смятеніи, но за то—все возжено однимъ и тѣмъ же огнемъ,— какъ въ пожарѣ.

Пусть ужасный костеръ русской пытки пылаетъ въ Москвѣ, застилая чернымъ дымомъ русскія небеса. — Нужно вѣрить, что въ этомъ кострѣ уже воспламенилось новое человѣческое, русское вдохновеніе. Огонь этотъ вѣтромъ революціи развѣянъ по всему міру, потому что каждый русскій, безъ различія, возженъ отъ одного костра, въ каждомъ есть хоть искра этого страшнаго горѣнія. Надо всѣмъ міромъ вознесено жгучее русское пламя. И правы передъ своей родиной одинаково всѣ, горящіе на кострѣ и разметанные по всему міру, изгоняющіе и изгнанные, потому что каждый, русскій безъ различія, своею воспламененностью, своею новой трепетностью жизни, заражаетъ ими народы и земли, готовя Россіи ближайшей эпохи — небывалую славу. И не оскудѣвшими доктринами коллективистическихъ теорій будутъ опредѣлены взаимоотношенія на ново прозрѣвшихъ людей въ грядущую эпоху, которая опредѣлится русскимъ опытомъ, не на плоской основѣ нивеллирующаго коммунизма, они будутъ зиждиться, а на мощномъ устоѣ человѣческаго свода, въ которомъ самоутверждается каждая личность и этимъ утверждаетъ цѣлое, вдохновенно вознося его въ высь на подобіе купола, раскинутаго надъ нами.

П. Сувчинскій.

Хитрость разума.

> Не тому радуйтесь, что духи вамъ повинуются; но радуйтесь, что имена ваши написаны на небесахъ. — Лк. X. 20

О „кризисѣ европейской культуры", мысли и жизни, говорилось много и давно, на Западѣ и у насъ, дома. И еще ранніе славянофилы заодно съ западно-европейскими романтиками проникли въ его тайну и нарекли первородному грѣху „Европы" его подлинное имя, заговоривъ о „рационализмѣ". Мертвяще-холодная „безжизненность" науки, знанія, — эта тема трагед и Фауста, — давно уже стала избитымъ мѣстомъ. „И кто всѣхъ больше знаетъ, тѣмъ горше долженъ плакать, убѣдившись, что древо знанія — не древо жизни." — такъ еще устами Манфреда было произнесено смертное осужденіе „европейской" цивилизаціи, всецѣло опирающейся на культъ „разума", на культъ „отвлеченныхъ началъ". И чрезъ весь девятнадцатый вѣкъ можно прослѣдить огневыя вспышки гдѣ то въ глубинахъ совершающагося трагически-болѣзненнаго процесса „саморазрушенія Разума", — der Selbstzersetzung und Verzweiflung der Vernunft, какъ выразился Шеллингъ.

Романтики, Гете, Карлайль, Шопенгауэръ, Ницше, Гартманъ, Ренанъ, Ибсенъ, Метерлинкъ . . . . . Сперва осторожныя, потомъ все болѣе и болѣе яростныя, наростаютъ волны „иррационализма". Всюду и во всемъ, вплоть до религіознаго міроощущенія и до эстетическаго воспріятія жизни. Начиная отъ „литературныхъ" фразъ о „банкротствѣ" науки и до увлеченія сатаническими безднами черной магіи и до возрожденія оргіастическаго культа Диониса и Цереры, отъ поверхностнаго атеистическаго отрицанія христіанской догматики до вдохновеннаго оправданія „многообразія религіознаго опыта", отъ призыва вернуться къ природѣ до футуризма, — всюду явныя обнаруженія глубокаго невѣрія въ разсудочное знаніе, въ „мудрость системъ". „Интуиція" побѣдоносно вытѣсняетъ" логику", и самый идеалъ научнаго познанія „истины" меркнетъ то въ неясномъ свѣтѣ біологическаго приспособленія къ условіямъ существованія,

то въ яркомъ пламени мистическаго чувства и пантеистическаго восторга. Начинаетъ ощущаться динамическая природа космоса. Оживаетъ горделивая мечта Фейербаха — о „созданіи" Бога, воскресаетъ старинная идея о „становящемся Абсолютѣ", о незаконченности міра.

Современный русскій философъ и теоретикъ права нарисовалъ недавно выпуклую картину „кризиса современнаго правосознанія", строго говоря, всего общественнаго міросозерцанія въ цѣломъ, картину крушенія „утопіи земного рая". Въ процессѣ испытанія временемъ раскрылась неспособность человѣческой мысли начертать планъ такой организаціи жизни, при которой окончательно устраненъ былъ бы источникъ недовольства, въ которой бы уже не было соціальнаго зла. Истощилась сила очарованія у всѣхъ словъ соціально-политической мудрости, притязавшихъ быть послѣдними. Поднялось сомнѣніе въ бывшихъ дотолѣ самоочевидными догматахъ общественно-исторической вѣры. Жизненныя разочарованія загасили надежды на наступленіе „вѣчнаго мира", всеобщаго благоденствія, вѣру въ культурное восхожденіе объединеннаго человѣчества. И постепенно вызрѣваетъ убѣжденіе, что нѣтъ и не можетъ быть единоспасающаго плана окончательнаго „устроенія" жизни, и рушится вѣра во всемогущество „кодекса" естественныхъ правъ и общественной справедливости.

И это не только въ теоріи, но и въ жизни. Развѣ новѣйшая исторія англійской демократической государственности не являетъ намъ примѣръ молчаливаго водворенія „примата жизни" надъ отвлеченнымъ законодательствомъ?! Тамъ уже давно „дѣйствительность" разошлась съ „писаннымъ закономъ", такъ что оффиціальныя формулы совсѣмъ по футуристически выражаютъ то, что существуетъ „на самомъ дѣлѣ". Но вотъ что всего важнѣе,— не дѣлается ужъ и попытокъ переправить устарѣвшія „нормы" и закрѣпить въ новыя рамки преобразившееся содержаніе общественной жизни. Довѣріе и интересъ къ „формуламъ" психологически изсякли и смѣнились упованіемъ на созидающую мощь индивидуальнаго творчества, не выливающагося ни во что „неизмѣнное".

И вотъ во всеуслышаніе произносятся и совсѣмъ невмѣстимыя и продерзостныя слова—о „гибели Запада" . . . Въ самый фокусъ духовнаго поля зрѣнія вдвигается еще недавно выглядѣвшая совсѣмъ чудовищной мысль о началѣ если пока и не „новаго Эона міровой исторіи", то такого, во всякомъ случаѣ, излома исторической, всемірно-исторической, траекторіи, который ничѣмъ

не менѣе того, напримѣръ, который когда-то переживалъ блаж. Августинъ. И никто уже вслѣдъ за Гегелемъ не повторитъ, что наше время есть „послѣдняя" и „заключительная" ступень эволюціоннаго процесса. Историческій горизонтъ расплавился, исчезъ: предъ глазами повсюду безконечность.

Какъ бы, однако, ни были внушительны эти симптомы умиранія „вѣковѣчной и абсолютной" мудрости, корни которой уходятъ глубоко въ историческую почву, — вплоть до республиканскаго Рима и до Аристотелевой логики, — все же еще остается подъ знакомъ вопроса: разгорится ли розоперстая заря въ новый яркій день. Найдетъ ли „Западъ" въ себѣ достаточно нетронутой и свѣжей силы для того, чтобы реализовать свою грезу, и обновиться не въ мысли одной, а и на дѣлѣ? — спрашивалъ Герценъ пол-вѣка тому назадъ. И, кажется, подобно ему и мы должны теперь отвѣтить скептическимъ сомнѣніемъ, по крайней мѣрѣ, если еще и не полнымъ отрицаніемъ. — Тутъ снова говорятъ „факты".

„Мало опровергнуть прекрасную идею, надо замѣнить ее равносильнымъ прекраснымъ", сказалъ Достоевскій устами одного изъ своихъ героевъ; „не то я, не желая разстаться съ моимъ чувствомъ, опровергну въ сердцѣ опроверженіе, хотя-бы насильно". — Такъ и случилось на Западѣ. Герценъ вѣрно подмѣтилъ „карманное идолопоклонство" европейскаго человѣка, заставляющее его изъ всякой истинной мысли „вмѣсто расширенія круга дѣйствій" сплетать веревку „для того, чтобы ею-же потомъ перевязать себѣ ноги, а если можно, то и другимъ, такъ что свободное произведеніе его творчества дѣлается карательной властью надъ нимъ самимъ".

Извѣрившіеся въ опустѣвшихъ и замороженныхъ формулахъ протестантской схоластики, въ холодной и законнической догматикѣ римскаго католицизма, европейцы уходятъ толпами, . . но куда? въ религію монизма, въ теософію, въ буддизмъ! не далѣе. И это все тотъ же „рационализмъ", то же прежнее стремленіе къ формуламъ, къ наукообразнымъ „догматамъ", къ убѣдительности, словомъ, къ логической неотразимости: Богъ христіанской вѣры замѣщается расплывчатымъ образомъ Природы, въ честь которой новые, уже „невѣрующіе" пасторы произносятъ новыя Sonntagspredigten; или на мѣсто Его ставится смутная концепція неуловимой Высшей Силы, по незыблемымъ законамъ правящей міромъ, и поддающейся вызываніямъ и заклятіямъ. Такъ въ

возстаніи противъ „схоластики“ европейская мысль не идетъ далѣе гнозиса, то-есть, идеала религіознаго знанія, не достигая до подлинной свободы религіозной жизни. Религіозныя „обращенія“ на Западѣ не выводятъ своихъ неофитовъ изъ круга натурализма. Такъ, ярко видно это на примѣрѣ Гюисманса, этого мученика „утонченной Ѳиваиды“, по мѣткому выраженію Н. Бердяева. Отъ плоскостной муки позитивизма и „реализма“, охваченный жаждою жизненной полноты, онъ ищетъ исцѣленія въ декадентскомъ ниспроверженіи условностей, въ оргіастическомъ индивидуализмѣ, и проходитъ илистыя бездны сатанизма и черной магіи; испепеленный здѣсь, онъ прибѣгаетъ подъ сѣнь храма. Но недаромъ темныя силы, изгнанныя изнутри его, пріютились закоченѣвшими чудовищами на его крышѣ, завязли въ его окнахъ: и на высотахъ de la vie dévote, Гюисмансъ остается типичнымъ „упадочникомъ“; религіозныя цѣнности онъ воспринимаетъ только эстетически, но не „религіозно“. Онъ ищетъ бальзама для своихъ душевныхъ ранъ, бальзама, цѣлящаго неотвратимо. Въ его переложеніяхъ житійныхъ сказаній чувствуются старыя волны нездороваго эротизма, влеченія къ уродствамъ и искривленностямъ жизни. И это не случайно. Въ своей знаменитой книгѣ о религіозномъ опытѣ, основанной почти исключительно на „западномъ“ матеріалѣ, Джэмсъ выразительно подчеркиваетъ, что религіозная любовь „святыхъ“ по преимуществу обращается на то, что инстинктивно отталкиваетъ, ищетъ для своего проявленія претящей обстановки. Онъ напоминаетъ, какъ Францискъ Ассизскій цѣловалъ язвы прокаженныхъ, какъ другіе святые вылизывали ихъ; житіе Елизаветы Венгерской, біографія m-me de Chantal полны такихъ подробностей относительно ихъ подвижничества въ госпиталяхъ, что ихъ отвратительно читать. — И достаточно поставить рядомъ хотя бы насыщенную этическимъ пуризмомъ религіозную проповѣдь Толстого, вспомнить обращенія невѣрующихъ интеллигентовъ въ толстовство, а оттуда въ православіе, вспомнить даже духоборовъ, — и религіозная ограниченность западнаго духа вырисуется съ полной силой. Въ этомъ отличіи вскрывается, несомнѣнно, противоположность религіозныхъ стихій, питающихъ „Востокъ“ и „Западъ“. И сейчасъ межъ ними лежитъ та же бездна, что въ древніе дни раздѣляла мистику Эрма и мистику Монтана, афонскихъ исихастовъ и нѣмецкихъ флагеллантовъ, Симеона Новаго Богослова и св. Терезы Испанской. Натурализмъ Западной мистики органически срощенъ съ раціонализмомъ запад-

ной мысли, что проникновенно почувствовалъ Влад. Соловьевъ, совмѣщая въ образѣ Антихриста—великаго мага Аполлонія, полноту научнаго знанія съ магическимъ всемогуществомъ надъ стихіями природы.

Такое сочетаніе „позитивизма“ и интуиціи мы встрѣтимъ во всѣхъ проявленіяхъ западно-европейской реакціи противъ разсудочности. „Кости щелканье сухой“ слышится явственно даже въ поэтической философіи жизни самаго, быть можетъ, яркаго выразителя современнаго интуитивизма“. Бергсона подлинный и творческій пафосъ „философской интуиціи“ здѣсь своеобразно ассимилируется съ „наукой“. Творческая природа духа обосновывается французскимъ метафизикомъ не столько на непререкаемомъ самосвидѣтельствѣ внутренняго опыта, сколько на „объективныхъ“ доказательствахъ отъ психофизіологіи, психіатріи и біологіи. Матерія одухотворяется, она — только застывшій духъ; но въ результатѣ получается обратное: душа матеріализируется, будучи вовлечена въ непрестанно текучую измѣнчивость единаго жизненнаго порыва, одинаково и матеріальнаго, и духовнаго — потенціально. Въ предѣлахъ такого натуралистическаго монизма нѣтъ мѣста подлинному творчеству и свободѣ; за творчество Бергсонъ выдаетъ видимую новизну явленій, зависящую отъ текучаго характера дѣйствительности. Желѣзныхъ петель необходимости Бергсонъ не разрываетъ: причинная неотвратимость остается, только на мѣсто мозаическаго сложенія воздѣйствій поставлено ихъ органическое сліяніе. Но въ природѣ „жизненнаго порыва“ заложены изначально всѣ тѣ чисто-логическія антитезы, которыя разоблачаются въ разсыпающемся эволюціонномъ потокѣ. И примѣчательно, что надразумная стихія осуществляетъ себя по вполнѣ „разумному“ плану — смѣняющихся царствъ природы. —Ничего другого и не могло получиться у Бергсона: вѣдь, вскрывая кинематографическій характеръ „научнаго“ познанія, онъ не отказывается отъ „научности“ и лишь старается прежнюю, ложную, „раціоналистическую“ науку замѣнить новой, „интуитивной“. И генетически этотъ выдающійся противникъ ratio является, вѣдь, прямымъ продолжателемъ французской философской традиціи, восходящей въ конечномъ счетѣ къ великимъ раціоналистамъ — Декарту и Мальбраншу; у послѣдняго можно неожиданно встрѣтить прямыя предвосхищенія самыхъ, казалось-бы, „модерныхъ“ идей Бергсона.

„Европейскую“ ограниченность его міровоззрѣнія всего отчетливѣе можно замѣтить, если сопоставить его съ подлиннымъ

американскимъ прагматизмомъ, густо насыщеннымъ духомъ настоящаго религіознаго творческаго исканія. И поучительно то, что на „европейской" почвѣ прагматизмъ обезцвѣчивается и обезличивается. Можно прямо сказать, что настоящаго „прагматизма" Европа не пріемлетъ, а то, что она пріемлетъ, есть лишь его суррогатъ. Основную мысль Джемса, что цѣнность познанія заключается не въ соотвѣтствіи какому-то неизмѣнному канону разума, а въ его нравственно-творческой силѣ, здѣсь превратили въ отождествленіе истинности съ полезностью, понимая подъ полезностью—злободневную утилитарность. Въ рамки того стиля жизни, для котораго „человѣкъ — для субботы", для котораго высшая справедливость fiat justitia, pereat mundus,—въ эти тѣсныя рамки совершенно не входила идея человѣчности истины, особенно, когда подъ человѣкомъ понимается не средній „просвѣщенный" европеецъ, а „образъ и подобіе Божіе".

И если вглядываться пристально въ философское развитіе Европы за послѣднія десятилѣтія, то не трудно замѣтить, что за видимой пеленою ирраціонализма происходитъ въ точномъ смыслѣ слова всеобщая мобилизація всѣхъ раціоналистическихъ силъ. Самыя мощныя явленія германской философской мысли послѣдняго времени суть не что иное, какъ возрожденіе разсудочной метафизики. Всего ярче сказалось оно въ такъ называемомъ „антипсихологизмѣ". Всякому хорошо памятна та уничтожающая критика, которой Гуссерль подвергъ всю современную философскую мысль,разоблачая ея внутреннюю червивость; онъ показалъ не болѣе, не менѣе какъ то, что современная теорія знанія дѣлаетъ знаніе, какъ постиженіе Истины, невозможнымъ... Потрясеніе, произведенное его аргументами было громадно: многія, уже сложившіяся системы были послѣ нихъ перестроены... Гуссерль настойчиво возстанавливаетъ права Истины — послѣ рядa десятилѣтій, когда это слово писалось только съ маленькой буквы. Но во имя чего? во имя абсолютной системы идей, возвышающихся надъ жизнью и бытіемъ и безусловно недоступныхъ никакому реальному касанію со стороны „эмпирическихъ" существъ. Это—старинная раціоналистическая концепція надмірнаго и предвѣчнаго прототипа космическаго порядка, деистическая концепція Бога, какъ часовщика. Но въ ней нѣтъ и слѣда того мистическаго трепета, которымъ пронизана была система перваго „идеолога", эллинскаго пророка, того религіознаго энтузіазма, который

дѣлалъ его языческимъ предтечею Христа. Въ ней нѣтъ настоящаго восторженія, подъема надъ плоскостью опыта. Идеаломъ познанія по прежнему остается нѣчто въ родѣ „интеллѣктуальнаго созерцанія", правда, подъ новымъ именемъ „эйдетической интуиціи".

Еще рѣзче та-же интеллектуалистическая печать вдавлена въ обликъ другого вліятельнаго направленія въ философіи новѣйшей Германіи, такъ наз. „Марбургской школы", неокантіанства. Здѣсь, правда, какъ будто бы окончательно порывается съ идеаломъ завершеннаго, абсолютнаго знанія, превращаемымъ въ вѣчную и никогда до конца не разрѣшимую „задачу" познанія: на мѣсто законченнаго познанія ставится неограниченно продолжающійся процессъ „познаванія", процессъ „порожденія" и развитія живой мысли. Мѣсто factum занимаетъ творческое fieri. Но это только повидимому. Достаточно припомнить, какъ старательно представители этого философскаго направленія приводятъ къ одному знаменателю всѣхъ мыслителей прежняго, вынося изъ ихъ міропониманій за скобки „общій" Кантанскій коэффиціентъ. Самъ „божественный" Платонъ превращается у нихъ въ методолога науки, а его религіозная терминологія, его мистическій пафосъ объявляется не болѣе, чѣмъ шелухой, случайностью, прилипшей отъ условій среды. Открытое и сознательное возвращеніе „назадъ къ Гегелю", — именно къ панлогисту Гегелю, а не къ кому иному изъ идеалистическй плеяды прошлаго вѣка, напр., не къ моральному энтузіасту и адогматику — Фихте, — окончательно раскрываетъ терминологическую двусмысленность. „Логика, чистаго познанія" есть, дѣйствительно, новая система панлогизма, новая попытка созданія абсолютной науки, пусть вѣчно строящейся и постоянно ремонтируемой, но совершенно безспорной и непреложной въ своихъ „основоположеніяхъ", развивающейся линейно въ разъ навсегда опредѣлившемся направленіи. Пусть „система знанія" замѣнена „исторіей познанія": сама исторія превращена въ систему, начала которой никакому пересмотру не подлежатъ. Въ современной философіи вообще очень ясно сказывается тенденція найти послѣднія основы знанія, тѣ аксіомы, которыя выше всякаго сомнѣнія. Это лишь новая форма „врожденныхъ идей" стариннаго раціонализма. И нужно прибавить, что такое стремленіе распространяется въ область спеціальной науки. Именно оно является двигателемъ современныхъ исканій математической науки. Правда, здѣсь раціонализмъ явно обнаружилъ свои пре-

дѣлы: попытка построить ариѳметику на „абсолютныхъ“ началахъ привела къ обнаруженію антиномій и парадоксовъ въ понятіи числа . . .

И тотъ же интеллектуалистическій уклонъ характеризуетъ нравственную философію современности. Марбургская „этика чистой воли“ „обосновываетъ“ мораль на правѣ, то-есть на юридической формѣ, на отвлеченномъ типѣ соціальнаго бытія. Невольно вспоминается гегелева апоѳеоза государства. — Начавшееся недавно „возрожденіе естественнаго права“ представляетъ собою опять таки всего лишь послѣдовательную реакцію раціоналистическаго духа противъ того весьма скромнаго интуитивизма, который лежалъ въ основѣ „исторической школы“ юристовъ. „Естественное право“, то „справедливое право“ (das richtige Recht), которое проповѣдывалъ въ послѣднее время Руд. Штаммлеръ, представляетъ собою совокупность „разумныхъ“ нормъ, законченно фиксирующихъ въ общихъ жизненныхъ чертахъ всякое человѣческое взаимообщеніе. И когда его сближаютъ съ нравственнымъ „закономъ“, то самой нравственности придается при этомъ тотъ давно знакомый догматически-мертвящій привкусъ юридизма, который столь характеренъ для всѣхъ созданій этики „категорическаго императива“. Вѣдь, у него даже разумъ ведетъ тяжбы съ самимъ собой. — Раціонализмъ соціалистическихъ ученій слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы о немъ нужно было говорить болѣе простого упоминанія.

Во всемъ этомъ новомъ раціоналистическомъ ренессансѣ есть одна весьма знаменательная черта, мимо которой не въ правѣ проходить „философъ культуры“. Подъемъ философскаго творчества и оживленіе философской литературы за послѣднія десятилѣтія неразрывно связаны въ Европѣ, а въ Германіи въ особенности, съ приливомъ представителей еврейской національности въ ряды европейской интеллигенціи. Это явленіе не безусловно новое. Уже въ отдаленные годы можно назвать Спиносу, Реймаруса, Моисея Мендельсона (замѣтимъ, все раціоналисты!), Саломона Маймона, наконецъ, Маркса. Но никогда еще нельзя было встрѣтить цѣлыя группы еврейскихъ именъ. Когенъ, Гуссерль, Бергсонъ, Георгъ Канторъ, Минковскій, Фрейдъ, Вейнингеръ, Зиммель, Эд. Бернштейнъ, — а къ нимъ нужно присоединить не одинъ десятокъ именъ менѣе значительныхъ, — рѣдко кто схватываетъ за этими разрозненными именами нѣкоторое тождество и единство всѣхъ равно воодушевляющаго духа.

С. Н. Булгаковъ когда-то провелъ остроумную параллель между игрою соціологическими абстракціями въ „Капиталѣ“ и апокалиптическими звѣрями послѣплѣнной іудейской апокрифической литературы (правда, онъ не дѣлалъ никакихъ національныхъ сближеній): и здѣсь, и тамъ отвлеченныя всеобщности совершенно заслоняютъ „живую“ измѣнчивость дѣйствительнаго бытія, индивидуальность историческаго процесса совершенно вытѣснена выкристализованнымъ планомъ исторіи. Это сопоставленіе слѣдуетъ распространить гораздо шире. Врядъ ли требуется много доводовъ, чтобы оправдать постановку знака логическаго равенства между „іудаизмомъ“ и раціонализмомъ. Слишкомъ хорошо извѣстенъ тотъ „номизмъ“, законничество, которымъ проникнуты всѣ созданія еврейскаго національнаго генія, начиная отъ Моисеевыхъ скрижалей и до „книжниковъ и фарисеевъ“, и снова отъ Талмуда чрезъ Маймонида до того новаго іудаизма, который не кто иной, какъ самъ Когенъ, откровенно ставилъ выше отжившей религіи Христа. Въ понятіи „закона“, какъ общей формулы, непогрѣшимой и безъизъятной, пересѣкаются всѣ нити еврейскаго духа. Религія становится правовымъ кодексомъ. Въ идеѣ Божества стушевываются всѣ черты, кромѣ юридическихъ: Богъ іудеевъ—Богъ администраторъ и судія нелицепріятный, строгій блюститель разъ навсегда установленнаго порядка, безжалостный каратель всякой неправдѣ.

И въ этомъ пунктѣ происходитъ неожиданная встрѣча: религіозная стихія іудаизма обнаруживаетъ свое сродство со стольже законническимъ духомъ римскаго католицизма, претворившимъ евангельское благовѣстіе въ теологическую систему, сложенную по образцу Аристотелевой логики и Юстиніанова кодекса. Не даромъ именно Западная Церковь унаслѣдовала мессіанскій теократизмъ древняго Израиля и изъ союза вѣрующихъ стала государствомъ. И тамъ, и здѣсь одно и то же юридическое пониманіе добра и зла, грѣха и воздаянія, одно и то же пониманіе міра, какъ системы божественнаго правопорядка, осуществляющаго предвѣчныя мысли и предопредѣленія Всемогущаго и Премудраго Творца. И даже въ западной мистикѣ, — не только церковной, но и въ сектантской, далеко отошедшей отъ римской ортодоксіи— Всепрощающій и Милосердный Отецъ, Богъ Новаго Завѣта, совершенно заслоненъ устрашающимъ образомъ грознаго Судьи, охраняющаго вѣчную волю свою среди кровей и казней, изглаживающаго цѣлые народы изъ книги животной, наказующаго

за грѣхи предковъ—потомковъ до семикраты седьмого поколѣнія, открывающаго свою Истину среди сверкающихъ молній на огнедышащемъ Синаѣ. Католическая мысль впитала въ себя всѣ „культурныя" теченія раціоналистическаго склада, и декретированное полвѣка назадъ ex cathedra оффиціальное возстановленіе суммирующей философіи ангела школъ является еще однимъ яркимъ симптомомъ всепроникающаго раціонализма западнаго міра. Здѣсь подлинно „Западъ въ объятіяхъ Востока", только „Востока Ксеркса, а не Христа", древнѣйшаго переднеазіатскаго Востока, не признававшаго свободы другой, кромѣ свободы произвола единоличной власти; именно онъ возродился въ римскомъ папизмѣ, какъ традиціи древней синагоги перешли къ методистамъ и квакерамъ, въ ихъ религію, можно было бы сказать, здраваго смысла.

Было бы совершенно ошибочно думать, что „раціонализмъ" исключаетъ всякое вдохновеніе, всякій паѳосъ; нѣтъ, существуетъ своя, особая мистика „панлогизма", та самая, о которой говоритъ Гегель въ своемъ знаменитомъ предисловіи къ „Феноменологіи Духа", противополагая ее эстетическому идеализму Шеллинга. Стержень этого раціоналистическаго энтузіазма образуетъ идея общедоступности познанія, своеобразный гносеологическій „демократизмъ". Индивидуальности уравниваются передъ лицомъ сверхличной и безличной, отвлеченной, самодовлѣющей системы Разума. Истина должна быть именно системой разума, а не откровеніемъ художественнаго генія, ибо, только стоя превыше всѣхъ лицъ, не будучи органически сращена съ личною жизнью, можетъ она быть доступна каждому и не зависѣть отъ духовнаго помазанія индивида. Такъ во имя общедоступности познаніе лишается жизненности, отъ него отнимается нравственно-творческая сила, и тѣмъ самымъ оно вовлекается въ необходимую игру стихій природнаго міра. Изъ подвига духовнаго рожденія познаніе превращается то въ психофизіологическій рефлексъ, то въ зеркальное отраженіе „вещей въ себѣ". Психологія становится „механикой душевной жизни" и логика—частью этой индуктивной науки. Мистика раціонализма неизбѣжно вырождается въ натуралистическій магизмъ, человѣкъ изъ дѣятеля-творца, свободнаго и самодержавнаго, становится игрушкой стихійно-причиннаго предопредѣленія, звеномъ во всеобъемлющей системѣ природы. И если въ мірѣ ощущаются духовныя силы, то онѣ сейчасъ же матеріализируются, — онѣ тоже повинуются неизбѣжнымъ законамъ,

онѣ въ этомъ смыслѣ совершенно аналогичны силамъ мертвой природы, и подобно имъ подлежатъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Раціонализмъ послѣдовательно приводитъ къ „спиритизму“.

Эту неизбѣжную сочетанность раціонализма и натурализма, эту необходимость для разума растворять свободу и творчество личности въ системѣ природы очень проникновенно освѣщаетъ несправедливо малоизвѣстный русскій мыслитель В. Несмѣловъ въ замѣчательномъ истолкованіи библейскаго разсказа о грѣхопаденіи. Хорошо сознавая всю безысходность тѣхъ противорѣчій, всю неотвратимость тѣхъ антиномій, къ которымъ приводитъ разсудочность ходячаго объясненія религіознаго смысла этого событія, онъ тщательно избѣгаетъ употребленія традиціонныхъ понятій — непослушанія, оскорбленія, наказанія, возмездія и т. д. Не въ терминахъ криминалистики слѣдуетъ выяснять смыслъ зла. Ни въ формальномъ преслушаніи заповѣди, ни, — какъ это изображалъ, продолжая вслѣдъ за Шеллингомъ и Баадеромъ гностическую традицію, Влад. Соловьевъ, — въ отпаденіи отъ всеединства и утвержденіи самости не можетъ заключаться содержаніе перваго грѣха. Въ стремленіи къ „познанію добра и зла“ не было, и не могло быть ничего дурного. Паденіе состояло въ томъ, что этой цѣли люди пожелали достигнуть не путемъ творческаго подвига, свободнаго исканія, жизненнаго Богослуженія, а магическимъ путемъ, механически: „они въ сущности захотѣли того, чтобы ихъ жизнь и судьба опредѣлялись не ими самими, а внѣшними матеріальными причинами“, и этимъ „унизили себя до положенія простыхъ вещей міра“, „подчинили свою душевную жизнь физическому закону механической причинности и, значитъ, ввели свой духъ въ общую цѣпь міровыхъ вещей“. Не въ нарушеніи закона, а въ суевѣріи — сущность грѣхопаденія, въ убѣжденіи, что познаніе есть пассивное воспріятіе, а не творческій подвигъ. И искупленіе состояло не въ чемъ иномъ, какъ именно въ разрывѣ фаталистической сѣти причинныхъ связей, въ новомъ утвержденіи начала личнаго надъ вещнымъ, въ раскрытіи вѣчной жизни, лежащей внѣ и надъ плоскостью стихійныхъ силъ.

Именно потому, что „раціонализмъ“ закрѣпляетъ космическій процессъ въ стойкія формулы міровыхъ законовъ, личность становится вещью или событіемъ, — не только выглядитъ такъ, но именно превращается въ вещь, ибо угасаетъ, такъ сказать, самосознаніе, растворяясь въ безформенной стихіи разума. И наибольшее, что можетъ почувствовать раціоналистъ, это существо-

ваніе рамокъ, существованіе неотвратимыхъ ограниченій Рока. Но однимъ опущеніемъ граней заклдованнаго круга еще нельзя разорвать его. Для этого нужно „родиться водою и духомъ". Этого-то перерожденія на Западѣ не совершается, — и оттого всѣ усилія мысли остаются плѣненными въ старыхъ узахъ. И это уже великое достиженіе, что узникъ почувствовалъ и осозналъ себя таковымъ: вѣдь раньше онъ почиталъ себя свободнымъ. . .

Вѣяніе освобожденнаго духа, который „дышетъ, гдѣ хочетъ", а не гдѣ укажетъ сцѣпленіе причинъ, слышится въ наши дни только внѣ предѣловъ „европейской" мысли. Имъ озарены творенія національныхъ геніевъ русскаго народа, „безвластнаго" по самой природѣ своей; имъ запечатлѣны прозрѣнія американскаго генія. Не случайно американскій „раціоналистъ" Ройсъ поднялъ изъ оброненныхъ нитей „европейской" философской традиціи не нить „единообразія природы", не нить самораскрытія разума, а нить этическаго пафоса, внушившаго Фихте первую въ исторіи западно-европейской мысли отчетливую формулировку идеи „философіи свободы", „философіи лица" въ противоположность догматизму „философіи вещи". Не случайно внѣ Европы было сказано вѣщее слово о „пластичности" міра. Не случайно, наконецъ, русскій поэтъ раскрылъ глубинный источникъ раціоналистическаго жизнеощущенія въ внушеніяхъ того „страшнаго и умнаго духа", который говорилъ съ Христомъ въ пустынѣ. Тамъ, какъ и древле въ первозданномъ Эдемѣ, онъ говорилъ объ одномъ — о незыблемой силѣ міровыхъ стихій, о міропорядкѣ, о власти надъ человѣчествомъ, о соціальной гармоніи, а подлинное обновленіе приносятъ слова, звучащія совсѣмъ иначе: „Нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ. . . Мужайтесь, Я побѣдилъ міръ".

Софія, 1921-III-20.

Георгій В. Флоровскій.

Миграція культуры.

Эволюцію культуры можно, между прочимъ, разсматривать съ точки зрѣнія географическаго перемѣщенія ея центровъ, т. е. сосредоточій культурной жизни тѣхъ народовъ, которые въ ту или иную эпоху упражняли наибольшее вліяніе на окружающую историческую среду . . . И если обратиться къ культурной жизни „стараго свѣта" и въ частности, той среды, чья историко-культурная традиція запечатлѣна нынѣ въ культурѣ Западной Европы, — то мы увидимъ, что процессъ географическаго перемѣщенія руководящихъ культурныхъ центровъ отмѣченъ въ этой средѣ опредѣленной тенденціей . . . Мы остановимъ наше вниманіе на культурѣ той части „стараго свѣта", которую будемъ именовать „западной", въ отличіе отъ южныхъ и восточныхъ его частей, Индостана и Дальняго Востока, имѣвшихъ и имѣющихъ свои особыя цивилизаціи . . . Та культура, которою нынѣ, въ видоизмѣненномъ, конечно, многими тысячелѣтіями видѣ, живетъ Европа, — получила свое, осязательное для насъ начало въ цивилизаціяхъ Месопотаміи и Египта. Если этотъ фактъ перевести на климатически-географическій языкъ и предполагать при томъ неизмѣнность климатовъ, что въ основныхъ чертахъ является правильнымъ, ибо наши историческіе періоды въ процессѣ космическихъ измѣненій представляются ничтожно-короткими — то окажется, что въ этотъ періодъ культурныя сосредоточія оставались въ предѣлахъ областей, имѣющихъ среднюю годовую температуру около +20° Ц. и выше: Ниневія (Моссулъ) со среднею годовою +20,4° Ц., Вавилонъ, (Багдадъ) +23,3° Ц. и древнеегипетскія Ѳивы (Коссеиръ) + 24,6° Ц.*). Поскольку же въ эту эпоху имѣли значеніе области, лежащія внѣ передней Азіи, и прежде всего области Эгейскаго міра, то это были области крайняго южнаго его предѣла: критская культура существовала на территоріи со сред-

*) Здѣсь и повсюду данныя о среднихъ годовыхъ температурахъ заимствуемъ изъ работы: Dr. Julius Hann, Handbuch der Klimatologie, Stuttgart, 1883.

нею годовою, приближающейся къ +20° Ц. (Канеа на сѣверномъ Критѣ +18,2° Ц.) Такъ обстояло дѣло приблизительно до 1000 г. до Р. Х. Можно считать, что около этого времени стали играть крупную роль срединныя и сѣверныя области Эгейско-эллинскаго міра.

Эпоха около 1000г. до Р. Х. была эпохой такъ называемой микено-троянской культуры. Вслѣдъ за тѣмъ, путемъ длительнаго историческаго процесса, преобладаніе культурныхъ вліяній съ полной уже опредѣленностью перешло отъ странъ древняго Востока къ странамъ греко—италійскаго Сѣверо-запада, прежде всего, къ античной Элладѣ, а впослѣдствіи къ Риму. Эволюція эта означала переходъ культурныхъ центровъ изъ областей съ болѣе теплымъ климатомъ въ области съ болѣе умѣреннымъ. Можно сказать, что начиная съ 1000 г. до Р. Х., важнѣйшія культурныя средоточія западной части стараго свѣта лежали въ климатахъ со среднею годовою около +15° Ц. и выше: древняя Троя +15° Ц., Авины +17,3° Ц., Римъ +15,3° Ц... Вскорѣ послѣ Рождества Христова въ указанныхъ культурно-климатическихъ соотношеніяхъ произошло дальнѣйшее видоизмѣненіе. На аренѣ культурнаго творчества стала выдвигаться Галлія, сдѣлавшаяся мало по малу носительницей латинской культуры и въ качествѣ таковой, отчасти замѣствшая Италію-Римъ. Этотъ процессъ получилъ на рубежѣ VIII и IX вѣковъ по Р. Х. нѣкоторое политическое оформленіе фактомъ возстановленія Западной Римской Имперіи въ видѣ Франкской Державы Карла Великаго. Роль Италіи въ развитіи западно-европейской культуры отъ этого отнюдь не утратила значенія, какъ не теряла его, при возвышеніи болѣе сѣверныхъ центровъ, роль Египта (Александріи!) въ культурѣ античнаго міра. Но само по себѣ выдвиженіе Галліи—Франціи несомнѣнно знаменовало переходъ культурныхъ сосредоточій въ сферу болѣе суроваго климата: вѣдь климатъ Галліи—Франціи характеризуется средними годовыми ниже +15° Ц. (Авиньонъ +14° Ц., Парижъ +10,3° Ц., Брюссель +9,9° Ц.), хотя бы такое выдвиженіе и не было связано съ упадкомъ культурной роли болѣе южной сосѣдки. Одновременно съ нарожденіемъ на Западѣ культурнаго значенія Галліи—Франціи на Востокѣ гегемонія культурныхъ вліяній перешла отъ срединныхъ и сѣверныхъ областей Эгейскаго міра къ еще болѣе сѣверной столицѣ, Константинополю, со средней годовой температурой также ниже +15° Ц. (а именно: +14,1° Ц.) . . .

Принимая во вниманіе, что важнѣйшимъ въ исторіи культуры fait nouveau перваго тысячелѣтія по Р. Х. было нарожденіе культурнаго значенія Галліи и возникновеніе „франкскій" культуры, центры которой находились въ областяхъ со средними годовыми около +10° Ц., мы думаемъ, есть основаніе утверждать, что между эпохой Рождества Христова и 1000 годомъ по Р. Х. руководящіе центры интересующей насъ культуры были расположены въ областяхъ со средней годовой температурой около +10° Ц. и выше (арабская цивилизація этой эпохи процвѣтала въ климатахъ со средними годовыми около +20° Ц.)

Въ какомъ же направленіи шло перемѣщеніе сосредоточій культуры въ теченіе второго тысячелѣтія по Р. Х. ?—Намъ представляется несомнѣннымъ, что въ теченіе этого періода культура западной части „стараго свѣта" продолжала свое, за нѣсколько тысячелѣтій передъ тѣмъ намѣтившееся продвиженіе къ сѣверу или, точнѣе, въ страны съ болѣе суровымъ климатомъ. Уже въ отношеніи къ первому тысячелѣтію по Р. Х. нельзя игнорировать культурнаго значенія народовъ, населявшихъ и населяющихъ Британскіе острова (культура Ирландіи! культура англосаксовъ!), съ ихъ средними годовыми въ +10° Ц. и нѣсколько ниже (Лондонъ +10,3° Ц., Гулль +8,8° Ц., Эдинбургъ +8,2° Ц.) Во второмъ тысячелѣтіи по Р. Х., особенно во второй его половинѣ, это значеніе возросло въ огромной степени. Около 1000 года по Р. Х. вырисовалась въ качествѣ одного изъ активныхъ факторовъ культурнаго бытія Европы, культура нормандская, обитавшая въ странахъ со средними годовыми, немногимъ превосходящими +5° Ц. (средняя годовая Бергена +6,9° Ц., Христіаніи +5,2° Ц.) Въ то же, приблизительно, время франкская цивилизація каролингской эпохи раскололась на нѣсколько обособленныхъ національныхъ вѣтвей; въ культурномъ существованіи одной изъ образовавшихся національностей, пріобрѣвшей крупное значеніе, — германской — видная роль выпала на долю восточныхъ областей ея территоріи, „восточныхъ марокъ", Бранденбургской и иныхъ. Германскія „восточныя марки" такъ же, какъ Скандинавія, лежатъ въ предѣлахъ термической области съ температурами ниже +10° Ц. со средними годовыми въ +8° Ц., +7° Ц. и даже +6° Ц (Кенигсбергъ, прежняя столица Пруссіи и родина Канта, +6,6° Ц.) Мы не станемъ вдаваться въ дальнѣйшее разсмотрѣніе географически-климатическаго распредѣленія центровъ новѣйшей культуры. Скажемъ прямо нашъ выводъ: во второмъ тысячелѣтіи по Р. Х. культура

западной части „стараго свѣта“ въ руководящихъ своихъ средоточіяхъ поднималась къ сѣверу вплоть до областей со средними годовыми около +5° Ц.

Краткое разсмотрѣніе вопроса приводитъ насъ къ установленію слѣдующей схемы культурно-географическихъ перемѣщеній. Культурныя сосредоточія западной части „стараго свѣта“ располагались:

до 1000 г. до Р. Х.
въ областяхъ со средними годовыми температурами около + 20° Ц. и выше

отъ 1000 г. до Р. Х. до эпохи Р. Х.
въ областяхъ со средними годовыми температурами около + 15° Ц. и выше

отъ эпохи Р. Х. до 1000 г. по Р. Х.
въ областяхъ со средними годовыми температурами около + 10° Ц. и выше

отъ 1000 г. по Р. Х. и до настоящаго времени
въ областяхъ со средними годовыми температурами около +5° Ц. и выше.

Мы отнюдь не приписываемъ этой схемѣ характера безусловной точности. Въ частности подъ обозначеніемъ „около“ мы подразумѣваемъ возможность отклоненій среднихъ годовыхъ внизъ отъ указанныхъ величинъ въ предѣлахъ до 2,5° Ц., т. е. до половины той термической величины, которая отличаетъ другъ отъ друга сосѣднія историко-климатическія группы этой схемы... Совершенно очевидно также, что схема эта устанавливаетъ только нижній термическій предѣлъ тѣхъ областей, въ которыхъ располагались, въ соотвѣтствующія эпохи, руководящіе центры культуры. Такой предѣлъ съ теченіемъ времени продвигался въ направленіи все болѣе суровыхъ климатовъ, что само по себѣ означало наростаніе относительнаго значенія болѣе холодныхъ странъ въ дѣлѣ культуры. Продвиженіе предѣла отнюдь не исключаетъ возможности и факта существованія въ каждую изъ упомянутыхъ эпохъ мощной культурной жизни въ странахъ, лежащихъ хотя бы и значительно южнѣе этого предѣла, а также отдѣльныхъ случаевъ перемѣщенія культурныхъ сосредоточій изъ болѣе холодныхъ въ болѣе теплыя страны... Наша схема стремится установить культурно-климатическій fait nouveau каждой изъ разсматриваемыхъ эпохъ; и такимъ fait nouveau неизмѣнно оказывается распространеніе культуры, въ ея руководя-

щихъ проявленіяхъ, на страны со все болѣе холоднымъ климатомъ.

Относительно новѣйшей эпохи мы хотимъ напомнить о слѣдующемъ: во второй половинѣ второго тысячелѣтія по Р. Х. культура западной части „стараго свѣта" (представленная въ этомъ періодѣ культурой „западноевропейской"), являющаяся, въ качествѣ таковой, не болѣе, какъ одной изъ культуръ, существующихъ, на планетѣ, и во всѣ прежнія эпохи, дѣйствительно, сосуществовавшая со множествомъ иныхъ культуръ, въ полномъ или почти полномъ отъ нихъ обособленіи — оказалась въ состояніи, на долго, на коротко ли, установить, впервые за обозримый періодъ человѣческой исторіи, систему сообщеній между народами всего земного шара; въ этомъ процессѣ она получила преобладаніе, какъ военное, такъ и преобладаніе культурныхъ вліяній, надъ культурами всѣхъ прочихъ народовъ и тѣмъ обусловила возможность колонизаціи выходцами изъ Европы обширныхъ внѣ европейскихъ областей (всей Америки и Австраліи, части Африки). Этотъ фактъ существеннѣйшимъ образомъ расширилъ географическую сферу, въ предѣлахъ которой могутъ происходить перемѣщенія центровъ нынѣшней „европейской" культуры. Но это вопросъ настоящаго и будущаго. Въ отношеніи же прошлаго мы видѣли, что сосредоточія культуры переходили въ процессѣ исторической эволюціи въ области со все болѣе суровымъ климатомъ... Начавъ свою миграцію изъ странъ, приближающихся въ своей средней годовой температурѣ къ максимальной извѣстной на земномъ шарѣ (сред. годовая температура верх. Египта около + 25° Ц.; максимальн. извѣстная около + 28° Ц.), культура продвигалась въ области, все болѣе холодныя, и дошла до странъ центральной и сѣверной Европы. Этотъ процессъ мы констатируемъ исключительно въ примѣненіи къ тому конкретному культурно-историческому міру, который именуемъ культурнымъ міромъ „западной части стараго свѣта", оставляя открытымъ вопросъ о характерѣ географическихъ тенденцій въ развитіи иныхъ культурно-историческихъ сферъ, существовавшихъ и существующихъ на земномъ шарѣ. — Однако, придаемъ отмѣченному процессу географически-культурныхъ перемѣщеній нѣкоторое всемірно-историческое значеніе, и это потому, что, согласно сказанному выше, именно та конкретно-историческая культура, которая явилась носительницей этихъ перемѣщеній, въ опредѣленный моментъ, во второй половинѣ второго тысячелѣтія по Р. Х., обрѣ-

ла въ себѣ потенцію расторгнуть узы внутрипланетной разобщенности и подчинила, въ большей или меньшей степени, весь міръ своему вліянію. Поднимаясь тѣмъ самымъ до всемірно-историческаго значенія, — она осѣнила, въ рефлексѣ на прошлое, такимъ значеніемъ и ту культурно-историческую эволюцію, которая ее взростила, между прочимъ, разсматриваемую эволюцію культурно-географическихъ перемѣщеній... Тенденцію такой эволюціи мы устанавливаемъ всецѣло эмпирически. Мы не можемъ ставить и не ставимъ себѣ задачи дать причинное ея истолкованіе. И только въ качествѣ сопоставленія, — къ которому всецѣло относимъ пословицу comparaison n'est pas raison, — мы отмѣтимъ, что въ указанномъ процессѣ географическихъ перемѣщеній, совершающемся въ ничтожно-короткомъ, въ масштабѣ космическаго развитія, промежуткѣ времени, можно усмотрѣть нѣкоторый параллелизмъ процессамъ органической эволюціи міра, развертывающимся въ безконечно болѣе широкихъ рамкахъ времени.

„Середина вторичнаго періода являлась, какъ кажется, періодомъ, равномѣрно теплымъ и влажнымъ, въ теченіе котораго болѣе или менѣе на всемъ пространствѣ планеты господствовали климатическія условія, аналогичныя условіямъ нынѣшней экваторіальной зоны... Начиная съ мѣлового періода, намѣтилось обособленіе полярнаго міра... Жаркій поясъ, съ его рифами зоологическаго происхожденія, все болѣе съуживался... На континентахъ ростъ охлажденія и высыханія сопровождался образованіемъ біологическихъ зонъ, вымираніемъ однѣхъ біологическихъ группъ и нарожденіемъ новыхъ. Во вторичномъ періодѣ твари съ холодной кровью имѣли гигантскіе размѣры; существовали виды, приспособленные къ разнообразнѣйшимъ формамъ существованія: амфибіи, пресмыкающіеся, бѣгающіе, плавающіе, летающіе. Охлажденіе привело ихъ къ вымиранію, и преобладаніе перешло къ тварямъ съ горячей кровью: птицамъ и млекопитающимся..."*)

Съ этой эволюціей интересно сопоставить отмѣченный, въ отношеніи культурныхъ судебъ „стараго свѣта", процессъ миграціи культуры во все болѣе суровые климаты. Какъ болѣе „поздніе" виды живыхъ существъ порождены охлажденіемъ планеты, такъ болѣе „поздняя" культуры рождаются во все болѣе холодныхъ странахъ. Холодъ — если можно назвать „холодомъ" то незначитель-

*) Em. de Martonne. Traité de Géographie Physique, 3-me édition, Paris 1920, pp. 741—743.

ное, въ строѣ мірозданія, охлажденіе, которое сказывается въ климатахъ земли! — является опредѣляющимъ факторомъ эволюціи. Онъ обуславливаетъ видоизмѣненія органическаго міра. Не увлекаетъ ли онъ въ свои предѣлы и человѣческую культуру, въ ея напряженнѣйшихъ проявленіяхъ? — А рано или поздно не прикончитъ ли ледянымъ своимъ прикосновеніемъ существованіе и органическаго міра, и человѣческой культуры?... Тема, дающая пищу для фантазіи...

Никакая тенденція, сколь опредѣленно ни сказывалась она въ прошломъ, не даетъ основаній для предсказаній о будущемъ, и никакое сопоставленіе не можетъ дать ей этого качества. Но существованіемъ тенденціи обуславливается возникновеніе ожиданія...

Истекаетъ второе тысячелѣтіе по Р. Х. Если силы, дѣйствовавшія въ послѣднія тысячелѣтія въ культурномъ развитіи западной части стараго міра будутъ и впредь дѣйствовать въ немъ и при томъ съ прежней интенсивностью, то станетъ законнымъ ожиданіе, что въ третьемъ тысячелѣтіи по Р. Х.,—продолжая въ томъ же темпѣ, какъ въ прошломъ, свое движеніе навстрѣчу холоду — культурныя сосредоточія міра передвинутся въ сторону климатическихъ зонъ со средними годовыми около 0°...

Изъ числа областей земного шара, отмѣченныхъ средними годовыми температурами, спускающимися отъ + 5° Ц. къ 0°, и доступныхъ въ то же время для обитанія современнаго человѣка— имѣютъ значеніе единственно области Канады (Виннипегъ +0,6° мѣстности на среднемъ Саскачеванѣ 0°, фортъ Chipéwayan на оз. Атабаска, все еще въ области пшеничной культуры, —2,5° Ц.) и примыкающихъ къ нимъ районовъ С. Ш. (сѣв. Миннезота + 3,0° Ц.), а затѣмъ области частью сѣверной и центральной — и всецѣло восточной Россіи какъ Европейской, такъ и Сибири (Москва + 3,9° Ц., Казань + 2,9° Ц., Екатеринбургъ + 0,5° Ц., Красноярскъ + 0,3° Ц., Иркутскъ — 0,1° Ц.), т. е. области, входящія въ составъ той географической сферы, которую мы именуемъ „Евразіей". Такимъ образомъ, продолженіе въ будущее тенденціи географически-культурныхъ перемѣщеній, указанной въ предыдущемъ, приводитъ, какъ будто, къ предположенію, что культурныя средоточія того міра, носителемъ традиціи котораго являлась въ послѣдніе вѣка Западная Европа, будутъ продвигаться—въ Россію-Евразію и въ сѣверную Америку.

Въ предѣлахъ этихъ географическихъ міровъ культура встрѣчаетъ на своемъ пути не только области, съ тѣми низкими го-

довыми средними, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, — но и страны, гораздо болѣе теплыя; вѣдь Нью-Іоркъ, не говоря уже о южныхъ штатахъ, имѣетъ среднюю годовую въ + 11,0° Ц. — Культура осѣдаетъ и утверждается и въ этихъ, болѣе теплыхъ, областяхъ. Въ строѣ мыслей излагаемой здѣсь культурно-географической или, точнѣе, культурно-климатической концепціи, этотъ фактъ можно разсматривать, какъ одно изъ явленій, сопровождающихъ процессъ миграціи культуры въ направленіи „полюсовъ холода", находящихся въ глубинѣ сѣверной Америки и „Евразіи"... Было бы смѣшно претендовать на научную достовѣрность подобной концепціи. И съ точки зрѣнія принципа свободы философскаго убѣжденія, который, по природѣ вещей, долженъ господствовать повсюду, гдѣ дѣлается попытка предвидѣть будущее на основаніи глазомѣрныхъ оцѣнокъ и эмпирическихъ тенденцій, — совершенно допустимо, напр., мнѣніе, что дойдя до нынѣшняго предѣла, руководящіе центры культуры вновь отодвинутся къ Югу. Для того же, кто склоненъ думать, что процессы географически-культурныхъ перемѣщеній грядущаго будутъ протекать въ направленіи, въ какомъ они протекали въ прошломъ, открывается поприще къ отысканію признаковъ, что культурные центры современности, дѣйствительно, передвигаются и передвинулись въ направленіи Россіи-Евразіи и Сѣверной Америки, къ попыткѣ сомкнуть ожиданіе, возникающее въ результатѣ наблюденій надъ тенденціей культурно-географическихъ перемѣщеній, съ живыми впечатлѣніями современности. Здѣсь можно ссылаться на то преобладаніе, которое въ послѣдніе годы пріобрѣла Сѣв. Америка въ экономической жизни почти всего земного шара, въ значительной мѣрѣ, благодаря напряженной экономической дѣятельности тѣхъ — суровыхъ, по климату, — областей, развитіе которыхъ наиболѣе показательно съ точки зрѣнія устанавливаемой здѣсь географически-культурной тенденціи; можно указывать на непрерывно растущее политическое значеніе Соед. Штатовъ Сѣв. Америки. Съ другой стороны, напомнимъ о томъ центральномъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, положеніи, которое въ самые послѣдніе годы заняла Россія въ идеологической жизни міра кипѣніемъ и броженіемъ своей революціи, но тѣмъ самымъ, въ извѣстной степени, и всей совокупностью своей культуры. Между тѣмъ, въ одномъ изъ процессовъ культурной своей эволюціи, Россія, и земледѣльческой колонизаціей, и перенесеніемъ центровъ промышленности, уходитъ съ прежней культурной территоріи своего Центра и Сѣ-

вро-Запада все болѣе на Востокъ — въ безбрежныя пространства и степи окраинно-европейскихъ и азіатскихъ земель, въ области, гдѣ средняя годовая спускается къ 0°:

„О Русь моя. Жена моя. До боли
Намъ ясенъ долгій путь.
Нашъ путь стрѣлой татарской древней воли
Пронзилъ намъ грудь.
Нашъ путь степной"...

(А. Блокъ).

Можно думать, что руководящіе центры культуры, наиболѣе вліятельныя ея сосредоточія, находятся уже и теперь не только въ Западной Европѣ, какъ было недавно, но и въ Россіи-Евразіи и Сѣв. Америкѣ; что эти двѣ области или вѣрнѣе два континента становятся рядомъ съ Западной Европой и „смѣняютъ" ее въ смыслѣ принятія на себя части дѣла культурнаго творчества (что, конечно, само по себѣ не утверждаетъ культурно-историческаго „устраненія" ранѣе дѣйствовавшаго міра)...

Къ предвидѣнію такой „смѣны" мы приходимъ путемъ установленія нѣкоторой тенденціи культурно-географическихъ перемѣщеній, тенденціи, существенной, по нашему мнѣнію, для пониманія судебъ культуры, но опредѣляющей какъ бы то ни было только внѣшнюю рамку культурно-историческаго процесса. Наша точка зрѣнія есть, въ извѣстномъ смыслѣ, точка зрѣнія формально-географическая. Намѣтить перспективы, открывающіяся именно съ этой точки зрѣнія, такова непосредственная наша задача . . . Мы слѣдимъ за географическими перемѣщеніями культуры и видимъ, какъ культура переднеазіатская, средиземноморская и западноевропейская смѣняютъ другъ друга. И мы ставимъ вопросъ, не будутъ ли ихъ преемницами и, въ частности, преемницами культуры западноевропейской (или сосуществующими ея „товарками") культура сѣвероамериканская, съ одной стороны, и культура евразійская, съ другой?... Имя „Евразіи" выражаетъ для насъ, между прочимъ, сопряженность русской стихіи съ нѣкоторыми этнически не русскими элементами окружающей ее среды. Если бы насъ спросили, какъ мы переводимъ географическую схему культурныхъ перемѣщеній на языкъ этнографическій, — то вслѣдъ за установленіемъ періодовъ халдейскоегипетскаго, грекоиталійскаго, романогерманскаго, мы обозначили бы культурное существованіе Сѣверной Америки, какъ продолженіе періода романогерманскаго, а поскольку рѣчь зашла бы о Россіи-Евразіи, говорили бы о

періодѣ славяномонгольскомъ, славянотуранскомъ или уже, русскомонгольскомъ, русскотуранскомъ...

Какъ же обстоитъ дѣло въ процессѣ культурно-географической и культурно-этнографической эволюціи съ измѣненіями въ содержаніи культуры? Наша концепція подразумѣваетъ, конечно, историческія измѣненія этого содержанія: такія измѣненія прикрѣпляются къ этапамъ географическихъ и этнографическихъ перемѣщеній. Въ этой концепціи образы географіи и этнографіи культуры суть въ то же время носители конкретнаго содержанія послѣдней: религіи и философіи, поэзіи и искусства, государственности и хозяйства, техники и быта. Имѣло бы значеніе установить градацію интенсивности тѣхъ измѣненій въ содержаніи культуръ, которыми сопровождаются отдѣльные этапы культурно-географическихъ и этнографическихъ перемѣщеній. Къ сожалѣнію, не располагая мѣриломъ, чтобы измѣрить различія интенсивности, мы принуждены ограничиться эмпирическимъ констатированіемъ существованія послѣднихъ, — существованія различія между такимъ, напр., перемѣщеніемъ культурныхъ сосредоточій, какъ перемѣщеніе ихъ изъ Арголиды царя Агамемнона въ Аттику Перикла, — и такимъ, какъ ихъ перемѣщеніе изъ странъ древняго Востока въ Элладу, какъ совокупность. Возникаетъ вопросъ: мыслимый переходъ культуры изъ Западной Европы въ Россію-Евразію и Сѣверную Америку, являетъ ли онъ подобіе перемѣщенію сосредоточій изъ Арголиды въ Аттику или же, по своему характеру, приближается къ перемѣщенію культуры изъ странъ древняго Востока въ Элладу?...

Если этотъ вопросъ формулировать, въ частности, въ отношеніи Россіи, то его можно поставить такъ: выдвиженіе Россіи есть ли это выдвиженіе одной изъ „европейскихъ“ странъ въ сферѣ „европейской“ культуры, подобное, напримѣръ, наростанію значенія Галліи-Франціи, на ряду со значеніемъ Италіи, смѣнѣ мыслимаго „италійскаго“ періода французскимъ — или это есть нарожденіе новой культуры, хотя бы генетически и связанной съ западноевропейской, но представляющей собою столь же радикальное измѣненіе ея традиціи, какъ то, напр., которое осуществила Эллада въ отношеніи къ „наслѣдству“ древняго Востока или новый міръ въ отношеніи къ античному?...—

Процессъ перемѣщенія культурныхъ сосредоточій изъ Арголиды въ Аттику и процессъ перехода ихъ изъ странъ древняго Восто-

ка въ Элладу—это случаи крайніе. Исторія даетъ примѣры культурно-географическихъ перемѣщеній, занимающихъ, по степени радикальности, срединное положеніе: напр., смѣна эллинскаго міра міромъ эллинистическимъ. Можно задаваться вопросомъ: не являютъ ли культуры Россіи-Евразіи и Сѣверной Америки, въ ихъ отношеніи къ культурѣ романогерманской Европы, нѣкотораго подобія именно такимъ соотношеніямъ типа промежуточнаго?...

Къ намѣченной прсблемѣ примыкаетъ иная. Нарожденіе руководящей культурной роли „молодыхъ" странъ само по себѣ не означаетъ, что центры „старой" культуры теряютъ значеніе. Такъ и въ органическомъ мірѣ: новорожденные, молодежь, взрослые и старики сосуществуютъ. Но по общему порядку молодые переживаютъ старыхъ. Подобно этому и въ мірѣ культуры болѣе „молодые" центры, хотя и не сразу, но постепенно, устраняютъ значеніе „старыхъ"... Бываютъ исключенія. И, напр., культура древняго Египта пережила много другихъ болѣе „молодыхъ" культуръ. Но по общему правилу это такъ. Какъ же будетъ обстоять дѣло въ отношеніяхъ Россіи-Евразіи и Сѣв. Америки, — къ „Европѣ"; произойдетъ ли „declin d'Europe", „Untergang des Abendlandes" или Европа, съ тѣмъ культурнымъ ферментомъ, который въ ней заключенъ, окажется въ своемъ культурномъ значеніи устойчивѣе иныхъ, нынѣ выступающихъ на историческую арену міровъ, обоихъ вмѣстѣ или какого либо въ отдѣльности?...

Мы оставимъ въ сторонѣ идеологическія бездны возможныхъ расхожденій. Ограничимся краткими указаніями на различія въ индивидуальномъ положеніи Сѣвер. Америки, съ одной стороны, и Россіи-Евразіи, съ другой, въ ихъ отношеніи къ Западной Европѣ,—какъ въ масштабѣ географическаго „прыжка", съ которымъ связывается мыслимая культурно-географическая эволюція, такъ и въ характерѣ культурной традиціи, которой обладаетъ одна и другая.

Нарожденіе могучей культурной жизни въ Сѣверной Америкѣ есть нѣкоторый „революціонный" фактъ культурно-географической эволюціи. Перенесеніе за океанъ центровъ культуры, являющейся въ своемъ корнѣ культурою „западной части стараго свѣта", устраняетъ качество этой культуры, какъ культуры исключительно „стараго свѣта", придаетъ ей существенно новую географическую конфигурацію. Столь же новымъ культурно-географическимъ фактомъ является выступленіе на широкую культурно-историческую арену освоенныхъ русской стихіей областей Сѣверо-восточной Ев-

ропы и Сѣверной Азіи. Но все таки области эти пребываютъ въ предѣлахъ „стараго свѣта". Можно сказать, что въ смыслѣ внѣшне-географическомъ Сѣверная Америка находится дальше отъ Западной Европы, чѣмъ Россія-Евразія; и потому, если будущее принадлежитъ не Западной Европѣ, то въ перспективѣ мыслимой культурно-географической эволюціи именно Россія-Евразія есть непосредственная воспріемница культурной преемственности „западной части стараго свѣта". Иначе обстоитъ дѣло въ отношеніи содержанія культурной традиціи. Сѣверная Америка есть страна, населенная всецѣло путемъ иммиграціи изъ Западной Европы; въ нѣкоторомъ смыслѣ, она есть плоть отъ плоти и кровь отъ крови Западной Европы. Съ теченіемъ времени она вырабатываетъ и выработаетъ, конечно, самостоятельную традицію. Но въ истокѣ своемъ она несетъ только ту традицію, которая пребываетъ въ культурѣ Западной Европы. Русская же культура заключаетъ въ себѣ не только тѣ традиціи, которыя заимствованы изъ Западной Европы, но и нѣкоторыя иныя, — напр., культурную традицію полученную непосредственно отъ Византіи. Если воспринимать Россію въ расширенной трактовкѣ, если предвидѣть и придавать значеніе участію въ дѣлѣ русской культуры татаръ и сартовъ, грузинъ и армянъ, персовъ и турокъ, то можно утверждать, что стихія россійская, въ своемъ духовномъ бытіи, пребываетъ на пересѣченіи западноевропейской традиціи съ традиціями стараго „доевропейскаго" Востока . . . Въ то время, какъ культура романо-германской Европы получаетъ неслыханное еще расширеніе въ подъемѣ Сѣверной Америки, — въ старомъ свѣтѣ приходитъ къ культурному вліянію нѣкій новый міръ, культурная традиція котораго имѣетъ иной и въ нѣкоторомъ смыслѣ болѣе сложный составъ, чѣмъ культурная традиція сѣверной Америки.

Петръ Сапицкій.

О народахъ не-историческихъ.

(Страна отцовъ и страна дѣтей).

Н. Н. С. . . ов.

Der Prozesz der Geschichte ist ein Verbrennen — *Novalis.*

Изъ глубокой древности ведетъ свое начало идея культурно-исторической неравноцѣнности и, стало быть, неравноправности народовъ, еще съ тѣхъ поръ какъ „избранный народъ Божій" — Израиль выдѣлялъ себя изъ пестрой массы „языковъ", и „свободные" эллины противопоставляли себя рабамъ — „варварамъ". Въ сознаніи ближайшихъ къ намъ поколѣній эта мысль отлилась въ форму антитезы народовъ „историческихъ" и народовъ „не-историческихъ", народовъ старыхъ, жившихъ и прожившихъ длинные ряды историческихъ превращеній, и потому несущихъ въ себѣ толщу послѣдовательныхъ культурныхъ напластованій, и народовъ, доселѣ нѣмотствовавшихъ, культурно-дѣвственныхъ, „лишенныхъ наслѣдства" и предковъ, народовъ новыхъ. Проблема національности преломлялась здѣсь сквозь призму всемірно-историческаго плана жизни, и получала разрѣшеніе съ точки зрѣнія единичности историческаго процесса и линейности его пути. Не пучкомъ лучей и не связкою параллелей, а именно одною, единственною линіей направляются судьбы человѣчества, какъ единаго цѣлаго, къ осуществленію единой, всеобщей задачи. Медленными, но непрерывными шагами подвигается оно къ своей завѣтной цѣли. Но не сразу все человѣчество выступаетъ на міровую арену: народы смѣняются народами, и водружаютъ одну надъ другой все новыя и высшія скрижали. Онѣ не отмѣняютъ другъ друга, а неуклонно накопляютъ и углубляютъ наслѣдственную мудрость. Въ настоящемъ, какъ говорилъ Гегель, совмѣщаются всѣ былые вѣка. Наростаютъ и крѣпнутъ богатства „общечеловѣческой цивилизаціи". И вотъ, казалось, ограниченное число народовъ „историческихъ", наслѣдующихъ другъ другу въ возглавленіи вселен-

ской жизни, уже исчерпано, и тотъ народъ, на чью долю выпала послѣдняя очередь, призванъ навсегда сохранить за собою права культурной гегемоніи и значеніе мірового центра. Такова завидная доля „Европы", того „романо-германскаго" міра, который сложился на развалинахъ древней римской имперіи, и унаслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ ихъ государственную мудрость, религіозныя откровенія и культурныя предрасположенія. И въ предѣлахъ этого міра происходила своя „смѣна народовъ", приведшая въ концѣ концовъ къ тому, что „сердцемъ" и „столицею" міровой культуры сталъ германскій народъ. Во дни патріотическаго горя, государственнаго униженія и народнаго отчаянія, въ порывѣ религіознаго энтузіазма убѣждалъ Фихте „нѣмецкую націю" въ томъ, что лишь она есть „народъ" въ подлинномъ и строгомъ —мессіанскомъ смыслѣ слова, и только ей доступна настоящая, просвѣтленная идеалами „любовь къ отечеству". И въ тѣ же почти годы, стараясь возсоздать въ цѣлостномъ образѣ послѣдовательныя судьбы человѣчества, Гегель приходилъ къ заключенію, что именно „народный духъ" германскаго племени, его Gemüth являетъ высшую точку развитія мірового Разума. Послѣ ряда попытокъ онъ находитъ, наконецъ, адэкватную форму своего самооткровенія.

Рядъ культурно-историческихъ миграцій закончился. И, какъ немудрыя дѣвы евангельской притчи, тѣ народы, которымъ не приходилось еще выступать въ первыхъ роляхъ въ „прологѣ", обречены навсегда оставаться на положеніи историческихъ статистовъ, если только вообще придется имъ выйти изъ-за кулисъ исторической жизни, куда уже отошелъ,—въ мракъ забвенія,—не одинъ отжившій народъ. Право на участіе въ исторической драмѣ, дается, такимъ образомъ, происхожденіемъ, благородствомъ, такъ сказать, чистотою крови,—безродные и непомнящіе родства уже тѣмъ самымъ исключены изъ нея. Единственно что могутъ они обнаружить, это, отнюдь, не творческія силы, а лишь способность переимчивости, и тѣмъ выше будетъ ихъ относительное значеніе въ міровомъ оборотѣ, чѣмъ ближе въ процессѣ подражанія подойдутъ они къ оригиналу, чѣмъ болѣе точною копіей его станутъ они.

Запасъ „новыхъ" словъ уже истощился. Въ сокровищницахъ „вѣковѣчной и абсолютной" мудрости, совмѣстилось уже все, что доступно человѣческому достиженію. Разгадка міровой тайны уже найдена. Прозвучало всепримиряющее и всеразрѣшающее слово.

Отнынѣ проблема производства должна въ экономіи культурной жизни уступить свое мѣсто проблемѣ распредѣленія и обмѣна. Не о созданіи новыхъ цѣнностей должна впредь идти рѣчь, а объ усвоеніи наличнаго, достигнутаго, о „пріобщеніи" къ мудрости вѣковъ. Типъ самоотверженнаго искателя правды и истины долженъ смѣниться типомъ Kulturträger'a, просвѣтителя, проповѣдника отеческихъ завѣтовъ. „Благодѣтельная рука Провидѣнія," или діалектическое самоосуществленіе мірового Разума, или желѣзные законы біологической и экономической „борьбы за существованіе", или „самые неизмѣнные законы физіологіи", — безразлично: фатальная необходимость историческаго развитія заставила человѣческую жизнь отлиться въ окончательныя, непреложныя формы, нормальныя для всего антропологическаго рода—bipedes.

„Единообразіе природы" — основной законъ и міровой, и исторической жизни. Число дѣйствующихъ космическихъ факторовъ постоянно, и правящіе ими законы неизмѣнны. Такъ было, такъ будетъ — вотъ основная всепроникающая идея „эволюціоннаго" міровоззрѣнія. Силы, дѣйствующія въ природѣ, дѣйствовали всегда, — и онѣ однѣ, — и все по тѣмъ же желѣзнымъ, необходимымъ законамъ, которые открываетъ современный испытатель природы и наблюдатель жизни людей и человѣческихъ обществъ. „Будущее", какъ выразился со своей всегдашней безпощадностью Герценъ, „отдано въ кабалу до рожденія". Но за-то разсѣяны тѣ страхи, которыми наполняло робкое человѣческое сердце старинное „катастрофическое" міровоззрѣніе временъ Вико, временъ споровъ „нептунистовъ" и „плутонистовъ", временъ даже Кювье. Не разъ мѣнявшіеся „законы природы" вѣдь могутъ измѣниться еще разъ, космическій процессъ можетъ свернуть на новые пути, новыя силы могутъ неожиданно врѣзаться въ міровую гармонію, и все бывшее доселѣ сорвется въ небытіе... „Теорія прогресса" страхуетъ отъ этого навѣрняка. И вмѣстѣ съ рискомъ упраздняется и чувство „личной отвѣтственности", совершенно излишнее для колесика въ хорошо заведенномъ механизмѣ „системы природы". — Такъ за культурно-историческимъ противоположеніемъ народовъ историческихъ и не-историческихъ скрывается другая, болѣе глубокая противоположность — культурно-философская, противоположность двухъ тоносовъ жизни, двухъ жизнепониманій — ретроспективнаго и проспективнаго, которую пѣвецъ Заратустры такъ проникновенно сгустилъ въ свои летучія слова о „странѣ отцовъ" и „странѣ дѣтей", — Vaterland и Kinder Land.

„Кто можетъ узнать васъ?" спрашивалъ онъ „современниковъ". „Лицо ваше все исчерчено знаками прошлаго и поверхъ нихъ еще новые знаки, — вы хорошо загримировались, чтобы обмануть всякаго гадателя. — Всѣ времена и народы пестро сквозятъ изъ подъ вашихъ покрововъ; всѣ вѣры и нравы слышны въ вашихъ пѣсняхъ"... — Но нѣтъ у нихъ ни своего живого лица, ни своего убѣжденнаго слова. У нихъ есть только мудрость отцовъ, только прародительскіе завѣты. Ихъ взоры обращены къ прошлому: тамъ, даже не въ настоящемъ, ищутъ они обезпеченія будущаго, стараясь уловить „тенденціи развитія". Создается своеобразная гордость лѣтами, числомъ истекшихъ поколѣній. Древнѣйшее считается прочнѣйшимъ. Генеалогія замѣняетъ принципіальное оправданіе, обоснованіе по существу. Испытаніе временемъ — испытаніе идеалами. Создается типъ „западнаго старообрядца". „ До насъ положено, лежи оно во вѣкъ!" Все, не уходящее корнями въ глубокіе подпочвенные слои, кажется химерой. „Безпочвеннымъ мечтаніямъ" противопоставляются „исконныя начала", „преемственныя преданія рода человѣческаго". Свершенія выше возможностей. Герценъ схватывалъ самую суть этой идеологіи, когда писалъ Чичерину: „Вы знаете много, знаете хорошо, все въ вашей головѣ свѣжо и ново, а главное, вы увѣрены въ томъ, что знаете, и потому спокойны; вы съ твердостью ждете раціональнаго развитія событій въ подтвержденіе программы, раскрытой наукой. Съ настоящимъ вы не можете быть въ разладѣ, вы знаете, что если прошедшее было такъ и такъ, настоящее должно быть такъ и такъ, и привести къ такому-то будущему... Вы... опредѣленно знаете, куда идти, куда вести".

Философія прогресса оріентируется всецѣло на прошломъ. Изъ прошлаго вычитывается программа дѣйствій, по прошлому создаются историческія предсказанія. Само будущее проицируется въ прошедшее либо въ видѣ предвѣчнаго замысла міропрающаго Разума, либо въ видѣ скрытыхъ потенцій сущаго, развертывающихся съ имманентною необходимостью во времени, либо въ видѣ сознательнаго избранія воли къ жизни. И мало того, „исторія повторяется". Всѣ „народы" проходятъ одинъ и тотъ же циклъ превращеній; разница только въ темпѣ и ритмѣ, разница только въ счетѣ поколѣній. И по исторіи одного народа мы можемъ прочитать впередъ творимую исторію другого. Historia est magistra vitae — въ этомъ афоризмѣ Цицеронъ слилъ всѣ куль-

турно-философскія упованія „отцовъ“. — „Мы, Русскіе“, писалъ Тургеневъ Герцену съ раздраженіемъ человѣка, принужденнаго твердить азы, мы „принадлежимъ и по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, „genus Europaeum“, и, слѣдовательно, по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той же дорогѣ. Я не слыхалъ еще объ уткѣ, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами, какъ рыба“. И онъ злостно высмѣивалъ русскую „загадку“, „русскій сфинксъ“ съ его годами молчанія, узнавая въ немъ знакомыя черты ярославскаго мужичка, забитаго нуждой и непосильнымъ трудомъ, съ его запахомъ и изжогой. Онъ мѣрялъ его, вѣроятно, масштабами „величественнаго зданія величавой цивилизаціи, слагавшейся вѣками“ — на Западѣ...

Именно въ этой идеологической атмосферѣ зародилась первая попытка „философіи русской исторіи“. Русская исторіософія началась сразу съ отходной. Мрачный, безотрадный, удручающій пессимизмъ Чаадаевскаго перваго „Философическаго письма“ внушенъ былъ именно тѣмъ, что „мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣческаго рода“ и не жили общею съ ними жизнью. „Наша исторія ни къ чему не примыкаетъ, ничего не уясняетъ, ничего не доказываетъ.“ Мы ничего не дѣлали „о ту пору, когда въ борьбѣ энергическаго варварства сѣверныхъ народовъ съ высокой мыслью христіанства складывалась храмина современной цивилизаціи“, — „и ничто изъ происходившаго въ Европѣ не достигало до насъ“. „Весь міръ перестраивался заново, а у насъ ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забившись въ свои лачуги, сложенныя изъ бревенъ и соломы“. „Придя въ міръ, подобно незаконнымъ дѣтямъ, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, жившими на землѣ раньше насъ, мы не хранимъ въ нашихъ сердцахъ ничего изъ тѣхъ уроковъ, которые предшествовали нашему собственному существованію“. „Наши воспоминанія не идутъ далѣе вчерашняго дня“ и потому, не воспринявъ ничего „изъ преемственныхъ идей человѣческаго рода“, не имѣя „внутренняго развитія“, „мы всѣ имѣемъ видъ путешественниковъ“, „мы растемъ, но не созрѣваемъ“. „Мы такъ странно движемся во времени, что съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ прошедшій мигъ исчезаетъ для насъ безвозвратно“, „каждая новая идея безслѣдно вытѣсняетъ старыя“, „въ нашемъ мозгу не образуются тѣ неизгладимыя борозды, которыя

послѣдовательное развитіе проводитъ въ умахъ и которыя составляютъ ихъ силу". И вполнѣ естественно, „что ни одна полезная мысль не родилась на почвѣ нашей родины, ни одна великая истина не вышла изъ нашей среды": ибо мы совершенно лишены „преемственнаго идейнаго наслѣдства" рода человѣческаго. „Мы принадлежимъ къ числу тѣхъ націй, которыя какъ бы не входятъ въ составъ человѣчества", „мы . . . нѣкоторымъ образомъ — народъ исключительный." И если бы мы захотѣли отказаться отъ этого сомнительнаго и тягостнаго преимущества, если бы мы захотѣли войти въ исторію и въ ней „занять положеніе, подобное положенію другихъ цивилизованныхъ народовъ—мы должны (были бы) нѣкоторымъ образомъ повторить у себя все воспитаніе человѣческаго рода", заново и вкратцѣ. — Такъ на почвѣ всемірнаго плана человѣческой исторіи рождалось русское „западничество". Это былъ уже не здравый смыслъ „Царя-мастерового", и не стихійный Drang nach Westen, не бытовая европеизація, а подлинная исторіософія національной судьбы. Разъ нѣтъ предковъ кровныхъ, надо ихъ добыть, нужно добиться усыновленіемъ доступа въ „одно изъ великихъ семействъ рода человѣческаго". Эти семейства нѣчто въ родѣ ковчега Ноева: не попавшіе внутрь его обречены на гибель, на безвѣстность, на безплодность . . .

И патріотическая тревога Чаадаева тотчасъ же смягчилась, претворилась въ благодатное упованіе, въ напряженное ожиданіе будущаго, какъ только онъ понялъ, что быть историческимъ новорожденнымъ вовсе не означаетъ еще обреченности на долю всегдашняго младенчества, что имѣть въ своемъ прошломъ лишь бѣлые листы далеко еще не равнозначно перспективѣ вѣчнаго ничтожества. Наоборотъ. „Мы никогда не жили подъ роковымъ давленіемъ логики временъ", писалъ онъ въ своей „Апологіи сумасшедшаго",—никогда мы не были ввергаемы всемогущею волею въ тѣ пропасти, какія вѣка вырываютъ передъ народами. Воспользуемся же огромнымъ преимуществомъ, въ силу котораго мы должны повиноваться только голосу просвѣщеннаго разума, сознательной воли". — Такъ неимѣніе историческаго наслѣдства изъ позорной нищеты превращается въ безцѣнное богатство. Старая почва слишкомъ насыщена „воспоминаніями", слишкомъ засорена отбросами долгихъ вѣковъ жизни, и новымъ росткамъ приходится всходить на „истощенной почвѣ", пробиваться среди тѣснящихся состарѣвшихся уже побѣговъ. Грузъ вѣковыхъ пріобрѣтеній, унаслѣдованныхъ предразсудковъ, сбывшихся и разбитыхъ надеждъ

всегда гнететъ и обременяетъ мысль, всегда парализуетъ безтрепетность творческаго исканія, мощностью выкристаллизованной апперцептивной массы мѣшаетъ непредубѣжденности взгляда, осложняетъ прямизну самобытности замысловатыми изломами. „Прошедшее Запада обязываетъ его", писалъ Герценъ. „Его живыя силы скованы круговой порукой съ тѣнями прошедшаго . . . Свѣтлыя человѣческія стороны современной европейской жизни выросли въ тѣсныхъ средневѣковыхъ переулкахъ и учрежденіяхъ: они срослись съ старыми доспѣхами, рясами и жильями, разсчитанными ссвсѣмъ для другого быта, — разнять ихъ опасно, тѣ же артеріи пробѣгаютъ по нимъ. Западъ въ неудобствахъ наслѣдственныхъ формъ уважаетъ свои воспоминанія, волю своихъ отцовъ. Ходу его впередъ мѣшаютъ камни, — но камни эти памятники гражданскихъ побѣдъ или надгробныя плиты." Западъ — страна только прошлаго, страна установившаяся и потому уже не двигающаяся болѣе. Всѣ силы уходятъ на охрану дѣдовскихъ богатствъ и на чистку музейныхъ сокровищъ. Но никакія культурныя богатства не могутъ замѣнить неудержимой импульсивности юнаго роста. „Sero venientibus ossa"—въ эту западно-европейскую пословицу заключена ложная мудрость: опоздавшіе получаютъ въ даръ запасы скристаллизованнаго жизненнаго опыта, избавляясь тѣмъ самымъ отъ мучительной тяготы переживать его самимъ, освобождаясь отъ доброй половины историческихъ искушеній и грѣхопаденій.

Такой ходъ мысли повторялся въ русскомъ сознаніи неоднократно со временъ Чаадаева и до Соловьева и Достоевскаго, — разгоняя безпощадный призракъ „не-историчности". „Славянофилы" не хуже „западниковъ" ощущали, „какъ прекраснъ былъ тотъ Западъ величавый", гдѣ „въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья и Вѣры огнь живой потоки свѣта лилъ" . . . Не даромъ славянофильскія уста обронили крылатое слово—„страна святыхъ чудесъ" . . . Они страстно исповѣдывали „Европу" своимъ „вторымъ отечествомъ". Но они знали также, что „все это давно уже кладбище и никакъ не болѣе"; правда, это— „самое дорогое кладбище", „дорогіе тамъ лежатъ покойники, каждый камень надъ ними гласитъ о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ", что невольно подгибаются колѣни и навертываются слезы на глазахъ. И не тѣ-же ли самыя—почти буквально — слова говорилъ Герценъ въ лицѣ Тургенева русскимъ „западникамъ". „Вы любите европейскія идеи, — люблю и я ихъ, — это идеи всей исторіи. Это надгробный памятникъ,

на которомъ написано завѣщаніе не только вчерашняго дня, но Египта, Индіи, Греціи и Рима, католицизма и протестантизма, народовъ римскихъ и народовъ германскихъ." Все это — „рѣдкость, саркофагъ, пышный слѣдъ прошедшей жизни" . . . . Вся „европейская культура", весь этотъ блескъ и шумъ „цивилизаціи", потрясающій и поражающій чувства, все это—прошлое, а не грядущее. „Вѣтеръ съ Западной стороны слезы навѣваетъ", скажетъ черезъ нѣсколько десятилѣтій Влад. Соловьевъ. Да, но и только слезы, слезы умиленной благодарности отжившему и умирающему міру, слезы примиренія. Пусть „изъ края мертвецовъ сердце не вернулось": новой „властительной мысли и слова" оно будетъ ждать изъ другой, тоже новой страны . . . . Старая рождаетъ стимулы къ дѣйствію лишь по контрасту.

Давно уже стало избитымъ, что поэты не создаются обученіемъ: они рождаются. Но никому еще не удалось внушить человѣческимъ массамъ, что культурѣ нельзя научиться, что ее нельзя „усвоить", „перенять", „унаслѣдовать", что ее можно только создавать, творить свободнымъ напряженіемъ индивидуальныхъ силъ. „Культурная традиція" — въ этомъ выраженіи заключается роковая двусмысленость. Natura non facit saltus — исторически это ложь. Наоборотъ, исторія вся состоитъ изъ „прыжковъ". Продолжаетъ культурное преемство только тотъ, кто его обновляетъ, кто претворяетъ преданія въ свою собственность, въ неотъемлемый элементъ своего личнаго бытія, и какъ бы создаетъ его вновь. „Творцы, вы, высшіе люди", говорилъ Заратустра, „можно быть беременнымъ только собственнымъ ребенкомъ"... Когда прекращаются историческія „мутаціи", непредвидѣнное возникновеніе новыхъ формъ существованія, тогда культура умираетъ, и остается одинъ косный бытъ. И вотъ бытъ, дѣйствительно, передается по наслѣдству. Бытъ — это застывшая культура, воплощенныя идеи, — воплощенныя и отъ того потерявшія свою собственную жизнь, свой самостоятельный ритмъ. Бытъ слагается не сразу, онъ выковывается иногда столѣтіями; но когда, наконецъ, онъ образовался, это значитъ, что жизнь пока, по этой линіи развитія, исчерпала себя, толкнулась о какой то внутренній свой предѣлъ. Культура и есть ничто иное, какъ еще не готовый бытъ, бытъ in statu nascendi. „Тамъ, гдѣ видъ сложился", писалъ Герценъ, „исторія прекращается, по крайней мѣрѣ становится скромнѣе, развивается исподволь... въ томъ родѣ, какъ и планета наша. Дозрѣвши до из-

вѣстнаго періода охлажденія, она мѣняетъ свою кору понемногу; есть наводненія, нѣтъ всемірныхъ потоповъ; есть землетрясенія тамъ-сямъ, нѣтъ общаго переворота... Виды останавливаются, консолидируются на разныхъ возможностяхъ, больше или меньше, въ ту или другую сторону односторонніхъ; они ихъ удовлетворяютъ, перешагнуть ихъ они почти не могутъ, а еслибъ и перешагнули, то въ смыслѣ той же односторонности. Моллюскъ не домогается стать ракомъ, ракъ — форелью; если бы можно было предположить животные идеалы, то идеалъ рака былъ бы тоже ракъ, но съ совершеннымъ организмомъ"... „Складывающійся видъ, порываясь выше силъ, отставая ниже возможностей, мало по малу уравновѣшивался, умѣрялся, терялъ анатомическія эксцентричности и физіологическія необузданности, пріобрѣтая за то плодовитость и начиная повторять, по образу и подобію перваго остепенившагося праотца, свой обозначенный видъ и свою индивидуальность". — „Еще поколѣніе, и нѣтъ больше порывовъ, все принимаетъ обычный порядокъ, личность стирается, смѣна экземпляровъ едва замѣтна въ продолжающемся жизненномъ обиходѣ". И „пока одни успокаиваются въ достигнутомъ, развитіе продолжается въ несложившихся видахъ возлѣ, около готоваго, совершившаго свой циклъ вида".

Въ этомъ и состоитъ единственный „законъ" жизни: молодые непрестанно вытѣсняютъ старыхъ. И только поэтому она и есть жизнь. И если бы вправду число „народовъ историческихъ" было исчерпано, если бы дѣйствительно, „смѣна народовъ" прекратилась, то это бы означало только то, что жизнь окончилась, и наступаетъ смерть. Если бы мечта о золотомъ вѣкѣ, объ островахъ блаженныхъ могла когда нибудь стать фактомъ, то это означало бы наступленіе нескончаемой эпохи вѣчной спячки, вѣчнаго застоя. За достиженіемъ всѣхъ цѣлей самое понятіе движенія потеряло бы смыслъ. Намъ, предшественникамъ этой воображаемой эпохи, нѣкогда столь страстно желанной и призываемой, и въ грезѣ не выдумать типа такого „будущаго человѣка", для котораго противоположность даннаго и нормы, искомаго и наличнаго, должна представляться не имѣющей смысла. А между тѣмъ, если природа — только система, то и наперекоръ нашей волѣ это царство наступитъ. Второй законъ термодинамики, на которомъ зиждутся всѣ наши расчеты въ физическомъ мірѣ, которому подчинена и человѣческая борьба съ природой, „завоеваніе природы" для своихъ цѣлей, гласитъ, что эн-

тропія міра возрастаетъ, т. е. что всѣ неравномѣрности въ мірѣ сглаживаются, что число космическихъ превращеній безпрестанно уменьшается, для нихъ остается все меньше и меньше простора, словомъ, что міръ стремится къ покою. Этотъ покой смерти есть, вѣдь, лишь другое выраженіе для — устраненія всѣхъ дисгармоній, угашенія всѣхъ неравенствъ. Если въ мірѣ владычествуютъ одни „законы", значитъ мы собственными руками роемъ себѣ могилу и готовимся сами себя засыпать въ ней.

Но что представляютъ собою законы міра и въ какомъ смыслѣ можно говорить объ ихъ господствѣ надъ существующимъ? „Реальности" ихъ въ томъ смыслѣ, что они представляютъ собою, такъ сказать, точную копію съ отношеній между силами природы, какъ они существуютъ сами по себѣ, an und für sich, теперь никто не станетъ утверждать. Уже достаточно глубоко укоренился взглядъ на нихъ, какъ на способъ пониманія міра: законы природы, извѣстные намъ, суть законы существующаго, пропущенные сквозь призму нашего міропониманія, способы нашего мышленія о мірѣ. И вотъ, спрашивается, непреложны ли и неизмѣнны ли эти способы? Единственной опорой положительнаго отвѣта является пресловутое „единообразіе природы", выражающее ничто иное, какъ догматическую, волеутверждаемую вѣру въ то, что будущее есть однозначная функція прошлаго. Мы стараемся создать своей интеллектуальной фантазіей такой идеальный образъ міра, чтобы дѣйствующими въ немъ силами порождались какъ разъ тѣ явленія, которыя наблюдаются нами нынѣ и, какъ извѣстно намъ, наблюдались до насъ. Мы стараемся, такимъ образомъ, объяснить опредѣленный фактическій матеріалъ, опредѣленные конкретно-историческіе факты. Построяя „планъ" историческаго процесса, мы имѣемъ въ виду установить причинную неизбѣжность настоящаго, и исходимъ изъ молчаливаго предположенія, что въ настоящее прошлое упирается, какъ въ тупикъ. И если, въ концѣ концовъ, намъ начинаетъ казаться, что исторической жизнью управляютъ желѣзные законы рокового предопредѣленія, то только потому, что изъ этой предпосылки мы исходили. Вѣдь разумъ человѣческій всегда находитъ въ вещахъ только то, что онъ самъ вложилъ въ нихъ. — Въ дѣйствительности, историческія перспективы раздвигались и мѣнялись не разъ. Было привычно дѣлить исторію на древнюю, среднюю и новую, и съ этой привычкой пришлось разстаться, когда внутри античности раскрылось свое „средневѣковье" и выяснилось, что то, что мы считали за

одинъ изъ періодовъ единаго всемірно-историческаго процесса, есть, въ сущности, законченное цѣлое, самостоятельная культурно-историческая единица, имѣвшая свое начало, свое ἀκμή и свой финалъ. И за предѣлами средиземно-морского культурнаго міра обнаружились еще другіе такіе замкнутые историческіе циклы... Какъ долго ни держалась схема четырехъ царствъ Даніиловой книги, наконецъ, полная непригодность этого образа стала ясной.

Наши историко-генетическія схемы всегда упираются однимъ концомъ на такое-то настоящее, другимъ — на такое-то прошлое. Дѣлать прогнозы и предсказанія съ увѣренностью мы можемъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, что заранѣе исключена возможность неожиданностей, переломовъ, изгибовъ, — словомъ, творчества. Расчеты должны вестись такъ, какъ будто существуетъ только бытъ, и нѣтъ культуры. И тогда мы выводимъ новый бытъ изъ стараго, забывая о связующемъ ихъ звенѣ — человѣческой личности. — Та магистраль всемірной исторіи, которая дѣлилась на древнюю, среднюю и новую, — утверждалъ охваченный зловѣщими предчувствіями Владиміръ Соловьевъ, — кончилась. Осталось доиграть эпилогъ великой драмы, и онъ можетъ растянуться на много актовъ. Но призракъ „блѣдной смерти", вставшій передъ, дѣйствительно, уже близкимъ къ могилѣ мыслителемъ, былъ ли призракомъ всеобщей смерти, или только приговоромъ былому? Смерть Европы есть ли смерть человѣчества? Для того, чтобы это утверждать, нужно было бы поставить знакъ равенства между Европой и человѣчествомъ. Можно ли это сдѣлать, не насилуя фактовъ? Первая ли въ мірѣ по времени культура европейская и не знаемъ ли мы случаевъ вымиранія не менѣе величественныхъ „культуръ"?!

„Не долго ждать", предсказывалъ Заратустра, и „новые народы возникнутъ", и новые источники низвергнутся въ новыя бездны. — Землетрясенія, — они засыпаютъ много источниковъ и многое ниспровергаютъ; но они за-то открываютъ и выходъ новымъ силамъ... Въ крушеніи старыхъ народовъ пробиваются новые ключи".

„Общій планъ развитія", писалъ Герценъ Тургеневу, „допускаетъ безконечное число варіацій непредвидимыхъ... Чего и чего не развилось на одну тему: собаки, волки, лисицы, гончія, борзыя, водолазы, моськи.... Общее происхожденіе ни-

сколько не обусловливаетъ одинаковыхъ біографій. Каинъ и Авель были родные братья, а какія разныя карьеры сдѣлали". И воспоминая о Тургеневскомъ сравненіи онъ продолжаетъ: „Что утка не дышетъ жабрами, это вѣрно, еще вѣрнѣе, что кварцъ не летаетъ, какъ колибри. Впрочемъ, ты вѣрно знаешь..., что въ жизни утки была минута колебанія, когда аорта не загибалась своимъ стержнемъ внизъ, а вѣтвилась съ притязаніемъ на жабры; но, имѣя физіологическое преданіе, привычку и возможность развитія, утка не остановилась на бѣднѣйшемъ строеніи органа дыханія, а переходила къ легкимъ. — Это значитъ просто на просто, что рыба приладилась къ условіямъ водяной жизни, и далѣе жабръ не идетъ, а утка идетъ"... „Передъ нами стоятъ теперь оконченные, осѣдлые типы, до того далекіе другъ отъ друга, что всякій переходъ между ними невозможенъ. За каждымъ животнымъ просвѣчиваетъ длинная исторія — стремленій, прогресса, avortement и уравновѣшенія, въ которомъ формы его успокоились наконецъ, не выполнивъ смутнаго идеала своего, но остановившись на возможномъ, на русскомъ „живетъ и такъ".... Одни части рода человѣческаго достигли соотвѣтствующей формы и побѣдили, такъ сказать, исторію; другія въ разгарѣ дѣятельности и борьбѣ творятъ ее; третьи, какъ недавно обсохнувшее дно моря, готовы для всякихъ сѣмянъ, для великихъ посѣвовъ и всѣмъ даютъ неистощенную тучную почву". — Какъ бы предваряя современнаго намъ теоретика „Творческой Эволюціи", Герценъ закладываетъ основы новой соціологіи, — увы, до сихъ поръ еще не построенной, — соціологіи, основанной не на идеѣ монофилетическаго развитія жизни, а на идеѣ вѣерообразнаго расхожденія ея путей.

„Страну отцовъ", страну преданій и преемствъ смѣнитъ „страна дѣтей, не открытая, въ дальнемъ морѣ"...., куда изступленно звалъ „высшихъ людей" пророкъ „сверхчеловѣка". Но гдѣ она, эта новая „земля блаженныхъ"? Какой компасъ укажетъ, куда направлять паруса? И ясенъ отвѣтъ — въ страну народовъ „не-историческихъ".

Юноша — Кирѣевскій еще въ свои „западническіе" Lehrjahren писалъ въ 1830 году: изъ европейскихъ народовъ „каждый уже совершилъ свое назначеніе, каждый выразилъ свой характеръ" и какъ бы выговорившись, пройдя черезъ свой чередъ быть общечеловѣческимъ „сердцемъ", „столицей" „просвѣщен-

ныхъ народовъ" впалъ въ старческій сонъ. „Вотъ отчего Европа представляетъ теперь видъ какого-то оцѣпенѣнія", — „запоздалыя мнѣнія, обветшалыя формы, какъ запруженная рѣка, плодоносную страну превратили въ болото, гдѣ цвѣтутъ однѣ незабудки, да изрѣдка блеститъ холодный, блуждающій огонекъ. — Изо всего просвѣщеннаго человѣчества два народа не участвуютъ во всеобщемъ усыпленіи: два народа, молодые, свѣжіе, цвѣтутъ надеждой: это Соединенные Американскіе Штаты и наше отечество". — Самъ Гегель называлъ Америку страной будущаго, въ которой въ грядущія времена... „предстоитъ раскрыться всемірно-исторической цѣнности", отличной и отдѣльной отъ той почвы, на которой до сихъ поръ развивалась всемірная исторія. И онъ припоминаетъ гордыя слова Наполеона: „Cette vieille Europe m'ennuie!"—Уже въ 60-хъ годахъ, пройдя болѣзненный искусъ революціонныхъ созерцаній, Герценъ находилъ „внѣ Европы.... только два дѣятельные края — Америку и Россію, развѣ еще начинающуюся Австралію". Правда, Америка это та же Европа, но молодая, растущая. „Волна за волной несетъ къ ея берегамъ наплывъ за наплывомъ — и они не остаются на мѣстѣ, но идутъ далѣе и далѣе.... Движеніе продолжается въ самой Америкѣ, новые пришельцы просачиваются сквозь основное народонаселеніе, иногда увлекаютъ его — и все стремится, толкаясь и торопясь"... „Соединенные Штаты, какъ лавина, оторвавшаяся отъ своей горы, прутъ передъ собой все" — писалъ Герценъ Тургеневу; „Россія понимаетъ кругомъ, какъ вода, обходитъ племена со всѣхъ сторонъ.... И тотъ же юный пластицизмъ! Чему смѣялся Іосифъ II на закладкѣ Екатеринослава, говоря, что императрица положила первый камень города, а онъ послѣдній? Не городъ тамъ построился, а государство... А вся Сибирь? А теперичныя поселенія на берегахъ Амура, гдѣ на дняхъ будетъ развѣваться звѣздчатый флагъ американскихъ республикъ? Да и самыя восточныя губерніи Европейской Россіи? Читая лѣтопись семейства Багровыхъ, я былъ пораженъ сходствомъ старика, переселившагося въ Уфимскую провинцію, съ „сетлерами", переселяющимися изъ Нью-Іорка куда нибудь въ Висконсинъ или Иллинуа.... Когда Багровъ сзываетъ со всѣхъ сторонъ народъ засыпать плотину для мельницы, когда сосѣди съ пѣснями несутъ землю и онъ первый торжественно проходитъ по побѣжденной рѣкѣ, такъ и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона".... Такъ сама „географическая физіологія" Россіи свидѣтель-

ствуетъ о ея мощи и силѣ, о „неутомимости“ ея народа, и пророчитъ ей будущее, которое сторицей вознаградитъ ее за отсутствіе прошлаго.

Эти оптимистическіе прогнозы опирались, конечно, не на одинъ „юный пластицизмъ“; подъ нихъ подводилась опредѣленная соціологическая база, правда, не совсѣмъ одинаковая, у Кирѣевскаго и у Герцена. Различіе между ними обусловливалось, однако, не противоположностью „славянофильства„ и „западничества“, консервативнаго національнаго и либеральнаго космополитизма, а тѣмъ, что только Герценъ доводилъ до конца свою разрушительную критику историческихъ предразсудковъ; а представленія раннихъ славянофиловъ оставались въ прежнемъ кругу, внутренне расщепленныя. Они, въ сущности, только прибавляли къ числу народовъ „историческихъ“ еще одинъ народъ и обосновывали это возстановленіемъ забытой „традиціи“, нерѣдко завѣдомо фиктивной. Наряду съ „западной“ колеей всемірно-историческаго пути, исходящей изъ Рима, устанавливалась „восточная“, ведущая начало изъ Византіи, быть можетъ, изъ самой Эллады и Іерусалима. Славянское племя включалось въ планы историческаго предопредѣленія на то самое мѣсто „увѣнчанія зданія“, на которое на Западѣ ставили „нѣмецкую націю“. И также, какъ и тамъ, культуру смѣшивали съ бытомъ, свершенія съ идеалами. Будущее выводили изъ прошлаго, и всѣ надежды упирали на него, на то, что и мы имѣли исторію, — не хуже, а, пожалуй, даже получше западной: и наше наслѣдство богато и старо. Опять дѣлался смотръ предкамъ, вмѣсто того, чтобы считать наличныя силы. Одинъ только Герценъ преодолѣлъ понятіе „историческаго“ народа вполнѣ, и лишь его историческія предсказанія опирались на идею непредопредѣленности историческаго процесса, на идею „растрепанной импровизаціи исторіи“, не знающей ни монополій, ни прерогативъ. Лишь онъ не возводилъ историческихъ подпорокъ, глядя только впередъ.

Но и соціологія — какова бы она ни была — не можетъ обосновать творческихъ предчувствій; — она лишь раскрываетъ возможность рожденія „новыхъ“ культуръ, возможность вѣчно-обновляющейся культуры сверхъ быта. И всѣ русскіе провидцы, утверждая русское или славянское будущее, имѣли передъ своими духовными очами вполнѣ четкій образъ грядущаго культурнаго типа.

„Православіе“ и „соціализмъ“, — вотъ тѣ двѣ главныя вѣхи, по которымъ обыкновенно оріентировались русскіе предсказатели. „Святая Русь“, „народъ-богоносецъ“ и „земельная община“, „хоровое начало“ — вотъ неизмѣнно повторявшіеся лозунги сторонниковъ русской „самобытности“. Въ эти слова не слѣдуетъ вкладывать застывшаго содержанія, не слѣдуетъ понимать подъ ними конкретныхъ историческихъ формъ: подъ ними всегда разумѣлись прежде всего „идеи“, и если пристально всматриваться въ тотъ контекстъ, въ которомъ онѣ обычно мыслились, то станетъ совершенно ясно, что эти какъ будто несовмѣстимыя идеи пересѣкались въ понятіи „цѣльной жизни“, или „свободнаго всеединства“, какъ выражался Влад. Соловьевъ. Недаромъ Достоевскій называлъ православную вселенскую церковность — „нашимъ русскимъ соціализмомъ“. Какъ бы часто „должное“ и „наличное“ ни сплавлялось въ русскомъ интеллигентскомъ сознаніи въ уродливый слитокъ націоналистической утопіи, какъ бы часто ни дѣлались попытки апологіи всего конкретно-историческаго русскаго, — и византійско-славянскаго вообще, — пути, движущей мыслью оставалась всегда идея преодолѣнія „организаціи“, идея творческой личности. Не о строѣ, а о духѣ томилась русская душа. И, томясь, вѣрила, что можно построить жизнь внѣ „рамокъ узкихъ юридическихъ началъ“, что можно замѣнить всѣ писанныя законодательства неписаннымъ закономъ, запечатлѣннымъ въ человѣческомъ сердцѣ, что власть и принужденіе могутъ быть замѣщены искреннимъ исповѣданіемъ правды. И вѣрила потому, что знала, что только такая жизнь была бы вѣрнымъ осуществленіемъ великаго завѣта Богочеловѣчества, претвореніемъ въ дѣло пророческаго моленія Вѣчнаго Первосвященника: „Да вси едино будутъ“. — Владиміръ Соловьевъ ярче другихъ выразилъ это упованіе въ ранній, еще чисто-„славянофильскій“ періодъ своего творчества. „Такой народъ“, говорилъ онъ о народѣ-мессіи, „не долженъ имѣть никакой спеціальной ограниченной задачи. Онъ не призванъ работать надъ формами и элементами человѣческаго существованія, а только сообщить живую душу, дать средоточіе и цѣлость разорванному и омертвѣлому человѣчеству, чрезъ соединеніе его съ всецѣлымъ, божественнымъ началомъ. Такой народъ не нуждается ни въ какихъ особенныхъ преимуществахъ, ибо онъ дѣйствуетъ не отъ себя, осуществляетъ не свое“. Онъ — подлинное орудіе Божіе, творче-

скій носитель Божественной и вселенской жизни, „общечеловѣческой или вселенской культуры". — Есть ли здѣсь горькій привкусъ національнаго „самовозвеличенія", исказилась ли здѣсь „любовь къ отечеству" — въ „народную гордость"? И были ли элементы превозношенія въ томъ истинномъ мессіанизмѣ, которому основа была положена обѣтованіемъ, даннымъ свыше Аврааму, вмѣстѣ съ призывомъ уйти изъ земли предковъ „не на годъ лишь одинъ, не на много годинъ, а на вѣчныя вѣки? . . ."

Но болѣе того, — въ самой попыткѣ возсозданія „прошлаго" для грядущей культуры было вѣрное и неисключимое зерно. Эти неудачныя „апологіи" хотѣли показать возможность осуществленія именно такого идеала — именно русскимъ народомъ или всѣмъ славянскимъ племенемъ. „Кто долженъ творить", проповѣдывалъ Заратустра въ „странѣ ученія", — „тотъ всегда имѣетъ свои вѣщіе сны и звѣздныя знаменія — и вѣруетъ въ вѣру." — Такъ создается неотложная необходимость исторической ректроспекціи, погруженія въ нѣдра народныхъ стихій, чтобы провѣрить соотвѣтствіе замысловъ и силъ для ихъ воплощенія. Историческія упованія требуютъ для себя опорныхъ точекъ въ прошломъ и настоящемъ. — Здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія съ возстаніемъ противъ отеческихъ преданій, съ призывомъ смотрѣть только впередъ. Понятіе „традиціи" въ области „культуры" и въ области „быта" — это далеко не одно и тоже понятіе.

Когда мы говоримъ, что правовыя нормы современной Европы покоятся на римскомъ правѣ, мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить всѣ этапы непрерывнаго преемства, показать узловые пункты пересѣкающихся нитей. Мы можемъ указать вещественные памятники, въ которые отливалась эта традиція, всѣ непосредственно касающіяся межъ собой звенья цѣпи, натянутой отъ Лициніевыхъ законовъ до Дигестъ и оттуда до Code Napoléon и позднѣйшаго германскаго уложенія. Мы можемъ показать, что здѣсь происходило сознательное „усвоеніе", „рецепція" въ строгомъ и точномъ смыслѣ слова. И то-же можно сказать о бытовой эллинизаціи римскаго міра, объ европеизаціи современной Японіи и т. д. — Но въ томъ-же ли смыслѣ понималъ „традицію" Достоевскій, совершенно справедливо утверждая, что утопическій социализмъ Фурье и икарійцевъ дышетъ духомъ римскаго католицизма? Въ такомъ же ли смыслѣ употребляемъ мы понятіе „преемства", говоря, что философія Европы насыщена платоническими реминисценціями?

Потоки культурной и бытовой „традиціи“ могутъ рѣзко и обостренно расходиться. Отъ этого именно такъ загадоченъ ликъ Дальняго Запада—Америки. По быту это повтореніе и утрировка „Европы“, гипертрофія общеевропейскаго демократизма и буржуазности. И тѣмъ неожиданнѣе встрѣтить подъ этою коркой опредѣленно гетерогенную традицію культуры, ведущую отъ первыхъ иммигрантовъ черезъ Бенжамена Франклина и Эмерсона къ self-made men Джэка Лондона, традицію радикальнаго отрицанія мѣщанства и путь жизни и утвержденія индивидуальной свободы. Гдѣ проходитъ колея этой традиціи? она почти неуловима: „пластицизмъ“—лишь символизируетъ ее. Но именно въ ней, а не въ „капитализмѣ“ усматриваетъ свой „духъ“ американское самосознаніе, исповѣдующее Джэмса своимъ пророкомъ.

Таковъ и „русскій сфинксъ“. Не смотря на свою—во „всемірно-историческомъ планѣ“—„не-историчность“, Россія есть въ высшей степени сложная историческая формація. Не трудно различить въ русскомъ бытѣ разнородные слои—варяжскій, византійскій, славянскій, татарскій, финскій, польскій, московскій, „санктъ-питербурхскій“ и прочая, и не трудно возвести эти осадочныя образованія къ опредѣленнымъ причинно-дѣйствіямъ. Какъ бы сами собой перебрасываются мостики къ норманскимъ „вооруженнымъ купцамъ“, къ византійскому цезаропапизму и Номоканону, къ Золотой Ордѣ и кочующимъ инородцамъ, къ іезуитамъ и щляхтѣ и т. д. Но этимъ бытомъ русское бытіе явнымъ образомъ не исчерпывается. „Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ, благословляя“ русскія степи и лѣса. И нити паутинной тонкости тянутся отъ Достоевскаго и Толстого, отъ Гоголя и Самарина, отъ отца Амвросія и преп. Серафима куда-то назадъ, въ заволжскія чащи, къ Нилу Сорскому и преп. Сергію, а оттуда на Аѳонъ и далѣе, въ раскаленныя пространства Ѳиваиды. Чрезъ вѣка и пространства безошибочно осязается единство творческой стихіи. И точки ея сгущенія почти никогда не совпадаютъ съ центрами быта. Не въ Петербургѣ, не въ древле-стольномъ Кіевѣ, не въ Новѣ-городѣ, не даже въ „матушкѣ“ Москвѣ, а въ уединенныхъ русскихъ обителяхъ, у преподобнаго Сергія, у Варлаамія Хутынскаго, у Кирилла Бѣлозерскаго, въ Саровѣ, въ Дивѣевѣ чувствуется напряженіе русскаго народнаго и православнаго духа. Здѣсь издревле лежали средоточія культурнаго творчества. И понынѣ развѣ не „незримый градъ Китежъ“, въ далекой, лѣсной глуши, на берегахъ завороженнаго озера, вѣдомый лишь вѣрую-

щему взору, притягиваетъ къ себѣ магическимъ очарованіемъ разлаженныя струи національной стихіи? Традиція культуры—неосязаема и невещественна. Ея силы—мистическія меж-индивидуальныя взаимодѣйствія. Ея нити перекрещиваются въ недовѣдомыхъ тайникахъ человѣческаго творческаго духа. Ея сѣдалище — его интимныя нѣдра. Когда мы разлагаемъ живыя теченія русской культурной жизни на ихъ составляющія и отчеканиваемъ послѣднія въ отточенныя формы, что-то всегда проскальзываетъ межъ пальцевъ. И интуитивно-несомнѣнная русская „культура", „русская стихія" передъ разсудочнымъ анализомъ оказывается пустымъ мѣстомъ. Ея вспышки кажутся какими то разрывами „традиціи", загадками, уродствами. Не таковъ ли образъ Достоевскаго: „россійскій маркизъ де-Садъ", по ощущенію Тургенева, человѣкъ, „принявшій въ свое сердце давно съ восторгомъ" Тихона Задонскаго, по его собственнымъ словамъ... По быту порожденіе страшнаго града Петрова, по культурѣ — отпрыскъ Оптиной Пустыни.

Подлинное творчество, подлинно новое всегда „необъяснимо". Мутаціонные взрывы, искривленія наслѣдственныхъ путей—всегда остаются за предѣлами раціональнаго осознанія. Но значитъ ли это, что они „безпричинны", что къ нимъ не ведетъ, не вело никакое „прошлое"? Міръ—„космиченъ" (не хаотиченъ) не для одного разума. „Импровизаціи" имѣютъ свою имманентную необходимость. Творчество, какъ и бытовая переимчивость, имѣетъ свои традиціи. Но эти культурныя связи постигаетъ не разумъ, не дискурсивный анализъ, а чувство, сгущающее вѣка въ мигъ единый. Въ мистической интуиціи схватывается заразъ, „что есть, что было, что грядетъ во вѣки", въ ихъ подпочвенной таинственной связи. Въ мистическомъ чувствѣ ощущаются и сознаются „народъ-богоносецъ", „Святая Русь", „православный Востокъ" и „безбожный Западъ". И религіозно-просвѣтленный взоръ видитъ подъ конструктивною преемственностью бытовыхъ картинъ трагическую мистерію исторической жизни, воспринимаетъ міръ, какъ непрестанную борьбу веси Божіей съ градомъ Антихриста—борьбу, тяготѣющую къ апокалиптическимъ катаклизмамъ, какъ вѣками разыгрывающуюся единую драму; онъ схватываетъ культурно-психологическія преемства свои и своихъ враговъ, онъ чувствуетъ себя въ опредѣленномъ руслѣ. Но это „прошлое" незримо и не гнететъ настоящаго и будущаго слѣпой неотразимостью Рока. Въ этой мистеріи сряженнодѣйствуютъ свободные служители идеаловъ,—правда, въ благодатномъ общеніи между собой.

Раскрывающіеся въ интимныхъ созерцаніяхъ идеалы и предчувствія будущаго становятся подлиннымъ стимуломъ культурнаго творчества и жизни,—но не въ качествѣ исчерпывающей программы дѣйствій или непогрѣшимой regula vitae, а въ видѣ вдохновляющей вѣры, любовію споспѣшествуемой. Центръ тяжести всецѣло переносится въ глубь личности. Будущее становится причиною настоящаго, по вѣщему слову Заратустры. Много ли, мало ли поколѣній жило до меня, стою ли я въ „чистой" или въ „гибридной" линіи—безразлично: внутренній, „внѣ-историческій" голосъ, а не генеалогическія выкладки, говоритъ „куда итти" . . . „Кто открылъ землю: „человѣкъ",—говорилъ Заратустра, — тотъ открылъ и землю „человѣческаго будущаго" . . . . . .

Здѣсь глубинное, можно сказать, интуитивно-мистическое средоточіе „не-историческаго" воспріятія міра. Не vis a tergo „жизненнаго порыва", не безчисленный сонмъ предыдущихъ поколѣній, не непреодолимые навыки движутъ „культуру" и творчество впередъ, а свободно избранный идеалъ призывно влечетъ его вдаль . . .

„И голосъ все тотъ же ввучитъ въ тишинѣ безъ укора:
„Конецъ уже близокъ; желанное сбудется скоро."

Влад. Соловьевъ.

София, 1921-III-27.

Георгій В. Флоровскій.

Объ истинномъ и ложномъ національномъ.

Отношеніе человѣка къ культурѣ своего народа можетъ быть довольно различно. У романогерманцевъ это отношеніе опредѣляется особой психологіей, которую можно назвать эгоцентрической. „Человѣкъ съ ярко выраженной эгоцентрической психологіей безсознательно считаетъ себя центромъ вселенной, вѣнцомъ созданія, лучшимъ, наиболѣе совершеннымъ изъ всѣхъ существъ. Изъ двухъ другихъ существъ, то, которое къ нему ближе, болѣе на него похоже, — лучше, а то, которое дальше отстоитъ отъ него, — хуже. Поэтому, всякая естественная группа существъ, къ которой этотъ человѣкъ принадлежитъ, признается имъ самой совершенной. Его семья, его сословіе, его племя, его раса — лучше всѣхъ остальныхъ, подобныхъ имъ".*) Романогерманцы, будучи насквозь пропитаны этой психологіей, всю свою оцѣнку культуръ земного шара строятъ именно на ней. Поэтому для нихъ возможно два вида отношенія къ культурѣ: либо признаніе, что высшей и совершеннѣйшей культурой въ мірѣ является культура того народа, къ которому принадлежитъ данный „оцѣнивающій" субъектъ. (нѣмецъ, французъ и т. д.), либо признаніе, что вѣнцомъ совершенства является не только эта частная разновидность, но вся общая сумма ближайшимъ образомъ родственныхъ съ ней культуръ, созданныхъ въ совмѣстной работѣ всѣми романогерманскими народами. Первый видъ носитъ въ Европѣ названіе узкаго шовинизма (нѣмецкаго, французскаго и т. д.). Второй видъ всего точнѣе можно было бы обозначить какъ „общероманогерманскій шовинизмъ". Однако, „романогерманцы были всегда столь наивно увѣрены въ томъ, что только они — люди, что называли себя „человѣчествомъ", свою культуру „общечеловѣческой цивилизаціей, и, наконецъ, свой шовинизмъ — „космополитизмомъ" **)

*) См, мою книгу „Европа и Человѣчество" (Софія, 1920 г., изд. Русскій-Болгарскаго Книгоиздательства) стр. 6.
**) Тамъ же стр 13.

Что касается до народовъ нероманогерманскихъ, воспріявшихъ „европейскую" культуру, то обычно вмѣстѣ съ культурой они воспринимаютъ отъ романогерманцевъ и оцѣнку этой культуры, поддаваясь обману неправильныхъ терминовъ „общечеловѣческая цивилизація" и „космополитизмъ", маскирующихъ узко-этнографическое содержаніе соотвѣтствующихъ понятій. Благодаря этому, у такихъ народовъ оцѣнка культуры строится уже не на эгоцентризмѣ, а на нѣкоторомъ своеобразномъ „эксцентризмѣ", точнѣе — на „европоцентризмѣ". О томъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ неминуемо долженъ привести этотъ европоцентризмъ всѣхъ европеизированныхъ не-романогерманцевъ, мы говорили въ другомъ мѣстѣ.*) Избавиться отъ этихъ послѣдствій интеллигенція европеизированныхъ нероманогерманскихъ народовъ можетъ только, произведя коренной переворотъ въ своемъ сознаніи, въ своихъ методахъ оцѣнки культуры, ясно сознавъ, что европейская цивилизація не есть общечеловѣческая культура, а лишь культура опредѣленной этнографической особи, романогерманцевъ, для которой она и является обязательной. Въ результатѣ этого переворота должно кореннымъ образомъ измѣниться отношеніе европеизированныхъ нероманогерманскихъ народовъ ко всѣмъ проблемамъ культуры, и старая европоцентрическая оцѣнка должна замѣниться новой, покоющейся на совершенно иныхъ основаніяхъ.

Долгъ всякаго нероманогерманскаго народа состоитъ въ томъ, чтобы вопервыхъ преодолѣть всякій собственный эгоцентризмъ, а вовторыхъ оградить себя отъ обмана „общечеловѣческой цивилизаціи" отъ стремленія во что бы то ни стало быть „настоящимъ европейцемъ". Этотъ долгъ можно формулировать двумя афоризмами: „познай самого себя" и „будь самимъ собой".

Борьба съ собственнымъ эгоцентризмомъ возможна лишь при самопознаніи. Истинное самопознаніе укажетъ человѣку (или народу) его настоящее мѣсто въ мірѣ, покажетъ ему, что онъ — не центръ вселенной, не пупъ земли. Но это же самопознаніе приведетъ его и къ постиженію природы людей (или народовъ) вообще, къ выясненію того, что не только самъ познающій себя субъектъ, но и ниодинъ другой изъ ему подобныхъ не есть центръ или вершина. Отъ постиженія своей собственной природы человѣкъ или народъ путемъ углубленія самопознанія прихо-

*) „Европа и Человѣчество" глава IV.

дитъ къ сознанію равноцѣнности всѣхъ людей и народовъ. А выводомъ изъ этихъ постиженій является утвержденіе своей самобытности, стремленіе быть самимъ собой. И не только стремленіе, но и умѣніе. Ибо тотъ, кто самого себя не позналъ, не можетъ, не умѣетъ быть самимъ собой.

Только постигнувъ свою природу, свою сущность, съ совершенной ясностью и полнотой, человѣкъ способенъ оставаться самобытнымъ, ни минуты не вступая въ противорѣчіе съ самимъ собой, не обманывая ни себя, ни другихъ. И только въ этомъ установленіи гармоніи и цѣлостности личности на основаніи яснаго и полнаго знанія природы этой личности и состоитъ высшее достижимое на землѣ счастіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ состоитъ и суть нравственности, ибо при истинномъ самопознаніи прежде всего съ необычайной ясностью познается голосъ совѣсти, и человѣкъ живущій такъ, чтобы никогда не вступать въ противорѣчіе съ самимъ собой и всегда быть передъ собой искреннимъ, непремѣнно будетъ нравственнымъ. Въ этомъ есть и высшая достижимая для даннаго человѣка духовная красота, ибо самообманъ и внутреннее противорѣчіе, неизбѣжные при отсутствіи истиннаго самопознанія, всегда дѣлаютъ человѣка духовно-безобразнымъ. Въ томъ же самопознаніи заключается и высшая доступная человѣку мудрость, какъ практическая, житейская, такъ и теоретическая, ибо всякое иное знаніе призрачно и суетно. Наконецъ, только достигнувъ самобытности, основанной на самопознаніи, человѣкъ (и народъ) можетъ быть увѣренъ въ томъ, что дѣйствительно осуществляетъ свое назначеніе на землѣ, что дѣйствительно является тѣмъ, чѣмъ и для чего былъ созданъ. Словомъ, самопознаніе есть единственный и наивысшая цѣль человѣка на землѣ. Это есть цѣль, но въ тоже время и средство.

Мысль эта не новая, а очень старая. Ее высказалъ уже Сократъ двадцать три вѣка тому назадъ, да и Сократъ свое γνῶθι σεαυτόν придумалъ не самъ, а прочелъ на надписи храма въ Дельфахъ. Но Сократъ первый ясно формулировалъ эту мысль, первый понялъ, что самопознаніе есть проблема и этики и логики, что оно есть столько же дѣло правильнаго мышленія, сколько и дѣло нравственной жизни. Жизненное правило „познай самого себя, давая всякому человѣку одну и ту же, но по существу каждому разную задачу, именно вслѣдствіе этого своего синтеза межу относительнымъ, субъективнымъ, и абсолютнымъ, всеобщимъ наиболѣе приспособлено къ тому, чтобы стать принципомъ внѣ-

временнымъ и внѣпространственнымъ, одинаково пріемлемымъ для всѣхъ людей безъ различія національностей и историческихъ эпохъ. Этотъ принципъ остается въ силѣ и по сіе время, притомъ для всѣхъ народовъ. Не трудно было бы доказать, что ни одна изъ существующихъ на земномъ шарѣ религій не отвергаетъ и не исключаетъ жизненнаго правила Сократа, а нѣкоторыя религіи даже подтверждаютъ и углубляютъ его; можно было бы показать, что и большинство арелигіозныхъ концепцій съ этимъ принципомъ вполнѣ уживаются *) Однако это завело бы насъ слишкомъ далеко и отвлекло бы насъ отъ непосредственной цѣли нашего разсужденія.

Важно отмѣтить, что результаты самопознанія могутъ быть различны въ зависимости не только отъ познающихъ себя индивидуальностей, но и отъ степени и формъ самого познанія. Работа христіанскаго подвижника, состоящая въ преодолѣніи обольщенія грѣха и въ стремленіи быть такимъ, какимъ создалъ человѣка Богъ, есть по существу самопознаніе, производимое при водительствѣ Благодати и при непрестанной молитвѣ. Оно приводитъ подвижника не только къ высокому нравственному совершенству, но и къ мистическому прозрѣнію въ смыслъ бытія и міросозданія. Самопознаніе Сократа, лишенное конкретнаго метафизическаго содержанія, привело къ гармоніи психологической личности, къ мудрости поведенія, даже къ извѣстной дозорливости въ житейскихъ вопросахъ, при полномъ, однако, агностицизмѣ въ вопросахъ метафизическихъ. У однихъ самопознаніе протекаетъ при сильномъ преобладаніи логической рефлексіи, у другихъ

---

*) По существу „познай самого себя" какъ жизненное правило основано на извѣстномъ философскомъ оптимизмѣ, на признаніи, что истинная природа человѣка (какъ и всего міроздавія) — добра, разумна и прекрасна, и что все дурное въ жизни (зло, безобразіе, безсмыслица и страданіе) есть плодъ уклоненія отъ природы, недостаточнаго сознанія человѣкомъ своей истинной сущности. Поэтому, Сократовское правило безусловно непріемлемо только для сторонниковъ крайняго философскаго пессимизма. Напримѣръ, послѣдовательный буддистъ, признающій всякое существованіе въ корнѣ злымъ, безсмысленнымъ, безобразнымъ и связаннымъ со страданіемъ, a priori долженъ отвергнуть требованіе Сократа. Для такого буддиста единственнымъ выходомъ является самоубійство, но не физическое самоубійство, не цѣлесообразное вслѣдствіе ученія о переселеніи душъ, а самоубійство духовное, уничтоженіе своей духовной индивидуальности (nâmarûpa), т. е. — „нирвана" или „преодоленіе безъ остатка рожденія и смерти", но буддійской терминологіи. Однако, большинство буддистовъ далеко не такъ послѣдовательны и ограничиваются лишь теоретическимъ признаніемъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній Будды. Практически они являются адептами морально-безразличнаго политеизма и, какъ таковые, могутъ принять сократовское правило до извѣстнаго предѣла.

— при рѣшающемъ участіи ирраціональной интуиціи. Формы самопознанія чрезвычайно разнообразны. Важно только, чтобы въ результатѣ получалось ясное и болѣе или менѣе полное представленіе о себѣ самомъ, ясное знаніе своей природы и удѣльнаго вѣса каждаго элемента, каждаго проявленія этой природы въ ихъ общей связи между собой.

Все, до сихъ поръ сказанное относится не только къ индивидуальному, но и къ коллективному самопознанію. Если только разсматривать народъ, какъ психологическое цѣлое, какъ извѣстную коллективную личность, — надо признать для него возможной и обязательной нѣкоторую форму самопознанія. Самопознаніе логически связано съ понятіемъ личности; гдѣ есть личность, тамъ можетъ и должно быть самопознаніе. И, если въ сферѣ частной человѣческой жизни самопознаніе является всеобъемлющей цѣлью, исчерпывающей собой все доступное отдѣльному человѣку счастіе, всю достижимую имъ нравственность, духовную красоту и мудрость, то такимъ же универсальнымъ принципомъ является оно и для коллективной личности народа. Особенность этой личности заключается въ томъ, что народъ живетъ вѣками и въ теченіе этихъ вѣковъ постоянно измѣняется, такъ что результаты народнаго самопознанія одной эпохи не являются уже дѣйствительными для эпохи послѣдующей, хотя всегда составляютъ извѣстный базисъ, исходный пунктъ всякой новой самопознавательной работы.

„Познай самого себя" и „будь самимъ собой" — это два аспекта одного и того же положенія. Внѣшнимъ образомъ истинное самопознаніе выражается въ гармонически-самобытной жизни и дѣятельности данной личности. Для народа это — самобытная національная культура. Народъ позналъ самого себя, если его духовная природа, его индивидуалный характеръ находятъ себѣ наиболѣе полное и яркое выраженіе въ его самобытной національной культурѣ, и если эта культура вполнѣ гармонична, т. е. отдѣльныя ея части не противорѣчатъ другъ другу. Созданіе такой культуры и является истинной цѣлью всякаго народа, точно такъ же, какъ цѣлью отдѣльнаго человѣка, принадлежащаго къ данному народу, является достиженіе такого образа жизни, въ которомъ полно, ярко и гармонично воплощалась бы его самобытная духовная природа. Объ эти задачи, задача народа и задача каждаго отдѣльнаго индивидуума, входящаго въ составъ народа, тѣс-

нѣйшимъ образомъ связаны другъ съ другомъ, взаимно дополняютъ и обусловливаютъ другъ друга.

Работая надъ своимъ собственнымъ, индивидуальнымъ самопознаніемъ, каждый человѣкъ познаетъ себя, между прочимъ, и какъ представители даннаго народа. Душевная жизнь каждаго человѣка заключаетъ въ себѣ всегда извѣстные элементы національной психики, и духовный обликъ каждаго отдѣльнаго представителя даннаго народа непремѣнно имѣетъ въ себѣ черты національнаго характера въ различныхъ, смотря по индивидууму, соединеніяхъ другъ съ другомъ и съ чертами болѣе частными (индивидуальными, семейными, сословными). При самопознаніи всѣ эти національныя черты въ ихъ общей связи съ даннымъ индивидуальнымъ характеромъ находятъ себѣ утвержденіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ облагораживаются. И поскольку данный человѣкъ, познавая самого себя, начинаетъ „быть самимъ собой", онъ непремѣнно становится и яркимъ представителемъ своего народа. Его жизнь, будучи полнымъ и гармоническимъ выраженіемъ его осознанной самобытной индивидуальности, неизбѣжно воплощаетъ въ себѣ и національныя черты. Если этотъ человѣкъ занимается творческой культурной работой, его творчество, неся на себѣ отпечатокъ его личности, неизбѣжно будетъ окрашено въ тонъ національнаго характера, во всякомъ случаѣ, не будетъ противорѣчить этому характеру. Но, даже если человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, не будетъ участвовать въ культурномъ творчествѣ активно, а будетъ лишь пассивно усваивать результаты этого творчества или участвовать, какъ исполнитель въ извѣстной области культурной жизни своего народа, — даже и въ этомъ случаѣ фактъ полнаго и яркаго воплощенія въ его жизни и дѣятельности извѣстныхъ чертъ національнаго характера (главнымъ образомъ, вкусовъ и предрасположеній) непремѣнно будетъ способствовать подчеркиванію и усиленію общаго національнаго тона быта даннаго народа. А бытъ есть то, что вдохновляетъ творца культурныхъ цѣнностей, что даетъ ему задачи и матеріалъ для творчества. Такимъ образомъ, индивидуальное самопознаніе способствуетъ самобытности національной культуры, самобытности, которая, какъ мы указали, является коррелатомъ національнаго самопознанія.

Но и обратно, самобытная національная культура сама способствуетъ индивидуальному самопознанію отдѣльныхъ представителей даннаго народа. Она облегчаетъ имъ пониманіе и познаніе

тѣхъ чертъ ихъ индивидуальной психической природы, которыя служатъ проявленіями общаго національнаго характера. Ибо въ истинной національной культурѣ всѣ такія черты находятъ себѣ яркое и выпуклое воплощеніе, что позволяетъ всякому индивидууму съ большею легкостью находить ихъ въ самомъ себѣ, познавать ихъ (черезъ культуру) въ ихъ истинномъ видѣ и давать имъ правильную оцѣнку въ общей бытовой перспективѣ. Гармонически-самобытная національная культура позволяетъ всякому члену даннаго національнаго цѣлаго быть и оставаться самимъ собой, пребывая въ то же время въ постоянномъ общеніи со своими соплеменниками. При такихъ условіяхъ человѣкъ можетъ принимать участіе въ культурной жизни своего народа вполнѣ искренно, не кривя душой, не притворяясь передъ другими или передъ самимъ собой тѣмъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ никогда не былъ и не будетъ.

Какъ видно изъ всего этого, между индивидуальнымъ и національнымъ самопознаніемъ существуетъ тѣснѣйшая внутренняя связь и постоянное взаимодѣйствіе. Чѣмъ больше въ данномъ народѣ существуетъ людей „познавшихъ самихъ себя“ и „ставшихъ самими собой“,—тѣмъ успѣшнѣе идетъ въ немъ работа по національному самопознанію и по созданію самобытной національной культуры, которая въ свою очередь является залогомъ успѣшности и интенсивности самопознанія индивидуума. Только при наличности такого взаимодѣйствія между индивидуальнымъ и національнымъ самопознаніемъ возможна правильная эволюція національной культуры. Иначе эта послѣдняя можетъ остановиться на извѣстной точкѣ, тогда какъ національный характеръ, слагающійся изъ отдѣльныхъ индивидуальныхъ характеровъ, измѣнится. Въ этомъ случаѣ весь смыслъ самобытной національной культуры пропадетъ. Культура утратитъ живой откликъ въ психикѣ своихъ носителей, перестанетъ быть воплощеніемъ національной души и обратиться въ традиціонную ложь и лицемѣріе, способныя лишь затруднить, а не облегчить индивидуальное самопознаніе и индивидуальную самобытность.

Если признать, что высшимъ земнымъ идеаломъ человѣка является полное и совершенное самопознаніе, то предется признать, что только та культура, которая можетъ такому самопознанію способствовать, и есть истинная. Для того, чтобы способствовать индивидуальному самопознанію культура должна воплощать

въ себѣ тѣ элементы психологіи, которые являются общими для всѣхъ или для большинства личностей, причастныхъ къ данной культурѣ, т. е. совокупность элементовъ національной психологіи. При этомъ воплощать такіе элементы культура должна ярко, выпукло, ибо, чѣмъ ярче они будутъ воплощены, тѣмъ легче каждому индивидууму познать ихъ *черезъ культуру* въ самомъ себѣ. Иначе говоря, только вполнѣ самобытная національная культура есть подлинная, только она отвѣчаетъ этическимъ, эстетическимъ и даже утилитарнымъ требованіямъ, которыяста вятся всякой культурѣ. Если человѣкъ только тогда можетъ быть признанъ истинно мудрымъ, добродѣтельнымъ, прекраснымъ и счастливымъ, когда онъ позналъ самого себя и „сталъ самимъ собой", — то тоже самое примѣнимо къ народу. А „быть самимъ собой" въ примѣненіи къ народу значитъ „имѣть самобытную національную культуру". Если требовать отъ культуры, чтобы она давала „максимальное счастіе большинству людей", то дѣло отъ этого не мѣняется. Вѣдь истинное счастіе заключается не въ комфортѣ, не въ удовлетвореніи тѣхъ или иныхъ частныхъ потребностей, а въ равновѣсіи, въ гармоніи всѣхъ элементовъ душевной жизни (въ томъ числѣ и „потребностей") между собой. Сама по себѣ никакая культура такого счастія дать человѣку не можетъ. Ибо счастіе лежитъ не внѣ человѣка, а въ немъ самомъ, и единственный путь къ его достиженію есть самопознаніе. Культура можетъ только помочь человѣку стать счастливымъ, облегчить ему работу по самопознанію. А сдѣлать это она можетъ лишь въ томъ случаѣ, если будетъ такова, какою мы опредѣлили ее выше: вполнѣ и ярко самобытной.

Итакъ, культура должна быть для каждаго народа другая. Въ своей національной культурѣ каждый народъ долженъ ярко выявить всю свою индивидуальность, при томъ такъ, чтобы всѣ элементы этой культуры гармонировали другъ съ другомъ, будучи окрашены въ одинъ общій національный тонъ. Отличія разныхъ національныхъ культуръ другъ отъ друга должны быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе различія національныхъ психологій ихъ носителей, отдѣльныхъ народовъ. У народовъ близкихъ другъ къ другу по своему національному характеру, и культуры будутъ сходныя. Но общечеловѣческая культура, одинаковая для всѣхъ народовъ, — невозможна. При пестромъ многообразіи національныхъ характеровъ и психическихъ типовъ такая „общечеловѣческая культура" свелась бы либо къ удовлетворенію чисто матеріальныхъ потреб-

ностей при полномъ игнорированіи потребностей духовныхъ, либо навязала бы всѣмъ народамъ формы жизни, вытекающія изъ національнаго характера какой нибудь одной этнографической особи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ эта „общечеловѣческая" культура не отвѣчала бы требованіямъ, поставленнымъ всякой подлинной культурѣ. Истиннаго счастія она никому не дала бы.

Такимъ образомъ, стремленіе къ общечеловѣческой культурѣ должно быть отвергнуто. Наоборотъ, стремленіе каждаго народа создать свою особую національную культуру находитъ себѣ полное моральное оправданіе. Всякій кулотурный космополитизмъ или интернаціонализмъ заслуживаетъ рѣшительнаго осужденія. Однако, отнюдь не всякій націонализмъ логически и морально оправданъ. Есть разные виды ниціонализма, изъ которыхъ одни ложны, другіе — истинны, и только истинный національнизмъ является безусловнымъ положительнымъ принципомъ поведенія народа.

Изъ предъидущаго явствуетъ, что истиннымъ, морально и логически оправданнымъ можетъ быть признанъ только такой національнизмъ, который исходитъ изъ самобытной національной культуры или направленъ къ такой культурѣ. Мысль объ этой культурѣ должна руководить всѣми дѣйствіями истиннаго націоналиста. Ее онъ отстаиваетъ, за нее онъ борется. Все, что можетъ способствовать самобытной національной культурѣ, онъ долженъ поддерживать, все, что можетъ ей помѣшать, онъ долженъ устранять.

Однако, если съ подобнымъ мѣриломъ мы подойдемъ къ существующимъ формамъ націонализма, то легко убѣдимся, что въ большинствѣ случаевъ націонализмъ бываетъ не иотиннымъ, а ложнымъ.

Чаще всего приходится наблюдать такихъ націоналистовъ, для которыхъ самобытность національной культуры ихъ народа совершенно неважна. Они стремятся лишь къ тому, чтобы ихъ народъ во что бы то ни стало получилъ государственную самостоятельность, чтобы онъ былъ признанъ „большими" народами, „великими" державами, какъ полноправный членъ „семьи государственныхъ народовъ" и въ своемъ бытѣ во всемъ походилъ именно на эти „большіе народы". Этотъ типъ встрѣчается у разныхъ народовъ, но особенно часто появляется у народовъ „малыхъ", при томъ нероманогерманскихъ, у которыхъ онъ принимаетъ особенно уродливыя, почти каррикатурныя формы. Въ такомъ націонализмѣ самопознаніе никакой роли не играетъ, ибо

его сторонники вовсе не желаютъ быть „самими собой", а наоборотъ, хотятъ именно быть „какъ другіе", „какъ большіе", „какъ господа", не будучи по существу подчасъ ни большими, ни господами. Когда историческія условія складываются такъ, что данный народъ подпадаетъ подъ власть или экономическое господство другого народа, совершенно чуждаго ему по духу, и не можетъ создать самобытной національной культуры безъ того, чтобы освободиться отъ политическаго или экономическаго засилія иноплеменниковъ, — стремленіе къ эмансипаціи, къ государственной самостоятельности является вполнѣ основательнымъ, логически и морально оправданнымъ. Однако, слѣдуетъ всегда помнить, что такое стремленіе правомѣрно именно лишь въ томъ случаѣ, когда оно появляется во имя самобытной національной культуры, ибо государственная самостоятельность, какъ самоцѣль — безсмысленна. А, между тѣмъ, у націоналистовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, государственная самостоятельность и великодержавность обращаются именно въ самоцѣль. Мало того, ради этой самоцѣли приносится въ жертву самобытная національная культура. Ибо націоналисты разсматриваемаго типа, для того, чтобы ихъ народъ былъ вполнѣ похожъ на „настоящихъ европейцевъ", стараются навязать этому народу не только часто совершенно чуждыя ему по духу формы романогерманскаго государства, права и хозяйственной жизни, но и романогерманскія идеологіи, искусство и матеріальный бытъ. Европеизація, стремленіе къ точному воспроизведенію во всѣхъ областяхъ жизни общероманогерманскаго шаблона, въ концѣ концовъ приводитъ къ полной утратѣ всякой національной самобытности и у народа, руководимаго такими націоналистами очень скоро остается самобытнымъ только прославутый „родной языкъ". Да и этотъ послѣдній, ставъ „государственнымъ" языкомъ и приспосабливаясь къ новымъ, чужимъ понятіямъ и формамъ быта, сильно искажается, впитываетъ въ себя громадное количество романогерманизмовъ и неуклюжихъ неологизмовъ. Въ концѣ концовъ оффиціальные „государственные" языки многихъ „малыхъ" государствъ, вступившихъ на такой путь націонализма, оказываются почти непонятными для подлинныхъ народныхъ массъ, неуспѣвшихъ еще денаціонализироваться и обезличиться до степени „демократіи вообще".

Ясно, что такой видъ націонализма, не стремящійся къ національной самобытности, къ тому, чтобы народъ сталъ самимъ собой, а лишь къ сходству съ существующими „великими держа-

вами", — отнюдь не можетъ быть признанъ истиннымъ. Въ основѣ его лежитъ не самопознаніе, а мелкое тщеславіе, являющееся антиподомъ истиннаго самопознанія. Терминъ „національное самоопредѣленіе", которымъ любятъ оперировать представители этого вида націонализма, особенно, когда они принадлежатъ къ одному изъ „малыхъ народовъ", способенъ лишь ввести въ заблужденіе. На самомъ дѣлѣ, ничего „національнаго" и никакого „самоопредѣленія" въ этомъ настроеніи умовъ нѣтъ, и потому совсѣмъ неудивительно, что „самостійничество" такъ часто соединяется съ соціализмомъ, всегда заключающимъ въ себѣ элементы космополитизма, интернаціонализма.

Другой видъ ложнаго націонализма проявляется въ воинствующемъ шовинизмѣ. Здѣсь дѣло сводится къ стремленію распространить языкъ и культуру своего народа на возможно большее число иноплеменниковъ, искоренивъ въ этихъ послѣднихъ всякую національную самобытность. Ложность этого вида націонализма ясна безъ особыхъ объясненій. Вѣдь самобытность данной національной культуры цѣнна лишь постольку, поскольку она гармонируетъ съ психическимъ обликомъ ея создателей и носителей. Какъ только культура переносится на народъ съ чуждымъ психическимъ укладомъ, весь смыслъ ея самобытности пропадаетъ и сама оцѣнка культуры мѣняется. Въ игнорированіи этой соотносительности всякой данной формы культуры съ опредѣленнымъ этническомъ субъектомъ ея, заключается основное заблужденіе аггресивнаго шовинизма. Этотъ шовинизмъ, основанный на тщеславіи и на отрицаніи равноцѣнности народовъ и культуръ, словомъ, — на этоцентрическомъ самовозвеличеніи, немыслимъ при подлинномъ національномъ самопознаніи и потому тоже является противоположностью истиннаго націонализма.

Особой формой ложнаго націонализма слѣдуетъ признать и тотъ видъ культурнаго консерватизма, который искуственно отождествляетъ національную самобытность съ какими нибудь уже созданными въ прошломъ культурными цѣнностями или формами быта и не допускаетъ измѣненіе ихъ даже тогда, когда онѣ явно перестали удовлетворительно воплощать въ себѣ національную психику. Въ этомъ случаѣ, совершенно какъ и при аггрессивномъ шовинизмѣ, игнорируется живая связь культуры съ психикой ея носителей въ каждый данный моментъ и культурѣ придается абсолютное значеніе, независимое отъ ея отношенія къ народу: „не культура для народа, а народъ для культуры". Этимъ опять

упраздняется моральный и логическій смыслъ самобытности, какъ коррелата непрерывнаго и непрестаннаго національнаго самопознанія.

Не трудно видѣть, что всѣ разсмотренные виды ложнаго національнаго націонализма приводятъ къ практическимъ послѣдствіямъ гибельнымъ для національной культуры: первый видъ проводитъ къ національному обезличенію, къ денаціонализаціи культуры; второй — къ утратѣ чистоты расы носителей данной культуры, третій — къ застою, предвѣстнику смерти.

Само собой разумѣется, что отдѣльные разсмотренные нами виды ложнаго націонализма способны соединятся другъ съ другомъ въ разные смѣшанные типы. Всѣ они имѣютъ между собой ту общую черту, что принципіально не базируются на національномъ самопознаніи въ вышеопредѣленномъ смыслѣ этого слова. Но даже и тѣ разновидности націонализма, которыя якобы изходятъ изъ національнаго самопознанія и на немъ хотятъ обосновать самобытную національную культуру, не всегда бываютъ истинны. Дѣло въ томъ, что весьма часто самое самопознаніе понимается слишкомъ узко и производится неправильно. Часто истинному самопознанію мѣшаетъ какой нибудь ярлыкъ, который данный народъ почему либо прилѣпилъ къ себѣ и отъ котораго почему либо не хочетъ отказаться. Такъ напримѣръ, направленіе культурной работы румынъ въ значительной степени обусловливается тѣмъ, что они считаютъ себя „романскимъ народомъ“ на томъ основаніи, что среди элементовъ, изъ которыхъ создалась румынская національность, въ очень отдаленные времена былъ и небольшой отрядъ римскихъ солдатъ. Точно также и современный греческій націонализмъ, будучи по существу смѣшаннымъ видомъ ложнаго націонализма, усугубляетъ свою ложность еще и одностороннимъ взглядовъ грековъ на свое собственное происхожденіе: будучи на самомъ дѣлѣ смѣсью нѣсколькихъ этническихъ елементовъ, продѣлавшихъ совмѣстно съ другими „балканскими“ народами цѣлый рядъ общихъ этаповъ культурной эволюціи, они сами себя считаютъ исключительно потомками древныхъ грековъ. Такія аберраціи зависятъ исключительно отъ того, что самопознаніе во всѣхъ этихъ случаяхъ првзводится не органически, что оно является не источникомъ даннаго націонализма, а лишъ попыткой историческаго обоснованія самостійническихъ и шовинистическихъ тенденцій этого націонализма.

Наблюденіе надъ различными видами ложнаго національнаго самопознанія, онъ весь основанъ на признаніи необходимости самобытной національной культуры, ставитъ эту культуру какъ высшую и единственную свою задачу, расцѣнивая всякое явленіе въ области внутренней и внѣшней политики, всякій историческій моментъ жизни даннаго народа именно съ точки зрѣнія этой главной задачи. Самопознаніе придаетъ ему характеръ извѣстнаго самодавленія, препятствуя ему насильно навязывать данную самобытную національную культуру другимъ народамъ или раболѣпно подражать другому народу, чуждому по духу, но почему либо пользующемуся престижемъ въ опредѣленной антропогеографической зонѣ. Въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ истинный націоналистъ лишенъ свякаго національнаго тщеславія или честолюбія. Строя свое міросозерцаніе на самодовлѣющемъ самопознаніи онъ, всегда будетъ принципіально миролюбивъ и терпимъ по отношенію ко всякой чужой самобытности. Онъ будетъ чуждъ и искусственнаго національнаго обособленія. Постигнувъ съ большой ясностью и полнотой самобытную психику своего народа, онъ съ особенной чуткостью будетъ улавливать и во всякомъ другомъ народѣ всѣ черты похожія на его собственныя. И, если другой народъ сумѣлъ дать одной изъ этихъ чертъ удачное воплощеніе въ видѣ той или иной культурной цѣнности, то истинный націоналистъ не задумается заимствовать эту цѣнность, приспособивъ се къ общему инвентарю своей самобытной культуры. Два близкіе по своимъ національнымъ характерамъ народа, живущіе въ общеніи другъ съ другомъ, и оба руководимые истинными націоналистами, непремѣнно будутъ имѣть культуры весьма сходныя другъ съ другомъ, именно благодаря такому свободному обмѣну пріемлемыми для обѣихъ сторонъ культурными цѣнностями. Но это культурное единство все же принципіально отличается отъ того искусственнаго единства, которое является результатомъ поработительскихъ стремленій однаго изъ сожительствующихъ другъ съ другомъ народовъ.

Если мы въ свѣтѣ всѣхъ этихъ общихъ разсужденій станемъ разсматривать тѣ виды русскаго націонализма, которые существовали до сихъ поръ, то будемъ принуждены признать, что истиннаго націонализма въ послѣпетровской Россіи еще не было. Большинство образованныхъ русскихъ совершенно не желали

быть „самими собой", а хотѣли быть „настоящими европейцами", и за то, что Россія, несмотря на все свое желаніе, всетаки никакъ не могла стать настоящимъ европейскимъ государствомъ, многіе изъ насъ презирали свою „отсталую" родину. Поэтому, большинство русской интеллигенціи до самаго недавняго времени сторонилось всякаго націонализма. Другіе именовали себя націоналистами, но на самомъ дѣлѣ понимали подъ націонализмомъ только стремленіе къ великодержавности, къ внѣшней военной и экономической мощи, къ блестящему международному положенію Россіи, и для этихъ цѣлей считали необходимымъ наибольшее приближеніе русской культуры къ западноевропейскому образцу. На томъ же раболѣпномъ отношеніи къ западнымъ образцамъ было основано у нѣкоторыхъ русскихъ „націоналистовъ" требованіе „руссификаціи", сводившейся къ поощренію перехода въ православіе, къ принудительному введенію русскаго языка и къ замѣнѣ иноплеменныхъ географическихъ названій болѣе или менѣе неуклюжими русскими: все это дѣлалось лишь потому, что такъ-де поступаютъ нѣмцы, — „а нѣмцы — народъ культурный". Иногда такое стремленіе быть націоналистомъ потому, что и нѣмцы — націоналисты, принимало болѣе глубокіе и систематично-продуманныя формы. Такъ какъ нѣмцы свое націоналистическое высокомѣріе обосновываютъ заслугами германской рассы въ созданіи культуры, наши націоналисты тоже старались говорить о какой то самобытной русской культурѣ XIX вѣка, раздувая до полукосмическихъ размѣровъ значеніе всякаго хоть сколько нибудь уклоняющагося отъ западноевропейскаго шаблона созданія русскаго или хотя бы русскоподданаго творца и объявляя это твореніе „цѣннымъ вкладомъ русскаго генія въ сокровищницу мировой цивилизаціи". Для вящей параллели, въ pendant къ пангерманизму созданъ былъ и „панславизмъ", и Россіи приписывалась миссія объединить всѣ „идущіе по пути мірового прогресса" (си-рѣчь, промѣнивающіе свою самобытность на романогерманскій шаблонъ) славянскіе народы, для того, чтобы славянство (какъ понятіе лингвистическое) могло занять „подобающее" или даже „первенствующее" мѣсто въ „семьѣ цивилизованныхъ народовъ". Это направленіе западничествующаго славянофильства за послѣднее время въ Россіи сдѣлалось модньмъ даже въ такихъ кругахъ, гдѣ прежде слово „націонализмъ" считалось неприличнымъ.

Однако, и болѣе старое славянофильство никакъ нельзя считать чистой формой истиннаго націонализма. Въ немъ не трудно

замѣтить всѣ три вида ложнаго національнзма, о которыхъ мы говорили выше, при чемъ сначала преобладалъ видъ третій, позднѣе — первый и второй. Замѣчалась всегда и тенденція построить русскій національнзмъ по образцу и подобію романогерманскаго. Благодаря всѣмъ этимъ свойствамъ старое славянофильство и должно было неизбѣжно выродиться, несмотря на то, что отправной точкой его было ощущеніе самобытности и начало національнаго самопознанія. Эти элементы, очевидно, были недостаточно ясно осознаны и оформлены.

Такимъ образомъ, истинный національнзмъ, всецѣло основанный на самопознаніи и требующій во имя самопознанія перестройки русской культуры въ духѣ самобытности, до сихъ поръ былъ въ Россіи удѣломъ лишь единичныхъ личностей, (напр. можетъ быть нѣкоторыхъ изъ „раннихъ“ славянофиловъ). Какъ общественное теченіе онъ еще не существовалъ. Въ будущемъ его предстоитъ создать. И для того то и нуженъ тотъ полный переворотъ въ сознаніи русской интеллигенціи, о которомъ мы говорили въ началѣ этой статьи.

Софія, 2 апрѣля 1921 г.

Кн. Н. С. Трубецкой.

Верхи и низы, русской культуры.

(Этническая основа русской культуры.)

Всякая дифференцированная культура неизбѣжно заключаетъ въ себѣ двѣ обязательныя части, которыя образно можно назвать „верхомъ“ и „низомъ“ зданія данной культуры. Подъ низомъ мы разумѣемъ тотъ запасъ культурныхъ цѣнностей, которымъ удовлетворяютъ свои потребности наиболѣе широкіе слои національнаго цѣлаго, т. наз. „народныя массы“. Поскольку эти цѣнности создаются въ самой средѣ народныхъ массъ, онѣ сравнительно элементарны и не носятъ на себѣ рѣзкаго отпечатка индивидуальнаго творчества. Когда же нѣкоторыя изъ нихъ проникаютъ въ низы „изъ верхомъ“, онѣ въ силу самой этой миграціи неизбѣжно слегка обезличиваются и упрощаются, приспособляясь къ общему контексту другихъ цѣнностей исключительно „нижняго“ происхожденія. Нѣсколько иной характеръ носятъ „верхи“ культурнаго зданія. Культурныя цѣнности нижнихъ слоевъ способны удовлетворить далеко не всякаго представителя даннаго народа. Многіе, не удовлетворяясь формой той или иной общепринятой цѣнности, стараются усовершенствовать ее, приспособивъ къ своимъ личнымъ вкусамъ. Можетъ статься, что въ такомъ измѣненномъ видѣ эта цѣнность окажется почему либо недоступной для широкихъ слоевъ населенія, но придется по вкусу тѣмъ чаотямъ національнаго цѣлаго, которыя въ какомъ либо отношеніи занимаютъ въ этомъ цѣломъ господствующее положеніе. Въ такомъ случаѣ, эта цѣнность попадаетъ въ запасъ „верховъ“ культуры. Такимъ образомъ цѣнности „верхняго запаса“ создаются либо самими господствующими частями національнаго цѣлаго, либо для этихъ частей, и отвѣчаютъ всегда болѣе утонченнымъ потребностямъ, болѣе требовательнымъ вкусамъ. Вслѣдствіе этого онѣ всегда сравнительно сложнѣе и менѣе элементарны, чѣмъ цѣнности нижняго запаса. Поскольку, съ одной стороны, отправной точкой для созданія той или иной цѣнности верхняго запаса можетъ явиться какая нибудь цѣнность запаса нижняго, а, съ другой стороны, самыя

родныя массы постоянно вводятъ въ свой бытовой обиходъ цѣнности заимствованныя въ упрощенномъ видѣ изъ верхняго запаса, —можно сказать, что въ нормальной культурѣ между верхомъ и низомъ всегда существуетъ извѣстный обмѣнъ и взаимодѣйствіе. Обмѣнъ этотъ увеличивается еще и тѣмъ, что сама господствующая часть національнаго цѣлаго не есть величина неизмѣнная и постоянная. Она является „господствующей“ лишь пока обладаетъ „престижемъ“, т. е. способностью вызывать къ себѣ подражаніе, какъ въ прямомъ смыслѣ, такъ и въ смыслѣ „симпатическаго подражанія“ — почтенія и повиновенія. Но, съ теченіемъ времени, — „престижъ“ можетъ утратиться и перейти къ какой нибудь другой соціальной группѣ, прежде принадлежавшей скорѣе къ низамъ, и тогда эта новая аристократія вынесетъ съ собой на верхи культурнаго зданія многія цѣнности изъ нижняго запаса.

Помимо этого внутренняго культурнаго взаимодѣйствія верховъ и низовъ, каждая изъ этихъ частей даннаго культурнаго цѣлаго питается и заимствованіями извнѣ, изъ культуръ иноземныхъ. При этомъ можетъ случиться, что тотъ иноземный источникъ, изъ котораго черпаютъ культурныя цѣнности данные верхи, не совпадаетъ съ тѣмъ иноземнымъ источникомъ, который питаетъ соотвѣтствующіе низы. Если заимствованныя цѣнности не противорѣчатъ общему психическому облику даннаго національнаго цѣлаго и при усвоеніи органически перерабатываются, то, въ силу естественнаго внутренняго взаимодѣйствія, между культурными верхами и низами снова устанавливается извѣстная равнодѣйствующая. Но такой равнодѣйствующей можетъ и не установиться, въ каковомъ случаѣ между верхами и низами образуется культурный разрывъ и національное единство нарушается. Это всегда свидѣтельствуетъ о томъ, что источникъ иноземнаго вліянія слишкомъ чуждъ данной національной психикѣ.

Размышляя надъ русской культурой, мы должны прежде всего отдать себѣ точный отчетъ въ этнографическомъ характерѣ ея низовъ и верховъ и ясно представить себѣ связь этихъ ея частей съ другими иноплеменными культурами.

Основнымъ элементомъ, образующимъ русскую національность, безусловно является элементъ славянскій. О древнѣйшемъ обликѣ нашихъ славянскихъ предковъ мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе лишь по даннымъ языка. Какъ извѣстно, „общеславянскій праязыкъ“, къ которому восходятъ всѣ

славянскіе языки, есть одинъ изъ потомковъ „общеиндоевропейскаго праязыка", возстанавливаемаго наукой при помощи сравнительнаго изученія всѣхъ его потомковъ. Теперь уже давно оставленъ взглядъ на этотъ индоевропейскій праязыкъ, какъ на нѣчто вполнѣ однородное. Всѣ лингвисты согласны съ тѣмъ, что въ праязыкѣ уже существовали различія между діалектами, при чемъ съ теченіемъ времени эти различія, все усиливаясь, привели къ окончательному распаденію праязыка и превратили отдѣльные его діалекты въ самостоятельные языки. Говорить, что общеславянскій праязыкъ есть потомокъ индоевропейскаго праязыка, значитъ утверждать, что въ этомъ послѣднемъ существовалъ особый „праславянскій" діалектъ, превратившійся съ теченіемъ времени въ особый самостоятельный языкъ. Особенности этого праславянскаго діалекта, отличавшія или сближавшія его съ другими діалектами индоевропейскаго праязыка, могутъ быть возстановлены наукой, и это и есть то самое древнее, что мы можемъ знать о предкахъ славянъ. Все, что мы знаемъ о діалектахъ индоевропейскаго праязыка, позволяетъ намъ утверждать, что праславянскій діалектъ вмѣстѣ съ наиболѣе къ нему близкимъ „прабалтійскимъ"[1]), занималъ нѣкоторое серединное положеніе. На югѣ къ нему примыкали діалекты праиллирійскіе и прафракійскіе, очень мало намъ извѣстные. На востокѣ праславянскій діалектъ соприкасался съ очень однородной группой праиндоиранскихъ діалектовъ, объединенныхъ цѣлымъ рядомъ деталей произношенія, грамматики и словаря. Наконецъ, на западѣ славяне граничили съ группой западно-индоевропейскихъ діалектовъ (прагерманскимъ, праиталійскимъ[2]) и пракельтскимъ), которые представляли изъ себя гораздо менѣе однородное цѣлое, чѣмъ діалекты праиндоиранскіе, но все же были объединены другъ съ другомъ цѣлымъ рядомъ общихъ чертъ произношенія, грамматики и словаря.

Благодаря своему серединному положенію праславянскіе діалекты въ однихъ своихъ особенностяхъ сходились съ праиндоиранскими, въ другихъ — съ западно-индоевропейскими, иногда играя роль посредниковъ между этими двумя группами индоевропейскихъ

---

[1]) „Балтійскими" языками называютъ близко родственные между собой языки литовскій, латышскій и древнепрусскій (вымершій въ XVII в.).

[2]) Подъ „италійскими" языками разумѣютъ, кромѣ языка латинскаго, еще нѣсколько другихъ языковъ Аппенинскаго полуострова, близкихъ къ латинскому: главнѣйшіе изъ нихъ — умбрскій и оскскій.

говоровъ. Въ отношеніи произношенія праславянскіе діалекты объединялись съ праиндоиранскими нѣкоторыми общими измѣненіями согласныхъ, а съ западно-индоевропейскими — м. б. только извѣстными оттѣнками произношенія нѣкоторыхъ гласныхъ. А т. к. согласныя вобщемъ больше поражаютъ слухъ, нежели гласныя, то надо думать, что общее внѣшнее впечатлѣніе отъ индоевропейской рѣчи въ праславянскомъ произношеніи скорѣе напоминало восточный (праиндоиранскій) выговоръ, чѣмъ выговоръ западный. Въ отношеніи грамматики особой близости праславянскаго діалекта съ праиндоиранскимъ повидимому не наблюдалось. Но и съ западно-европейской группой праславянскіе діалекты связывались скорѣе общими утратами нѣкоторыхъ старыхъ грамматическихъ категорій или смѣшеніемъ первоначально различныхъ формъ, чѣмъ созданіемъ новыхъ формъ. Вобщемъ, въ отношеніи грамматики, праславянскіе діалекты вмѣстѣ съ наиболѣе къ нимъ близкими прабалтійскими представляютъ изъ себя совершенно особый-своеобразный типъ.

Для опредѣленія отношенія между сосѣдними языками или діалектами громадное значеніе имѣетъ изученіе словарей. Къ сожалѣнію для наиболѣе древнихъ эпохъ мы лишены объективной возможности отличать слова заимствованныя отъ словъ исконно родственныхъ. Все же иногда заимствованіе менѣе вѣроятно, чѣмъ исконное родство. Просматривая списокъ словъ и корней, общихъ у славянъ съ индоиранцами и не извѣстныхъ другимъ индоевропейскимъ языкамъ (кромѣ, отчасти, балтійскихъ), мы находимъ здѣсь такіе предлоги какъ слав. къ, ради, безъ, съ, (въ качествѣ предлога-приставки), мѣстоимѣнія овъ, онъ, вьсь (весь) союзъ а, особая отрицательная частица ни (ср. особенно ничьто — авестійск. naeciì), нарѣчіе явѣ, частица бо, которые, — разумѣется, принадлежатъ къ запасу исконно-родственныхъ, а не заимствованныхъ словъ. Ни съ однимъ изъ другихъ индоевропейскихъ діалектовъ праславянскіе и прабалтійскіе говоры не представляютъ такого детальнаго сходства въ области запаса подобныхъ несамостоятельныхъ словечекъ, столь характерныхъ и важныхъ для каждаго языка. Это позволяетъ предполагать особенно тѣсную связь между праславянскими и праиндоиранскими діалектами. Среди прочихъ общихъ этимъ двумъ діалектическимъ группамъ элементовъ словаря много такихъ словъ, которыя по своему значенію легко могли быть заимствованы однимъ діалектомъ у другого. Эти слова глубоко характерны. Цѣ-

лый рядъ изъ нихъ относится къ терминологіи религіозной. Въ качествѣ такихъ обычно приводятъ (вслѣдъ за французскимъ ученымъ A. Meillet) слав. богъ, святъ (гдѣ „я“ по русски изъ „малаго юса“), слово, которые сопоставляются съ древнеиранскими baga spenta sravah. Замѣчательно, что здѣсь имѣется совпаденіе именно славянскаго и иранскаго (безъ участія индійскаго; балтійскіе языки изъ этихъ трехъ словъ знаютъ лишь второе). Здѣсь умѣстно вспомнить, что индоевропейское слово deiwos, имѣющее во всѣхъ другихъ языкахъ значеніе „богъ“ (лат. deus, древнеинд. dêvas, древне-исландск. týr, мн. ч. tiwar и т. д.), въ славянскихъ и иранскихъ языкахъ обозначаетъ злое миѳологическое существо: авест. daevo, новоперс. dêv (ср. Asmodev), древнерусск. дивъ (въ „Словѣ о полку Игоревѣ“), южнослав. дива „вѣдьма“ самодива, далѣе дивій, дивъ „дикій, варварскій“. Для иранцевъ это измѣненіе значенія обычно объясняется реформой Заратуштры (Зороастра), который, признавъ единственнымъ истиннымъ богомъ Ахуру Мазду (Ормазда), всѣхъ прочихъ боговъ объявилъ демонами, такъ что самый терминъ daevo получилъ значеніе „демонъ“, а „богъ“ сталъ обозначаться другими словами (въ томъ числѣ и baga). Надо думать, что предки славянъ такъ или иначе принимали участіе въ той эволюціи религіозныхъ понятій, которая у ихъ восточныхъ сосѣдей, праиранцевъ, въ концѣ концовъ привела къ реформѣ Заратуштры. При такихъ условіяхъ весьма вѣроятнымъ становится предположеніе A. Meillet о тождествѣ славянскаго глагола вѣрить съ авестійскимъ vârayaiti, означающимъ тоже „вѣрить“, но имѣвшимъ первоначально значеніе „выбирать“, т. к. по ученію Заратуштры истинно вѣрующій есть тотъ, который сдѣлалъ правильный „выборъ“ между добрымъ богомъ (Ормаздомъ) и злымъ (Аріманомъ). При такомъ сходствѣ религіозной терминологіи праславянскаго и праиндоиранскаго діалекта особое освѣщеніе получаютъ и нѣкоторыя другія спеціальныя совпаденія словарей обоихъ діалектовъ. Такъ, оказывается, что славянское зоветъ, звати имѣетъ параллель кромѣ балтійскихъ языковъ еще только въ индоиранскомъ, гдѣ соотвѣтствующій глаголъ особенно употребителенъ въ техническомъ значеніи „призвать бога“. Также обстоитъ дѣло съ славян. свѣтъ, свѣтѣти, что становится понятнымъ, если вспомнить роль представленія о „свѣтѣ“ и „сіяніи“ въ индоевропейской миѳологіи. Слав. сздравъ находитъ болѣе или менѣе точную па-

раллель лишь въ древнеперсидскомъ: вспомнимъ, что „о здравіи" чаще всего молятся. Слав. бояти ся, кромѣ литовскаго языка, встрѣчается еще только въ древнеиндійскомъ: въ общемъ контекстѣ религіозной терминологіи и это слово укладывается безъ труда. Интересныя соображенія возникаютъ при размышленіи надъ тѣмъ фактомъ, что славянское шуй („лѣвый") находитъ параллель лишь въ индоиранскихъ языкахъ: суевѣрное отношеніе къ лѣвой сторонѣ достаточно извѣстно, точно такъ же, какъ обычай обозначать „страшное" понятіе особыми словами (т. наз. „словарные табу"). Вобщемъ, можно сказать, что среди спеціальныхъ совпаденій праславянскаго словаря съ праиндоиранскимъ, термины, такъ или иначе связанные съ религіозными переживаніями, представляютъ очень значительный процентъ.

Совершенно иной характеръ носятъ спеціальныя совпаденія праславянскаго языка съ западноиндоевропейскимъ. Такихъ совпаденій м. б. и больше, чѣмъ съ праиндоиранскимъ, но среди нихъ прежде всего нѣтъ тѣхъ интимныхъ словечекъ, вродѣ союзовъ, предлоговъ и проч., которые играютъ такую видную роль въ жизни повседневнаго языка. Рѣшительно преобладаютъ слова съ техническимъ значеніемъ, имѣющія отношеніе къ хозяйственной жизни: изъ существительныхъ — сѣмя, зрьно, брашьно, лѣха (гряда), яблъко, прася (поросенокъ), бобъ, сѣкыра, шило, трудъ; изъ глаголовъ — сѣяти, ковати, плести, сѣщи (сѣчь, высѣкать, отсѣкать) — имѣютъ точныя параллели, кромѣ балтійскихъ языковъ, лишь въ языкахъ кельтскихъ, италійскихъ и германскихъ. Прилагат. добръ (нѣм. tapfer, латин. faber изъ индоевр. dhabros) первоначально было лишено этическаго смысла и обозначало чисто техническую „добродѣтель", ловкость, приспособленность къ извѣстной работѣ. Старымъ соціальнымъ бытомъ вѣетъ отъ словъ гость (нѣм. gast, лат. hostis), мѣна, длъгъ (долгъ), извѣстныхъ лишь славянамъ, италійцамъ и германцамъ, м. б. и отъ слова дѣлъ (дѣлить, удѣлъ, надѣлъ), имѣющаго точную параллель лишь на германской почвѣ (нѣм. Teil). Остальныя слова, встрѣчающіяся лишь у славянъ и западныхъ индоевропейцевъ, менѣе характерны, т. какъ обозначаютъ предметы внѣшней природы, при чемъ ихъ общность объясняется общими географическими условіями, (море, мъхъ = мохъ, дроздъ, оса, сръшень = шершень, ельха = ольха, ива, сѣверъ), либо части тѣла (лядвея, брада); обѣ эти категоріи представлены и въ запасѣ славянско-индоиранскихъ совпаденій

слав. гора = авест. gairi, древнеинд. giri; слав. грива, ста, власъ = древнеинд. grîva „шея", ôshtha „ротъ", авест. varesa „волосъ").

Весьма вѣроятно, что праславянскіе діалекты, кромѣ связей съ востокомъ и западомъ, имѣли и спеціальныя связи съ югомъ, съ діалектами праѳракійскимъ, праиллирійскимъ, во всякомъ случаѣ, съ тѣмъ діалектомъ, изъ котораго позднѣе развился албанскій языкъ. Къ сожалѣнію, албанскій языкъ, въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, представляется языкомъ сильно смѣшаннымъ: въ его словарѣ элементы иноземные (романскіе, греческіе, турецкіе и ново-славянскіе) рѣшительно преобладаютъ надъ туземными, которыхъ осталось совсѣмъ мало. Языки древнихъ ѳракійцевъ и иллирійцевъ намъ почти совсѣмъ неизвѣстны. Т. о., о характерѣ связи праславянскихъ діалектовъ съ ихъ южными сосѣдями мы ничего опредѣленнаго не знаемъ.

Къ концу индоевропейской эпохи, т. е. къ тому моменту, когда праславянскій діалектъ обособился въ самостоятельный языкъ, славянамъ предстояло произвести выборъ между направленіями связи съ востокомъ, югомъ и западомъ. Мы видѣли, что „душой" славяне тянули къ индоиранцамъ, „тѣломъ", въ силу географическихъ и матеріально-бытовыхъ условій, — къ западнымъ индоевропейцамъ. Индоиранцы къ тому времени, вѣроятно, уже переселились далеко отъ славянъ на юго-востокъ и больше не сосѣдили непосредственно съ славянами, отдѣленные отъ этихъ послѣднихъ неиндоевропейскими племенами (угрофиннскими, тюркскими и отчасти „кавказскими").

Первое время послѣ окончательнаго обособленія общеславянскаго праязыка отъ прочихъ вѣтвей индоевропейской семьи, предки славянъ довольно долго продолжали испытывать сильное вліяніе западныхъ индоевропейцевъ, окончательно уже раздѣлившихся на три лингвистическія особи: германцевъ, кельтовъ и италійцевъ (позднѣе романцевъ). Древнѣйшіе германскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ общеславянскій праязыкъ, по тѣмъ категоріямъ значенія, къ которымъ онѣ относятся, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ лексическихъ элементовъ, которые и раньше были общими у праславянскихъ діалектовъ съ празападноиндоевропейскими. Это, главнымъ образомъ, предметы хозяйственные, термины, относящіеся къ торговлѣ и государственному быту, наконецъ, названія оружія. Позднѣе къ этимъ словамъ присоединяются и термины христіанской религіи, приходящіе къ славя-

намъ первоначально довольно кружнымъ путемъ, отъ грековъ и римлянъ черезъ германцевъ (црькы, постъ, коупель) или черезъ романцевъ (кржь, крьст, коумъ), еще позднѣе — прямо отъ грековъ.

Наконецъ, по окончаніи этой эпохи общеславянскаго единства, славяне раздѣляются на болѣе мелкія группы — западную, южную и восточную, каждая изъ которыхъ воплощаетъ какъ бы особую „оріентацію."

Культурная физіономія славянства, т. о., была предрѣщена съ самаго начала, еще тогда, когда предки славянъ являлись лишь частью обшей массы индоевропейцевъ и говорили еще на діалектѣ общеиндоевропейскаго праязыка. Уже тогда серединное положеніе этихъ племенъ вызывало въ нихъ тенденціи къ связи то съ востокомъ, то съ западомъ, то съ югомъ.

Позднѣе эти тендеціи дифференцировались въ связи съ дифференціаціей самого славянства, и въ результатѣ каждая изъ вѣтвей славянства сохранила за собой одну изъ этихъ тенденцій.

Западные славяне примкнули къ романогерманскому міру. Правда, этотъ міръ не смотрѣлъ на нихъ какъ на вполнѣ полноправныхъ членовъ своего семейства. Западные славяне подвергались онѣмеченью и истребленію. Когда то эти славяне занимали всю восточную половину современной Германіи вплоть до Эльбы и до Фульды (въ Гессенѣ); теперь же отъ всей этой массы западныхъ славянъ остались только Польша, Чехія и небольшой островокъ лужичанъ, окруженный нѣмцами. И все же, несмотря на такое незавидное положеніе западныхъ славянъ въ романогерманскомъ мірѣ и на то, что вполнѣ своими ихъ не считали, они довольно органически усвоили романогерманскую культуру и по мѣрѣ силъ участвовали въ ея развитіи. Умственному перевороту, ознаменовавшему собой начало т. наз. „новой исторіи" романогерманскаго міра, въ значительной мѣрѣ, способствовала дѣятельность двухъ западныхъ славянъ, — чеха Яна Гуса и поляка Николая Коперника.

Южные славяне вошли всецѣло въ сферу вліянія Византіи и, вмѣстѣ съ другими племенами Балканскаго полуострова, участвовали въ созданіи особой „балканской культуры", эллинистической въ своихъ верхахъ, а въ низахъ не поддающейся болѣе детальному этнологическому опредѣленію, въ виду того, что роль отдѣльныхъ этническихъ элементовъ, ее создавшихъ, до сихъ поръ еще недостаточно изучена. Усвоеніе духа Византійской культуры и здѣсь

шло органически, по крайней мѣрѣ до начала шовинистическихъ происковъ греческихъ „фанаріотовъ“ (уже въ эпоху турецкаго владычества), стремившихся замѣнить это органическое усвоеніе и свободное сотрудничество механическимъ подчиненіемъ.

У восточныхъ славянъ культурныя ориентаціи носили гораздо менѣе опредѣленный характеръ. Не соприкасаясь непосредственно ни съ однимъ изъ очаговъ индоевропейской культуры, они могли свободно выбирать между романогерманскимъ „западомъ“ и Византіей, знакомясь съ тѣмъ и другимъ, главнымъ образомъ, черезъ славянское посредство. Выборъ былъ сдѣланъ въ пользу Византіи и далъ первоначально очень хорошіе результаты. На русской почвѣ Византійская культура развивалась и украшалась. Все получаемое изъ Византіи усваивалось органически и служило образцомъ для творчества, приспособлявшаго всѣ эти элементы къ требованіямъ національной психики. Это относится особенно къ области духовной культуры, къ искусству и религіозной жизни. Наоборотъ, все получаемое съ „запада“—органически не усваивалось, не вдохновляло національнаго творчества. Западные товары привозились, покупались, но не воспроизводились. Мастера выписывались, но не съ тѣмъ, чтобы учить русскихъ людей, а съ тѣмъ, чтобы выполнять заказы. Иногда переводились книги, но не порождали соотвѣтствующаго рода національной литературы. Мы имѣемъ въ виду, разумѣется, лишь общіе штрихи, а не детали. Исключеній изъ общаго правила было, конечно, очень много, но въ общемъ все византійское несомнѣнно усваивалось въ Россіи легче и органичнѣе, чѣмъ все западное. Напрасно было бы объяснять все это однимъ лишь суевѣрнымъ мизонеизмомъ. Въ самомъ этомъ „суевѣріи“ было инстинктивное ощущеніе репульсіи къ романогерманскому духу, сознаніе своей неспособности творить въ этомъ духѣ. И въ этомъ отношеніи восточные славяне являлись вѣрными потомками своихъ доисторическихъ предковъ—тѣхъ носителей праславянскаго діалекта индоевропейскаго праязыка, которые, какъ показываетъ изученіе словаря, не чувствовали духовной близости къ западнымъ индоевропейцамъ и въ духовномъ отношеніи ориентировались на востокъ. У западныхъ славянъ эта психическая особенность была подавлена благодаря долгому непосредственному общенію съ германцами, у восточныхъ же она усугубилась отчасти, м. б., благодаря антропологическому смѣшенію съ угрофиннами и тюрками.

Такое положеніе дѣла, однако, рѣзко измѣнилось, благодаря реформѣ Петра Великаго. Съ момента этой реформы русскіе дол-

жны были проникнуться романогерманскимъ духомъ и творить въ этомъ духѣ. Изъ предыдущаго явствуетъ, что къ успѣшному выполненію этой задачи русскіе были органически неспособны. И дѣйствительно, если Россія до Петра Великаго по своей культурѣ могла считаться чуть ли не самой даровитой и плодовитой продолжательницей Византіи, то послѣ Петра Великаго, вступивъ на путь романогерманской „оріентаціи", она оказалась въ хвостѣ европейскоі культуры, на задворкахъ цивилизаціи. Нѣкоторые основные движущіе факторы европейской духовной культуры (напр. европейское правосознаніе и „государственное мышленіе") русскими верхами усваивались плохо, народомъ совсѣмъ не усваивались. Отсутствіе нѣкоторыхъ первостепенно-важныхъ для романогерманцевъ психологическихъ способностей давало себя чувствовать на каждомъ шагу. И потому то число настоящихъ вкладовъ русскаго генія въ „сокровищницу европейской цивилизаціи" осталось ничтожнымъ по сравненію съ массой иностранныхъ культурныхъ цѣнностей, непрерывно механически пересаживаемыхъ на русскую почву. Попытки органической переработки романогерманскихъ культурныхъ цѣнностей и выявленія самобытнаго индивидуальнаго творчества, въ рамкахъ опредѣленной европейской формы, въ Россіи дѣлались неоднократно, особенно въ области духовной культуры. Однако, только исключительно геніальнымъ личностямъ удавалось создавать въ этихъ рамкахъ цѣнности, пріемлемыя не для одной Россіи, а и для „Запада", и явный, подавляющій перевѣсъ былъ всегда на сторонѣ простого, почти механическаго перениманія и подражанія. Слѣдуетъ замѣтить, что когда какой нибудь русскій талантъ или геній пытался, оставаясь въ рамкахъ европейской культуры, дать что-нибудь національно-самобытное, онъ большею частью вводилъ въ свое творчество чуждый романогерманскому міру византійскій „русскій" или „восточный" (особенно въ музыкѣ) элементъ. Благодаря этому настоящій романогерманецъ пріемлетъ русское творчество какъ экзотику, которой можно любоваться издали, не сливаясь съ ней и не переживая ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія подлинной самобытности, такая смѣшанная цѣнность тоже не вполнѣ пріемлема, и чуткій русскій человѣкъ всегда ощущаетъ въ ней нѣкоторую фальшь. Фальшь эта — отчасти отъ неправильнаго пониманія „русской" стихіи („дю-рюссъ"), отчасти отъ несоотвѣтствія между формой и содержаніемъ.

Въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ усилія русской интеллигенціи (въ широкомъ смыслѣ этого слова), двѣ пропасти, вы-

рытия Петромъ Великимъ, одна — между „допетровской" Русью и „послѣпетровской" Россіей, другая — между народомъ и образованными классами, остаются незаполненными и зіяютъ и по настоящее время. Даже чуткая душа великихъ художниковъ неспособна была перекинуть мостъ черезъ эти пропасти, и музыка Римскаго-Корсакова все таки принципіально отличается отъ подлинной русской пѣсни, точно такъ же, какъ живопись Васнецова и Нестерова — отъ подлинной русской иконы.

Такъ обстоитъ дѣло съ верхнимъ этажемъ зданія русской культуры. Русскіе культурные верхи всегда жили культурными традиціями, рецепированными сначала отъ Византіи, потомъ — съ романогерманскаго запада, болѣе или менѣе органически перерабатывая эти традиціи. Правда, переработанныя верхами иноземныя традиціи проникали и внизъ, въ народъ. Особенно сильно проникли въ народную массу традиціи византійскаго, восточнаго православія, окрасившія всю духовную жизнь народа въ опредѣленный тонъ, но это восточное православіе, соприкоснувшись съ народной русской стихіей, настолько преобразовалось, что специфически-византійскія черты въ немъ сильно потускнѣли. Западная культура въ народную массу проникала гораздо слабѣе, не затрагивая глубинъ народной души. Поэтому рецепція романогерманской культуры и вызвала между верхнимъ и нижнимъ этажемъ зданія русской культуры такую принципіальную несоразмѣрность, которой не было, когда верхи рецепировали культуру византійскую. Но византійскими и романогерманскими традиціями не исчерпывается культурный или этнографическій обликъ русской народной стихіи. Въ русскомъ образованномъ обществѣ распространено убѣжденіе, что своеобразные черты этого облика являются „славянскими". Это не вѣрно. Та культура (въ смыслѣ общаго запаса культурныхъ цѣнностей, удовлетворяющихъ матеріальныя и духовныя потребности данной среды), которой всегда жилъ русскій народъ, съ этнографической точки зрѣнія, представляетъ изъ себя совершенно особую величину, которую нельзя включить безъ остатка въ какую либо болѣе широкую группу культуръ или культурную зону. Въ общемъ, эта культура есть сама особая „зона", въ которую, кромѣ русскихъ, входятъ еще нѣкоторые угрофиннскіе „инородцы", вмѣстѣ съ тюрками волжскаго бассейна. Съ незамѣтной постепенностью эта культура на востокѣ и юго-востокѣ соприкасается съ культурой

„степной“ (тюрко-монгольской) и черезъ нее связывается съ другими культурами Азіи. На западѣ имѣется тоже постепенный переходъ (черезъ бѣлорусовъ и малороссовъ) къ культурѣ западныхъ славянъ, соприкасающейся съ романогерманской, и къ культурѣ „балканской“. Но эта связь съ славянскими культурами вовсе уже не такъ сильна и уравновѣшивается сильными связями съ „востокомъ“. По цѣлому ряду вопросовъ русская народная культура примыкаетъ именно къ востоку, такъ что граница „востока“ и „запада“ иной разъ проходитъ именно между русскими и славянами, а иногда южные славяне сходятся съ русскими не потому, что и тѣ и другіе — славяне, а потому, что и тѣ и другіе испытали сильное тюркское вліяніе.

Эта особенность русской стихіи сказывается ярко въ народномъ художественномъ творчествѣ. Значительная часть великорусскихъ народныхъ пѣсней (въ томъ числѣ стариннѣйшихъ, обрядовыхъ и свадебныхъ) составлены въ такъ называемой „пятитонной“ или „индокитайской“ гаммѣ, т. е. какъ бы въ мажорномъ звукорядѣ съ пропускомъ четвертой и седьмой ступени.[1]) Эта гамма существуетъ (при томъ, въ качествѣ единственной) у финнскихъ и тюркскихъ племенъ бассейна Волги и Камы, далѣе у башкиръ, у сибирскихъ „татаръ“, у тюрковъ русскаго и китайскаго Туркестана, у всѣхъ монголовъ. Повидимому, эта гамма нѣкогда существовала и въ Китаѣ: по крайней мѣрѣ, китайская теорія музыки предполагаетъ ея существованіе и принятая въ Китаѣ нотація основана на ней.[2]) Въ Сіамѣ, Бирмѣ, Комбоджѣ и Индокитаѣ она господствуетъ и сейчасъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ непрерывную линію, идущую съ востока. На великороссахъ эта линія обрывается. У малороссовъ пятитонная гамма встрѣчается лишь въ очень рѣдкихъ старинныхъ пѣсняхъ, у прочихъ славянъ отмѣчены лишь единичные случаи ея примѣненія, у романцевъ и германцевъ ея нѣтъ вовсе, и только на крайнемъ сѣверо-западѣ Европы у британскихъ кельтовъ (шотландцевъ, ирланцевъ и бретонцевъ) она опять выступаетъ. Въ

---

[1]) Для читателей, незнакомыхъ съ теоріей музыки, укажемъ, что эта гамма получится, если перебирать „черныя“ клавиши на роялѣ. Изъ извѣстныхъ русской публикѣ „культурныхъ“ произведеній, написанныхъ въ этой гаммѣ, можно указать романсъ Рахманинова „Сирень“.

[2]) При исполненіи, однако, происходитъ транспонированіе, въ результатѣ котораго получается гамма въ четыре тона. Напримѣръ, мелодія „напирсана“ въ гаммѣ до, ре, ми, соль, ля, а при исполненіи вмѣсто соль и ля берутъ ля бемоль, для „соль“ на октаву выше, чѣмъ для „ля“.

ритмическомъ отношеніи русская пѣснь тоже существенно отличается не только отъ романогерманской, но и отъ славянскихъ, хотя бы напримѣръ совершеннымъ отсутствіемъ трехдольныхъ ритмовъ (ритма вальса или мазурки). Отъ Азіи русскую пѣснь отдѣляетъ то, что большинство „азіатовъ" поютъ въ унисонъ („вторъ" изъ всей Азіи извѣстенъ, кажется, лишь камчадаламъ). Но русская пѣснь въ этомъ отношеніи представляетъ изъ себя переходное звено: голосоведеніе русскаго хора полифоническое, пѣсни унисонныя нерѣдки, а „запѣвало" въ извѣстныхъ категоріяхъ хоровыхъ пѣсенъ даже обязателенъ.

Такое же своеобразіе представляетъ и другой видъ „ритмическаго искусства" — танцы. Романогерманскіе танцы отличаются обязательной наличностью пары „кавалера" и „дамы", танцующихъ одновременно и держащихся другъ за друга, что даетъ имъ возможность производить ритмическія движенія однѣми ногами, при чемъ самыя эти движенія („па") и у „кавалера" и у „дамы" одинаковы. Въ русскихъ танцахъ ничего подобнаго нѣтъ. Пара необязательна, и даже тамъ, гдѣ танцуютъ двое, эти двое не принадлежатъ непремѣнно къ разнымъ поламъ и могутъ танцовать и не одновременно, а по очереди, во всякомъ случаѣ не держась другъ за друга руками. Благодаря этому, ритмическія движенія могутъ производиться не однѣми ногами, но и руками и плечами. Движенія ногъ у мужчины иныя, чѣмъ у женщины, и характеризуются переступами каблука и пальцевъ. Замѣчается стремленіе къ неподвижности головы, особенно у женщины. Движенія мужчины опредѣленно не предуказаны, и предоставляется большой просторъ импровизаціи въ рамкахъ опредѣленнаго ритма; движенія женщины представляютъ изъ себя стилизованую походку. Плясовой мотивъ является короткой музыкальной фразой, ритмъ которой достаточно отчеканенъ, но даетъ большой просторъ варіаціонной разработкѣ. Всѣ эти особенности встрѣчаются и у восточныхъ финновъ, у тюрковъ, монголовъ, у кавказцевъ (впрочемъ на сѣверномъ Кавказѣ есть танцы и парные, при которыхъ танцующіе держатся другъ за друга) и у многихъ другихъ „азіатовъ"[1]).

[1]) Кромѣ „сольныхъ" танцевъ вышеописаннаго типа, русскіе знаютъ и типъ хорового танца. Однако этотъ послѣдній типъ у русскихъ имѣетъ совершенно другой видъ, чѣмъ у славянъ, романогерманцевъ и нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ. Строго говоря, русскій хороводъ не есть „танецъ" въ истинномъ смыслѣ этого слова, ибо никакихъ „па" участники хоровода не производятъ и даже переступаютъ ногами не обязательно „въ тактъ" музыкѣ. Это скорѣе видъ „игры" или обрядоваго дѣйствія, въ которомъ главную роль играетъ хоровая пѣснь.

Въ отличіе отъ романогерманскихъ танцевъ, въ которыхъ постоянное прикосновеніе кавалера къ дамѣ при бѣдности техническихъ средствъ самаго танца вноситъ опредѣленный сексуальный элементъ, руско-азіатскіе танцы носятъ скорѣе характеръ состязанія въ ловкости и въ ритмической дисциплинѣ тѣла. Участіе зрителей, инстинктивно притоптывающихъ, присвистывающихъ и вскрикивающихъ, еще повышаетъ ритмическій пафосъ. Въ Европѣ только испанцы знаютъ нѣчто подобное, но по всей вѣроятности это объясняется и у нихъ „восточнымъ" (мавританскимъ и цыганскимъ) вліяніемъ. Что касается до славянъ, то они въ отношеніи хореографическаго искусства не примыкаютъ къ Россіи; только болгарская „ръченица" воспроизводитъ до извѣстной степени русско-азіатскій типъ, несомнѣнно подъ „восточнымъ" вліяніемъ.

Въ области орнамента (рѣзьба, вышивка) великорусская народная культура имѣетъ свой самобытный стиль, который черезъ малороссовъ связывается съ Балканами, а черезъ угрофинновъ — съ востокомъ. Въ этой области имѣлись повидимому довольно сложныя перекрестныя вліянія, которыя предстоитъ еще выяснить путемъ научнаго анализа. Къ сожалѣнію, наука объ орнаментѣ до сихъ поръ не вышла еще изъ зачаточнаго состоянія и не выработала сколько нибудь цѣлесообразныхъ пріемовъ классификаціи, которые позволяли бы установливать объективное родство разныхъ орнаментовъ между собой. Поэтому невозможно опредѣлить, въ чемъ именно заключается различіе русскаго орнамента отъ западно-славянскаго и романогерманскаго, хотя это различіе, тѣмъ не менѣе, чувствуется довольно ярко.

Въ области народной словесности великоруссы представляются вполнѣ оригинальными. Стиль русской сказки не встрѣчаетъ параллелей ни у романогерманцевъ, ни у славянъ, но за то имѣетъ аналогіи у тюрковъ и кавказцевъ. Восточнофиннскія сказки въ отношеніи стиля находятся вполнѣ подъ русскимъ вліяніемъ. Русскій эпосъ по своимъ сюжетамъ связанъ и съ „туранскимъ" востокомъ, и съ Византіей, а отчасти и съ романогерманскимъ міромъ. Но по формѣ онъ вполнѣ оригиналенъ, во всякомъ случаѣ не обнаруживаетъ никакихъ „западныхъ" чертъ. Въ формальномъ отношеніи можно говорить лишь о довольно слабой связи съ балканскимъ славянствомъ и о довольно сильной связи со степнымъ „ордынскимъ" эпосомъ.

О матеріальной культурѣ русскаго народа можно сказать лишь то, что отъ культуры степныхъ кочевниковъ она естест-

венно очень отличается и что она скорѣе связана съ западно-и южно-славянскими культурами. Но одно все таки несомнѣнно, это что въ отношеніи матеріальной культуры большинство финнскихъ народовъ (кромѣ бродячихъ и кочевыхъ) представляютъ съ великороссами какъ бы единое цѣлое. Къ сожалѣнію, детальныхъ этнографическихъ изслѣдованій въ области отдѣльныхъ сторонъ народнаго русскаго матеріальнаго быта до сихъ поръ было очень мало. Преобладали диллетантскія работы. Къ стыду нашему мы должны признать, что матеріальная культура финнскихъ инородцевъ, особенно благодаря трудамъ финляндскихъ этнографовъ, изучена куда лучше. Роль угрофиннскаго и восточнославянскаго элементовъ въ созданіи того типа культуры, который можно назвать русско-финнскимъ, остается невполнѣ выясненнымъ. Полагаютъ, что въ области рыболовной техники вліяющей стороной были угрофинны, а въ области постройки жилища — восточные славяне. Въ русско-финнскомъ костюмѣ есть нѣсколько характерныхъ общихъ чертъ (лапти, косоворотка, женскій головной уборъ), неизвѣстныхъ романогерманцамъ и славянамъ (лапти существуютъ у литовцевъ). Но происхожденіе всѣхъ этихъ элементовъ до сихъ поръ еще нельзя считать вполнѣ выясненнымъ.

Такимъ образомъ, въ этнографическомъ отношеніи русскій народъ не является исключительно представителемъ „славянства". Русскіе вмѣстѣ съ угрофиннами и съ волжскими тюрками составляютъ особую культурную зону, имѣющую связи и съ славянствомъ и съ „туранскимъ" востокомъ, при чемъ трудно сказать, которыя изъ этихъ связей прочнѣе и сильнѣе. Связь русскихъ съ „туранцами" закрѣплена не только этнографически, но и антропологически, ибо въ русскихъ жилахъ несомнѣно течетъ, кромѣ славянской и угрофиннской, и тюркская кровь. Въ народномъ характерѣ русскихъ безусловно есть какія то точки соприкосновенія съ „туранскимъ востокомъ". То братаніе и взаимное пониманіе, которое такъ легко установливается между нами и этими „азіатами", основано на этихъ невидимыхъ нитяхъ расовой симпатіи. Русскій національный характеръ впрочемъ достаточно сильно отличается какъ отъ угрофиннскаго, такъ и отъ тюркаго, но въ то же время онъ рѣшительно не похожъ и на національный характеръ другихъ славянъ. Цѣлый рядъ чертъ, которыя русскій народъ въ себѣ особенно цѣнитъ, не имѣютъ никакого эквивалента въ славянскомъ моральномъ обликѣ. Наклонность къ созерцательности и приверженность къ обряду, характеризующія русское благочес-

тіе, формально базируются на византійскихъ традиціяхъ, но, тѣмъ не менѣе, совершенно чужды другимъ православнымъ славянамъ и скорѣе связываютъ Россію съ неправославнымъ востокомъ. „Удаль", цѣнимая русскимъ народомъ въ его герояхъ, есть добродѣтель чисто степная, понятная тюркамъ, но не понятная ни романогерманцамъ, ни славянамъ.

Своеобразіе психологическаго и этнографическаго облика русской народной стихіи должно быть принято во вниманіе при всякомъ построеніи новой русской культуры. Вѣдь эта стихія призвана быть нижнимъ этажемъ зданія русской культуры, и для того, чтобы такое зданіе было прочно, нужно, чтобы верхняя часть постройки соотвѣтствовала нижней, чтобы между верхомъ и низомъ не было принципіальнаго сдвига или излома. Пока зданіе русской культуры завершалось византійскимъ куполомъ, такая устойчивость существовала. Но съ тѣхъ поръ какъ этотъ куполъ сталъ замѣняться верхнимъ этажемъ романогерманской конструкціи, всякая устойчивость и соразмѣрность частей зданія утратилась, верхъ сталъ все болѣе и болѣе накреняться и, наконецъ, рухнулъ, а мы, русскіе интеллигенты, потратившіе, столько труда и силъ на подпираніе валящейся съ русскихъ стѣнъ неприлаженной къ нимъ романогерманской крыши, — стоимъ въ изумленіи передъ этой гигантской развалиной и все думаемъ о томъ, какъ бы опять выстроить новую крышу, опять того же, романогерманскаго образца. Эти планы слѣдуетъ рѣшительно отвергнуть. Чтобы прочно утвердиться на русской почвѣ, верхи русской культуры во всякомъ случаѣ не должны быть специфически романогерманскими. Возвратъ къ византійскимъ традиціямъ, конечно, невозможенъ. Правда, тотъ единственный уголокъ русской жизни, та часть зданія русской культуры, въ которой византійскія традиціи не были вполнѣ вытѣснены „европеизаціей", русская православная Церковь — оказалась поразительно живучей и во время общаго крушенія не только не рухнула, но вновь приняла свою исконную форму, перестроившись опять по образцу, унаслѣдованному изъ Византіи. Въ будущемъ византійскій элементъ русской культуры, исходя именно изъ церковной традиціи, м. б., даже будетъ усиливаться. Но думать о полномъ переустройствѣ русской жизни на старыхъ византійскихъ началахъ въ ихъ чистомъ видѣ, конечно, невозможно. И не потому только, что два съ половиной вѣка усиленной европеизаціи не прошли для Россіи безслѣдно, но и потому, что даже въ XVII вѣкѣ, когда патріархъ Никонъ

рѣшилъ усилить византійскій элементъ русской жизни и приблизить русское благочестіе къ его византійскому образцу. Этотъ образецъ значительной частью русскаго народа уже былъ воспринятъ, какъ нѣчто иноземное, и вызвалъ расколъ. Позднѣе тотъ же расколъ обратилъ остріе своего протеста противъ европеизаціи. Въ русскомъ расколѣ съ тѣхъ поръ воплощается стремленіе русской народной стихіи къ самобытной культурѣ, направленное, м. б. по ложному пути и обреченное заранѣе на неудачу, вслѣдствіе того, что оно имѣетъ лишь низы, но не имѣетъ культурнаго верха. Но въ путяхъ раскола все таки чувствуется проявленіе здороваго національнаго инстинкта русской стихіи, протестующей противъ искусственно надѣтаго на нее чужого культурнаго верха. И потому то глубоко знаменательно, что Емельянъ Пугачевъ, стоя подъ знаменемъ старообрядчества, отвергающаго „паганыхъ латинянъ и лютеровъ", не находилъ ничего предосудительнаго въ объединеніи съ башкирами и прочими представителями не только инославнаго, но даже иновѣрнаго туранскаго востока.

Въ этихъ подсознательныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ русской народной стихіи и надо черпать указанія для постройки зданія русской культуры. Мы исповѣдуемъ восточное православіе, и это православіе сообразно со свойствами нашей національной психйки должно занять въ нашей культурѣ первенствующее положеніе, вліяя на многія стороны русской жизни. Вмѣстѣ съ вѣрой мы получили изъ Византіи много культурныхъ традицій, которыя въ старину съумѣли творчески развить и приспособить къ нашимъ, русскимъ. Пусть работа въ этомъ направленіи будетъ продолжаться. Но этимъ дѣло не исчерпывается. Нельзя все уложить въ византійскія рамки. Мы не византійцы, а русскіе и для того, чтобы русская культура была вполнѣ „нашей", нужно, чтобы она была тѣснѣе связана съ своеобразнымъ психологическимъ и этнографическимъ обликомъ русской народной стихіи. И тутъ то надо имѣть въ виду особыя свойства этого облика. Много говорили о томъ, что историческая миссія Россіи состоитъ въ объединеніи нашихъ „братьевъ" славянъ. При этомъ обычно забывали, что нашими „братьями", (если не по языку и по вѣрѣ, то по крови, характеру и культурѣ) являются не только славяне, но и туранцы, и что фактически Россія уже объединила подъ сѣнью своей государственности значительную часть „туранскаго востока". Опыты христіанизаціи этихъ „инородцевъ" до сихъ поръ были

очень мало удачны. А, слѣдовательно, для того, чтобы верхи русской культуры находились въ соотвѣтствіи съ особымъ положеніемъ этнографической зоны русской стихіи, необходимо, чтобы русская культура не исчерпывалась восточнымъ православіемъ, а выявляла бы и тѣ черты своей основной народной стихіи, которыя способны сплотить въ одно культурное цѣлое разнородныя племена, исторически связанныя съ судьбой русскаго народа. Это не означаетъ, конечно, чтобы лапти или пятитонная гамма непремѣнно сдѣлались неотъемлемой принадлежностью верховъ русской культуры. Предсказывать и предписывать конкретныя формы имѣющей появиться новой русской культуры вообще невозможно. Но все же отличіе верховъ отъ низовъ должно опредѣляться не тяготѣніемъ къ двумъ различнымъ этнографическимъ зонамъ, а степенью культурной разработки и детализаціи элементовъ единой культуры. Русская культура, въ смыслѣ завершенія культурнаго зданія, должна вырастать органически изъ основанія русской стихіи.

Кн. Н. С. Трубецкой.

Континентъ-Океанъ.

(Россія и міровой рынокъ).

Экономическое знаніе, въ изученіи хозяйственной дѣйствительности, обращено, наряду съ отношеніями „внутренне-хозяйственными", т. е. касающимися внутренняго соціально-экономическаго строенія общества — также къ отношеніямъ „внѣшне-хозяйственнымъ", — прежде всего, къ отношеніямъ товарообмѣна, въ междуобластныхъ и международныхъ масштабахъ. Въ аспектѣ этихъ отношеній каждая страна и — внутри страны — область, округъ или меньшее географическое подраздѣленіе разсматриваются, независимо отъ господствующей въ нихъ соціальной структуры хозяйства, какъ „единицы"-носители экономическаго обмѣна, какъ неразложимые цѣлые, — въ ихъ соприкосновеніяхъ, на путяхъ обмѣна, съ такими же „единицами" окружающей среды и всего міра. Если приступить къ опредѣленію факторовъ, обуславливающихъ теченіе такого обмѣна, то наше вниманіе остановится, между прочимъ, на значеніи того обстоятельства, происходитъ ли передвиженіе товаровъ, захваченныхъ въ процессы обмѣна, — по океану или по континенту... Издержки транспорта имѣютъ существенное значеніе въ формированіи междуобластного и международнаго обмѣна. Можно сказать даже, что если проблему производства (какъ отправного пункта всякаго обмѣна) отнести, въ ея динамической сущности, къ проблемамъ „внутренне-хозяйственнаго" строенія общества, то издержки транспорта окажутся чуть ли не важнѣйшимъ факторомъ, опредѣляющимъ собою процессы обмѣна, — во всякомъ случаѣ наименѣе поддающимся регулированію со стороны государственной власти и въ этомъ смыслѣ — неизмѣнно дѣйствующимъ, „естественнымъ", какъ сказалъ бы экономистъ классической школы... Государство, — и таможенной политикой, и воздѣйствіемъ на ставки желѣзнодорожныхъ тарифовъ и судовыхъ фрахтовъ, — властно вмѣшивается и направляетъ отношенія междуобластного и международнаго обмѣна... Но даже при самомъ объемлющемъ регулированіи тарифовъ и фрахтовъ только частично оно можетъ устранить вліяніе издержекъ перевозки, какъ самостоятельной экономической стихіи. Притомъ го-

сударственая политика, — будь то таможенная, тарифная, фрахтовая, — мѣняется, а издержки перевозки, при неизмѣнности техники, остаются тѣми же. . . И потому, поскольку техника въ своемъ совершенствованіи не дошла до состоянія, въ которомъ издержки транспорта приблизились бы по своей величинѣ къ нулю, эти послѣднія остаются началомъ, опредѣлительнымъ для сферы „внѣшне-хозяйственныхъ" отношеній. Между тѣмъ, издержки перевозки имѣютъ существенно различные размѣры, поскольку дѣло идетъ о морскихъ перевозкахъ, съ одной стороны, и сухопутныхъ, съ другой. . . Въ расчетѣ на одинаковое разстояніе германскій желѣзнодорожный тарифъ передъ войной былъ „приблизительно въ пятьдесятъ разъ выше океанскаго фрахта. Но даже ставки русскихъ и американскихъ желѣзныхъ дорогъ (которыя, прибавимъ отъ себя, сплошь и рядомъ бывали ниже себѣстоимости) превосходили отъ семи до десяти разъ стоимость морского транспорта" *). . . Изъ разницы въ размѣрахъ между издержками морскихъ и сухопутныхъ перевозокъ вытекаетъ слѣдующій выводъ: тѣ страны и области, которыя по своему положенію могутъ пользоваться преимущественно морскимъ транспортомъ, — въ гораздо меньшей степени зависятъ, въ процессахъ международнаго и междуобластного обмѣна, отъ разстоянія, чѣмъ страны, обращенныя въ своей хозяйственной жизни преимущественно къ перевозкамъ континентальнымъ. Первыя, въ опредѣленіи путей обмѣна, которые онѣ избираютъ, могутъ, въ извѣстной степени, пренебрегать разстояніемъ. Вторыя должны обращаться съ перевозками экономно и всячески стремиться сократить разстояніе. *Въ силу этого можно сказать, что въ качествѣ господствующихъ принциповъ сферы международнаго и междуобластного обмѣна — „океаническому" принципу независящаго отъ разстояній сочетанія хозяйственно-взаимодополняющихъ странъ противостоитъ принципъ использованія континентальныхъ сосѣдствъ.* . . Конечно, этого противоположенія не нужно понимать буквально: вѣдь и стоимость океаническихъ перевозокъ не сводится къ нулю. Все-таки въ области морского транспорта разстояніе имѣетъ значеніе лишь въ случаяхъ чрезвычайнаго различія въ протяженіи или, наоборотъ, при перевозкахъ на близкія дистанціи. Разстояніе играетъ роль, когдо дѣ-

*) Carl Ballod. Grundriss der Statistik, enthaltend Bevölkerungs, — Wirtschafts, — Finanz — und Handels — Statistik, Berlin, 1913, s. 115 (курсивъ нашъ).

не идетъ о выборѣ между „дальнимъ“ и „каботажнымъ“ плаваніемъ: ибо плаваніе у береговъ, плаваніе по портамъ страны, гдѣ повсюду господствуетъ одинъ и тотъ же языкъ, тѣ же законы и обычаи, предъявляетъ къ мореплавателю и судну существенно иныя — и меньшія — требованія, чѣмъ „дальнее“ плаваніе. Но поскольку „дальній“ характеръ плаванія представляется даннымъ, —разстояніе, въ извѣстныхъ предѣлахъ, теряетъ значеніе...

Океанъ единъ. Континентъ раздробленъ. И потому единое міровое хозяйство неизбѣжно воспринимается, какъ хозяйство „океаническое“, и въ рамки океаническаго обмѣна неизбѣжно поставляется каждая страна и каждая область мірового хозяйства. Между тѣмъ, отдѣльныя страны и области міра находятся, въ отношеніи къ океану, далеко не въ одинаковомъ положеніи. Однѣ въ каждой своей точкѣ приближены къ берегу океана-моря. Для того, чтобы примкнуть къ океаническому обмѣну, — имъ достаточно, грубо говоря, нагрузить на суда свои продукты и разгрузить корабли, пришедшіе въ ихъ порты. Другія же,—всецѣло или на большемъ или меньшемъ пространствѣ, — удалены отъ моря на то или иное разстояніе . . . Чтобы войти въ общій строй мірового обмѣна, этимъ странамъ нужно потратить нѣкоторое дополнительное усиліе, — какъ на то, чтобы доставить къ берегу свои продукты, такъ и для того, чтобы транспортировать внутрь континента товары, получаемые ими съ мірового рынка. Представленіе о положеніи отдѣльныхъ странъ съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса даютъ карты такъ называемыхъ „областей равнаго отстоянія“ (Zones d'equidistance), на которыхъ пункты, находящіеся въ опредѣленномъ одинаковомъ разстояніи отъ берега океана - моря, соединены линіей. *) Такихъ линій проводится нѣсколько, напр. черезъ пункты, отстоящіе отъ побережья соотвѣтственно: на 400, 800, 1200, 1600, 2000, 2400 километровъ. Разсмотрѣніе такой карты даетъ представленіе о томъ, насколько различно расположены, въ отношеніи къ океану, отдѣльныя области міра. Существуютъ обширныя территоріи, въ предѣлахъ которыхъ нѣтъ пунктовъ, которые отстояли бы отъ моря дальше, чѣмъ, скажемъ, на 600 километровъ. Такова, напр. Западная Европа, въ ея предѣлахъ къ западу отъ Пулковскаго меридіана. Въ Австраліи нѣтъ мѣстностей, расположенныхъ далѣе чѣмъ на 800—1000 километровъ отъ берега океана. Наиболѣе „континентальные“ пункты

*) Моря-озера, вродѣ Каспійскаго, въ расчетъ не принимаются.

трехъ другихъ материковъ: Африки, Сѣверной Америки и Южной Америки находятся не болѣе, чѣмъ въ 1600—1700 километрахъ отъ морского побережья. И только въ предѣлахъ Азіи имѣются мѣста, отъ которыхъ до берега океана-моря болѣе 2400 километровъ. Таковы Кульджа и значительная часть русскаго Семирѣчья.

На картахъ „равнаго отстоянія" вѣчно свободныя ото льда побережья южныхъ морей и, напримѣръ, берега Сѣвернаго Ледовитаго Океана у мыса Челюскина, почти никогда не освобождающіеся отъ льда, трактуются совершенно одинаково. При разсмотрѣніи занимающей насъ экономической проблемы слѣдовало бы сдѣлать соотвѣтствующую поправку: незамерзаніе или замерзаніе моря и продолжительность послѣдняго опредѣляютъ собою значеніе для міровой торговли даннаго воднаго бассейна. При такой поправкѣ предстали бы еще болѣе удаленными отъ океана нѣкоторыя области Сѣверной Америки и восточной Европы, и значительная часть —средней и сѣверной Азіи . . .

Въ Англіи, въ оборотѣ чужестранными и отечественными товарами, на континентальныя перевозки расходуются суммы, представляющіяся ничтожными въ расчетѣ на единицу товара . . . Но если въ строй мірового обмѣна интенсивно вступило бы Семирѣчье, то издержки на перевозку товаровъ отъ моря и къ морю оказались бы значительны . . .

Предположимъ существованіе единой для каждаго товара цѣны мірового рынка. Что же при такомъ предположеніи обозначатъ для Семирѣчья издержки по передвиженію товаровъ къ берегамъ и отъ береговъ океана? — Разъ на міровомъ рынкѣ всѣ продавцы получаютъ одну и ту же цѣну, то эту же цѣну получатъ и производители Семирѣчья. И никто иной, какъ они, должны будутъ принять на свой счетъ расходы по доставкѣ продукта на міровой рынокъ. Расходы эти составятъ для нихъ вычетъ изъ выручки. Въ отношеніи же къ товарамъ, пріобрѣтаемымъ ими на міровомъ рынкѣ, себѣстоимость окажется увеличенной на сумму издержекъ по перевозкѣ этихъ товаровъ съ мірового рынка—въ Семирѣчье. Иными словами, стоимость передвиженія товаровъ отъ моря и къ морю явится для производителей и потребителей Съмирѣчья потерей, которой не несутъ производители и потребители, чья хозяйственная дѣятельность протекаетъ невдалекѣ отъ береговъ океана-моря . . . Въ разсужденіи нашемъ отвлечемся покуда отъ существованія въ предѣлахъ континентовъ внутреннихъ водныхъ путей, оказывающихъ, согласно характеру каждаго изъ нихъ, ин-

дивидуально возмущающее вліяніе на стоимость внутриконтинентныхъ перевозокъ, а также отъ другихъ индивидуально-географическихъ и индивидуально-экономическихъ факторовъ, вліяющихъ на стоимость транспорта; будемъ считать издержки перевозки, соотвѣтственно: по континенту и по морю, прямо пропорціональными разстоянію. А „міровой рынокъ" представимъ себѣ въ видѣ нѣкотораго подобія Лондона, то-есть пункта на берегу моря, на островѣ. Мы прибѣгаемъ къ такой конкретизаціи понятія „мірового рынка" для того, чтобы во всѣхъ случаяхъ участіе въ „міровомъ обмѣнѣ" связать съ признакомъ преодолѣнія опредѣленнаго океаническаго, морского пространства. Такое предположеніе кажется намъ имѣющимъ эмпирическія обоснованія. При этомъ предположеніи мы можемъ сказать опредѣленно: масштабы отстоянія Семирѣчья отъ побереж й,—неслыханные въ остальномъ мірѣ,—опредѣлятъ, при вступленіи Семирѣчья въ строй мірового обмѣна, нѣкоторую особую его „обездоленность". За свои товары оно будетъ получать дешевле, чѣмъ всѣ остальныя области міра; потребные ему ввозные продукты обойдутся ему дороже, чѣмъ всѣмъ другимъ. Въ области развитія промышленнаго его конкурренто-способность, въ отношеніи къ міровому рынку, окажется ничтожной, и можно думать, что даже при благопріятныхъ для промышленнаго развитія естественныхъ условіяхъ, Семирѣчье будетъ обречено на промышленное „небытіе". Въ отношеніи же къ сельско-хозяйственному развитію, найдутъ примѣненіе формы запоздалой, не обезпеченной въ своемъ существованіи и всецѣло экстенсивной культуры[1]).

Двойная обездоленность, и какъ производителя, и какъ потребителя, не можетъ — ceteris paribus — не сдѣлать изъ Семирѣчья какъ бы „задворковъ мірового хозяйства" . . .

Семирѣчье мы привели въ качествѣ примѣра: разсужденіе, къ нему примѣненное, можно примѣнить къ любой области, отмѣченной среди областей земного шара удаленностью отъ океана-моря. Для какихъ областей и странъ міра имѣетъ реальное значеніе изображаемая перспектива быть „задворками мірового хозяйства"?

---

[1]) Въ данномъ случаѣ найдутъ себѣ примѣненіе тѣ формы сельско-хозяйствен. развитія, которыя въ разсужденіяхъ о земельной „дифференціальной" рентѣ изображаются, какъ удѣлъ земельнаго участка, поставленнаго въ наименѣе благопріятныя условія, а въ Тюненовской схемѣ всецѣло континентальнаго „изолированнаго государства", располагающагося концентрическими кругами вокругъ своего промышленнаго центра, выпадаютъ на долю крайней, наиболѣе далеко отстоящей отъ центра полосы . . .

Если взять условный предѣлъ отстоянія отъ побережій, напримѣръ, 800 километровъ, и посмотрѣть, какія области міра лежатъ въ такомъ и еще большемъ разстояніи отъ моря, то окажется, что такими областями являются: 1) незначительная часть внутренней австралійской пустыни, 2) области внутренней Африки: часть южной Сахары и Судана, земли въ верховьяхъ Нила, Конго и Замбези, 3) области по средней Амазонкѣ, плоскогорье Matto grosso въ Бразиліи, восточная (низменная) часть Боливіи и Парагвай. — Области эти, при нынѣшнемъ строѣ хозяйственной техники, частью вовсе не способны къ экономическому преуспѣванію (пустыни!), частью хотя и способны къ нему, однако, не обнаруживаютъ признаковъ интенсивнаго экономическаго развитія, такъ какъ ихъ „затираютъ", въ экономическомъ отношеніи, хозяйственно однохарактерные имъ, но болѣе близкіе къ побережью районы. Къ тому же, всѣ эти области лежатъ въ предѣлахъ тропической зоны, которая въ современности вообще не дала еще примѣровъ высокой напряженности экономической жизни . . . Можно предвидѣть, что если когда либо произойдетъ экономическій расцвѣтъ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ областей, то навѣрняка произойдетъ онъ на основѣ интенсивнаго использованія тѣхъ, иногда превосходныхъ, внутреннихъ водныхъ путей, которые соединяютъ эти области съ океаномъ (особенно рѣки южной Америки: Амазонка, частично доступная для морскихъ судовъ, ея притоки, затѣмъ рѣки Парана и Парагвай), то-есть въ порядкѣ всецѣлаго пріобщенія этихъ областей къ единому міровому, „океаническому" хозяйству . . .

Большее значеніе имѣютъ въ современности континентальныя области сѣверной Америки: центральная Канада (районъ Манитобы, Саскачевана и Альберты), сѣверная часть Соединенныхъ Штатовъ, отъ истоковъ Миссури до Великихъ Озеръ, и нѣкоторые изъ среднихъ штатовъ, образующіе треугольникъ между юго-западной оконечностью озера Эри, городомъ Санта-Фэ въ Новой Мексикѣ и городомъ Соленаго Озера. Районы эти уже и сейчасъ являются частично районами мощной экономической жизни, и насколько можно судить, имъ доступно и дальнѣйшее развитіе. Несмотря на существованіе внутреннихъ водныхъ путей, ведущихъ, по большей части, къ „незамерзающему" океану (исключеніе — рѣки Канады), „континентальность" этихъ областей является сейчасъ и должна оказаться въ будущемъ существенной для структуры обмѣна и вообще хозяйственной жизни въ предѣ-

лахъ Сѣверной Америки. Но съ еще большей опредѣленностью это можно утверждать относительно континентальныхъ областей восточной Европы и Азіи . . . Здѣсь на 800 и болѣе километровъ отъ берега моря отстоятъ: 1) срединныя и западныя части Китайской Имперіи, 2) Кашмиръ, Пенджабъ и примыкающіе районы Индіи и 3) сѣверо-восточная Персія, весь Туркестанъ, всѣ доступныя экономической культурѣ части Сибири и Дальняго Востока, кромѣ Приморской области и Амурской-восточнѣе Благовѣщенска, все Пріуралье и среднее Поволжье, съ хорошей частью срединнаго чернозема (Тамбовская, Пензенская губерніи!) Нужно замѣтить, что изъ числа поименованныхъ областей Европы и Азіи значительная часть „континентальныхъ" провинцій Китая представлена пустынею Гоби и безплодными плато Тибета; можно думать, что крайне западныя части Китая („внѣшняя" Монголія, восточный Туркестанъ, Кульджа), отдѣленныя отъ метрополіи Гоби и Тибетомъ, предопредѣлены къ тому, чтобы экономически примкнуть къ Россіи; что же касается сѣверной Индіи, то она „прижата" къ океану непроходимыми, пока что, хребтами Гиндукуша и Гималаевъ, отдѣляющими ее отъ остального круга континентальныхъ земель . . .

Континентальныя области собственно Китая тяготѣютъ отчасти къ водной артеріи Янгъ-тсей-кьянга, которая приводитъ съ собой океанъ въ глубь Небесной Имперіи къ Ханькоу, куда проникаютъ морскія суда ... Независимо отъ этого обстоятельства, континентальность обширныхъ пространствъ Китая не можетъ не находить отраженія въ формахъ экономической его жизни. Но какъ естественно-хозяйственная данность, какъ нѣкій неустранимый фактъ природы, — она въ значительной степени ослаблена, въ экономическомъ своемъ значеніи, тѣмъ, что восточныя территоріи Китая на огромномъ протяженіи глядятъ: 1) въ открытыя и 2) въ незнающія льда пространства Великаго Океана. И наоборотъ, континентальность тѣхъ территорій, которыя мы будемъ именовать областями „Россійскаго міра", то-есть собственно Россіи, крайняго западнаго и сѣверо-западнаго Китая, а также Персіи, въ огромной мѣрѣ усиливается тѣмъ, что и моря, къ которымъ, преодолѣвая сотни и тысячи километровъ континентальныхъ пространствъ, могли бы тяготѣть эти области, являются: 1) во всѣхъ случаяхъ замкнутыми, „континентальными", „средиземными" морями, и 2) въ большинствѣ случаевъ, морями замерзающими, иногда на 6 и болѣе мѣсяцевъ. „Замкнутость" моря, поскольку

она не переходитъ въ „озерность“ (исключающую данный водный бассейнъ изъ числа пространствъ океана-моря) — является, казалось бы, географическимъ признакомъ, не имѣющимъ значенія для экономики, такъ какъ хотя бы море и было соединено съ другими водными бассейнами міра только проливомъ или „горломъ“, оно остается открытымъ для мірового экономическаго обмѣна. Но этотъ географическій признакъ сгущается въ экономическую реальность, когда онъ связывается съ фактомъ политической необезпеченности свободы торговаго оборота, поскольку онъ опредѣляетъ легкость милитарнопресѣчь доступъ въ предѣлы даннаго воднаго бассейна. Указанныя политическія и милитарныя обстоятельства суть реальные факторы русской экономической дѣйствительности, поскольку рѣчь идетъ о такихъ моряхъ, какъ Бѣлое, Черное и Балтійское, или Японское на Востокѣ... Даже забавно какъ то констатировать, что Россія, даже въ перспективѣ широкаго великодержавнаго расширенія, — нигдѣ, кромѣ побережій отдаленной Камчатки, не выходитъ и не имѣетъ шансовъ выйти въ берегамъ „открытаго“ моря, въ точномъ географическомъ смыслѣ этого слова, т. е. воднаго бассейна, принимающаго участіе въ гидрографической циркуляціи мірового океана: ибо даже Сѣверный Ледовитый океанъ, благодаря полосѣ небольшихъ глубинъ (менѣе 600 метровъ), простирающейся между Гренландіей-Исландіей-Шотландіей (такъ называемый порогъ Wyville Thomson), исключенъ изъ общей океанической циркуляціи и имѣетъ режимъ даже не берегового моря (вродѣ „Китайскихъ“ морей или Антильскаго), но замкнутаго, „континентальнаго“. А на югѣ, ввидѣ крайняго предѣла мыслимаго русскаго расширенія, выступаютъ Средиземное море и Персидскій заливъ, оба — характерно „континентальные“ бассейны...*) „Континентальность“ такого бассейна, какъ тотъ, что простирается передъ берегами Мурмана, — въ экономическомъ смыслѣ является „абстракціей“. Но хотя бы и на путяхъ такой, привнесенной изъ географіи „абстракціи“ имѣетъ нѣкоторую пикантность установить, что какъ бы ни тщилась Россія въ предѣлахъ открытаго ея политико-экономическому воздѣйствію географическаго міра выйти къ „открытому“ морю, она никогда не увидитъ передъ собой того свобод-

*) Персидскій заливъ соединяется съ другими водными пространствами міра проливомъ, имѣющимъ менѣе 100 километровъ ширины, и при томъ преграждennымъ островами и мелкимъ, какъ и весь Персидскій заливъ: менѣе 200 метровъ глубины, что въ масштабахъ океаническихъ глубинъ представляется совершенно ничтожнымъ.

наго мірового океана, который плещетъ у пристаней Нью-Іорка или Санъ-Франциско, у береговъ Ирландіи или Бретани, почти всей Южной Америки, Австраліи, Африки...

Но еще большее экономическое значеніе имѣетъ замерзаемость огромнаго большинства морей, на которыя „выходитъ" Россія-Евразія... Нѣкоторымъ фанатикамъ океаническаго обмѣна, учитывающимъ хозяйственныя возможности Сибири — уже снится, что „современная техника въ кратчайшій срокъ создастъ... изъ Карскаго моря — Средиземное, въ которомъ будутъ встрѣчаться торговыя суда всѣхъ странъ"*). Въ отношеніи къ Карскому морю, только и можно дѣлать, что ссылаться на чудеса будущей техники: нынѣ море это три четверти года недоступно ни для какихъ судовъ... Архангельскъ открытъ для судоходства въ теченіе полъ года. Петербургскій портъ замерзаетъ на 4—5 мѣсяцевъ, и даже порты на нижнемъ Днѣпрѣ, Азовское море, Астрахань — закрыты для судоходства на одинъ-два-три мѣсяца... Слѣдуетъ понимать, что замерзаемость моря является, въ общемъ строѣ міровыхъ хозяйственно-географическихъ отношеній, феноменомъ „нѣкоторымъ образомъ — ...исключительнымъ". Кромѣ Россіи-Евразіи, оно знакомо только сѣверо-восточной части Швеціи и Канадѣ. Но какъ бы ни была одарена сѣверо-восточная Швеція природными рессурсами въ желѣзной рудѣ, бѣломъ углѣ и лѣсѣ, — она является всего лишь небольшимъ уголкомъ, не имѣющимъ шансовъ играть въ экономической жизни міра — опредѣляющей роли. И среди великихъ экономическихъ цѣлыхъ планеты — замерзаемость моря опредѣляется, какъ нѣкоторый, — нельзя сказать, чтобы счастливый! — удѣлъ „Евразіи" и Канады... Какъ бы ни прислушивался міръ къ рѣчамъ о „выходѣ къ незамерзающему морю" россійскихъ энтузіастовъ океанической и „понтической" политики, — рѣчи эти, — въ перспективѣ міровыхъ экономическихъ отношеній, — должны звучать, какъ диковинка... $^{9}/_{10}$-тымъ человѣчества „замерзающее" море неизвѣстно вовсе... Даже въ Канадѣ, которая, какъ мы видѣли, въ данной области приближается къ Россіи, не можетъ быть рѣчи о „выходѣ къ незамерзающему морю": такимъ выходомъ она „органически" обладаетъ и на своемъ Атлантическомъ (Галифаксъ) и на своемъ Тихоокеанскомъ побережіи.

Разсмотрѣніе положенія отдѣльныхъ областей міра, въ отношеніи къ океану-морю, неизбѣжно приводитъ насъ къ выводу:

*) D-r A. Petermanns Mitteilungen, 1920, Dezember — Heft, Priv. — Doz Schultz. Die Verteilung des Landbesitzes in Sibirien, S. 254.

наиболѣе „обездоленной“ среди странъ міра въ смыслѣ данныхъ къ участію въ океаническомъ обмѣнѣ является та экономически-географическая сфера, которую мы обозначаемъ именемъ Россіи-Евразіи. Мы бы сказали даже, что сочетаніемъ признака исключительно далекаго *отстоянія* ея областей отъ берега моря съ признакомъ *замерзаемости* ея морей и ихъ *„замкнутости“* (увеличивающей рискъ политико-милитарнаго пресѣченія обмѣна)— она поставлена въ обстановку, вообще не имѣющую подобій въ остальномъ мірѣ и порождающую рядъ проблемъ, внѣ ея предѣловъ неслыханныхъ. Вслѣдъ за Россіей-Евразіей, идутъ Китай и Сѣверная Америка. Но если оставить въ сторонѣ пустыню Гоби, пространства Тибета и области, лежащія къ западу отъ нихъ,—то въ отношеніи собственно Китая, хозяйственно-географическое значеніе его „континентальности“ умаляется (какъ было отмѣчено выше) не только сравнительной незначительностью максимальныхъ отстояній его областей отъ берега моря (не свыше 1600 километровъ), но и *не замерзаемостью* и *не-закрытостью* тѣхъ морей, къ которымъ тяготѣютъ эти области. Такія же обстоятельства оказываютъ смягчающее „континентальность“ вліяніе также въ южной половинѣ Сѣверной Америки; но не въ Канадѣ и не въ со прикасающихся частяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Закрытость тѣхъ бассейновъ, къ которымъ обращены эти области, — Гудзоновъ заливъ и заливъ святого Лаврентія—въ обстановкѣ Новаго Свѣта, при меньшей политико-милитарной ея напряженности, покуда что, пожалуй, и не имѣетъ значенія для расчетовъ экономической практики. Но замерзаемость этихъ бассейновъ дѣлаетъ, по нашему мнѣнію, центральную Канаду и примыкающую часть Соединенныхъ Штатовъ, несмотря на то, что „формально“ эти области отстоятъ отъ Гудзонова залива не болѣе, чѣмъ на 1000—1200 километровъ, наиболѣе „континентальною“, вслѣдъ за областями Россіи-Евразіи,— сферою міра . . . Россія-Евразія, съ одной стороны, и Канада, вмѣстѣ съ примыкающей областью Соединенныхъ Штатовъ, съ другой, являются не только наиболѣе „континентальными“ странами міра, но, взятыя, каждая, какъ совокупность, также и наиболѣе холодными, — во всякомъ случаѣ — изъ числа областей, имѣющихъ въ современности экономическое значеніе, точнѣе, являются странами съ наиболѣе низкою средней годовою температурой. Здѣсь вскрывается связь между „континентальностью“ и характеромъ климата; и даже болѣе того: намѣчается нѣкоторый параллелизмъ— хотя бы только формально логическій,—между данностями клима-

тологіи и тѣми экономическими данностями, которыми мы занимаемся въ настоящихъ строкахъ. Какъ извѣстно, основное различеніе климатологіи есть различеніе климатовъ, континентальнаго и морского (Das Land — und Seeklima), исходящее изъ того, что суша и вода характеризуются не одинаковыми свойствами „въ отношеніи къ инсоляціи и къ излученію теплоты, то-есть къ двумъ основнымъ факторамъ, опредѣляющимъ температуру воздуха. — Специфическая теплоемкость воды больше теплоемкости всякаго иного извѣстнаго намъ тѣла. Если брать равный вѣсъ, то теплоемкость единицы твердой земной поверхности выразится 0, 2, а если брать равные объемы, то 0, 6 теплоемкости воды." Не является ли нѣсколько аналогичнымъ этому противоположенію намѣчающееся въ сферѣ международнаго и междуобластного экономическаго обмѣна противоположеніе „океаническому" принципу, выраженному въ независящемъ отъ разстоянія сочетаніи хозяйственно-взаимодополняющихъ странъ, принципа использованія континентальныхъ сосѣдствъ? Какъ климатологическое противоположеніе исходитъ изъ специфической теплоемкости воды и земли, такъ противоположеніе экономическое упирается въ различіе стоимости перевозокъ, соотвѣтственно океаническихъ и сухопутныхъ . . .

Для странъ, выдѣляющихся среди областей міра своею „континентальностью", — перспектива быть „задворками мірового хозяйства" становится, при условіи интенсивнаго вхожденія въ міровой океаническій обмѣнъ, — основополагающей реальностью . . . При изолированности отъ міра — экономическая примитивность, связанная со строемъ „натуральнаго хозяйства"... При вступленіи въ „міровое хозяйство" — неизбывная власть хозяйственно-географической „обездоленности" . . . Для всего „океаническаго" міра есть полный расчетъ, чтобы континентальныя страны безропотно приняли на себя бремя этой обездоленности: тѣмъ самымъ, въ распоряженіе странъ „океаническаго" круга поступятъ дополнительные продукты, возникнутъ дополнительные рынки для сбыта ихъ собственныхъ. Но не открывается ли предъ „континентальными" областями возможность — избѣгая изолированности примитивнаго натуральнаго хозяйства — устранить, хотя бы отчасти, невыгодныя послѣдствія „континентальности?" Путь такого устраненія — въ расторженіи, въ предѣлахъ континентальнаго міра, полноты господства принципа океаническаго „мірового" хозяйства, въ созиданіи хозяйственнаго взаимодополненія отдѣльныхъ, пространственно соприкасающихся

другъ съ другомъ областей континентальнаго міра, въ ихъ развитіи, обусловленномъ взаимною связью . . . Если „континентальная“ страна, при сбытѣ того или иного товара на міровомъ рынкѣ, получаетъ, за вычетомъ стоимости перевозки, минихальную выручку — то нельзя ли съ большей выгодой продать этотъ товаръ, не отправляя его на „міровой рынокъ“ — гдѣ либо „поблизу“, „по сосѣдству“? Если при покупкѣ того или иного товара на міровомъ рынкѣ, товаръ этотъ обходится дороже, чѣмъ кому бы то ни было другому, благодаря дополнительной стоимости перевозки, то нельзя ли купить этого товара гдѣ либо, откуда перевозка стоитъ дешевле, — по цѣнѣ, которая при данной разницѣ въ издержкахъ транспорта представляла бы выигрышъ? — Такъ и со стороны продавца, и со стороны покупателя внутриконтинентнаго міра возникаютъ побужденія ко взаимному обмѣну. И этотъ обмѣнъ осуществится, при условіи: если въ данномъ товарѣ, производимомъ въ „континентальномъ“ районѣ, существуетъ потребность въ предѣлахъ сосѣднихъ континентальныхъ же странъ; и если данный потребный для континентальной области товаръ производится въ предѣлахъ сосѣднихъ континентальныхъ же районовъ. Когда такое условіе налицо, внутриконтинентному покупателю выгодно дѣлать закупку въ предѣлахъ континентальнаго міра, поскольку стоимость провоза отъ внутриконтинентнаго мѣста производства обходится дешевле, чѣмъ доставка съ мірового рынка. Это въ случаѣ, когда внутриконтинентный продавецъ сбываетъ свои товары на мѣстѣ производства въ полной цѣнѣ мірового рынка; но послѣднему есть расчетъ сдѣлать скидку; вѣдь въ случаѣ вывоза сбываемаго товара на міровой рынокъ онъ не получитъ въ свою пользу всей цѣны мірового рынка, но удовольствуется той частью названной цѣны, которая останется за вычетомъ стоимости перевозки продукта отъ внутриконтинентнаго мѣста производства на міровой рынокъ. Продавцу есть расчетъ вступать въ сдѣлку съ внутриконтинентнымъ покупателемъ во всѣхъ случаяхъ, когда послѣдній согласенъ оставить въ его рукахъ хотя бы нѣкоторую часть той суммы, которую пришлось бы израсходовать на провозъ товара на міровой рынокъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ продавецъ выручитъ больше, чѣмъ выручилъ бы на міровомъ рынкѣ . . . Обозначимъ стоимость провоза единицы товара отъ внутриконтинентнаго мѣста производства къ внутриконтинентному мѣсту потребленія черезъ „z“; стоимость вывоза такой же единицы

товара изъ континентальнаго мѣста производства на міровой рынокъ черезъ „x + a“, при чемъ „x“ будетъ обозначать стоимость сухопутной перевозки до ближайшаго пункта океанскаго (морского) побережья, „a“ — же — стоимость морского транспорта отъ этого пункта до „мірового рынка“; стоимость ввоза единицы даннаго продукта съ мірового рынка во внутриконтинентный центръ потребленія изобразимъ черезъ „b + y“, при чемъ „b“ есть стоимость морской перевозки отъ „мірового рынка“ до ближайшаго къ континентальному центру порта, а „y“ — стоимость сухопутнаго транспорта отъ этого порта внутрь континента. Принявъ эти обозначенія, мы можемъ сказать, что внутриконтинентное притяженіе будетъ оставаться въ силѣ, то-есть будетъ существовать расчетъ для внутриконтинентнаго производителя и потребителя произвести обмѣнъ другъ съ другомъ, безъ посредства мірового рынка, пока $z < x + a + b + y$, то-есть пока стоимость внутриконтинентной перевозки будетъ меньше, чѣмъ стоимость вывоза даннаго продукта изъ внутриконтинентнаго центра производства на „міровой рынокъ“ плюсъ стоимость привоза этого же товара съ мірового рынка во внутриконтинентный пунктъ потребленія. И чѣмъ большую величину представитъ изъ себя разность:

$$(x + a + b + y) - z,$$

тѣмъ болѣе дѣйственнымъ, въ экономическомъ смыслѣ, будетъ внутриконтинентное притяженіе. . . Эту разность, въ той или иной комбинаціи, могутъ, къ обоюдной пользѣ, раздѣлить между собой внутриконтинентные продавецъ и покупатель. Въ какой именно пропорціи они раздѣлятъ ее между собой — это зависитъ отъ конкретныхъ условій внутриконтинентнаго спроса и предложенія... Путемъ дѣлежа этой разности внутриконтинентные продавецъ и покупатель могутъ устранить — хотя бы отчасти — послѣдствія хозяйственно-географической „обездоленности“ сѣдалищъ ихъ экономической дѣятельности. Чѣмъ меньшей „z“ и, слѣдовательно, чѣмъ больше эта разность, тѣмъ меньше, при прочихъ равныхъ, будетъ сказываться на уровнѣ внутриконтинентныхъ продажныхъ и покупныхъ цѣнъ хозяйственно-географическая „обездоленность“.

Какъ упомянуто выше, для того, чтобы такой „дѣлежъ“ могъ бы осуществиться, должны существовать, въ предѣлахъ континентальнаго міра, соотвѣтствующее производство и соотвѣтствующая потребность. . . Становится яснымъ, въ какомъ смыслѣ экономическое развитіе континентальныхъ странъ обусловлено

ихъ взаимною связью. Выгодныя для внутриконтинентныхъ областей послѣдствія внутриконтинентнаго обмѣна могутъ наступать только тогда, когда экономическое состояніе этихъ областей даетъ просторъ для такого обмѣна; чтобы та или иная континентальная область вышла изъ положенія натуральнаго хозяйства, этого требуютъ, въ предѣлахъ континентальныхъ міровъ, интересы не только ея собственнаго экономическаго развитія, но также интересы окружающихъ ее континентальныхъ же странъ, интересы, обращенные именно къ *этой внутриконтинентной области, находящейся подъ такой то широтой и долготой, а не къ какой либо иной странѣ міра.* Ранѣе развившіяся страны, лежащія на берегахъ океана, могутъ, благодаря свойственному океанической сферѣ игнорированію разстояній, отыскивать хозяйственное себѣ „дополненіе“ на всемъ пространствѣ земного шара, и каждая страна міра, независимо отъ того, въ какой части свѣта она находится, будетъ удовлетворять ихъ требованіямъ, только бы она производила нужные продукты достаточно дешево! — Интересы же достигшихъ опредѣленнаго преуспѣванія внутриконтинентныхъ областей упираются въ проблему развитія не вообще „какихъ-либо“ районовъ мірового хозяйства, но совершенно опредѣленныхъ, — сосѣднихъ ей областей, — въ обмѣнѣ съ которыми — и единственно съ ними! — она можетъ преодолѣть специфически невыгодныя послѣдствія „континентальности“. . . Не случайна, конечно, потребность въ международномъ и междуобластномъ обмѣнѣ, сказывающаяся въ сферѣ „океаническаго“ хозяйства; на этомъ обмѣнѣ, какъ выраженіи „международнаго раздѣленія труда“, покоится экономическое развитіе современности; но случайна, въ извѣстномъ смыслѣ, комбинація тѣхъ или иныхъ областей „океанической“ сферы, удовлетворяющихъ — на путяхъ обмѣна, — взаимныя потребности. Сейчасъ осуществляется комбинація однѣхъ „взаимодополняющихъ“ странъ, скажемъ, мороженное мясо везется въ Англію, главнымъ образомъ, изъ Новой Зеландіи, а черезъ нѣкоторое время съ равнымъ успѣхомъ будетъ осуществляться комбинація иныхъ областей: мороженное мясо пойдетъ въ Англію не изъ Новой Зеландіи, но, скажемъ, изъ Аргентины. Внутри же континентальнаго міра не случайны не только сама потребность въ международномъ и междуобластномъ обмѣнѣ (она и тутъ есть факторъ экономическаго преуспѣванія), но и сочетаніе опредѣленныхъ, хозяйственно взаимодополняющихъ областей и районовъ; опредѣленныя страны внутриконтинентныхъ

сферъ накрѣпко спаяны другъ съ другомъ нѣкоторой связью хозяйственной взаимообращенности, исходящей изъ того, что въ силу дороговизны сухопутныхъ перевозокъ, если не изъ данной — сосѣдней — страны, то неоткуда больше дешево получить необходимые продукты. Плохо будетъ Уральскому горнопромышленному району, если ему долгое время придется получать мясо не изъ Уфимской и Пермской губерній или Западной Сибири, но изъ Новой Зеландіи или Аргентины.

Не нужно думать, что принципъ внутриконтинентныхъ экономическихъ притяженій сказывается въ хозяйственной жизни только особо „континентальныхъ" областей. Даже въ столь океаническихъ странахъ, какъ Англія или Японія, дѣйствуютъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, упомянутыя выше условія: и тутъ, напримѣръ, городамъ выгоднѣе кормиться произведеніями округи (поскольку въ ней производятся нужные продукты), чѣмъ получать ихъ извнѣ. Наибольшее значеніе внутриконтинентныя притяженія пріобрѣтаютъ тамъ, гдѣ 1) сфера соприкасающихся континентальныхъ областей имѣетъ наибольшее пространственное протяженіе и гдѣ 2) области эти являютъ наибольшее разнообразіе экономической природы. Факторы перваго рода расширяютъ пространственную зону, въ предѣлахъ которой дѣйственны внутриконтинентныя притяженія; факторы второго рода умножаютъ число хозяйственныхъ благъ (товаровъ, продуктовъ!), — къ которымъ послѣднія примѣняются.

Здѣсь нужно замѣтить, что внутриконтинентная сфера имѣетъ свойство втягивать въ специфическій внутриконтинентный обмѣнъ не только области, удаленныя отъ океана-моря, но также и тѣ приморскіе районы, которые лежатъ между ними и моремъ. Эти приморскіе районы находятся на пути внутриконтинентныхъ продуктовъ къ міровому рынку; районы эти ближе къ внутриконтинентнымъ странамъ, чѣмъ міровой рынокъ. И потому, поскольку такія приморскія земли являются потребителями, имъ выгодно покупать тѣ продукты, которые онѣ найдутъ въ странахъ своего Hinterland'a, именно въ послѣднихъ. Благодаря своей близости къ нимъ, онѣ могутъ, пользуясь разницей (опредѣляемой, по нашему предположенію, стоимостью провоза) между цѣною мірового рынка и цѣною даннаго континентальнаго „медвѣжьяго угла", — получить товаръ дешевле, чѣмъ если бы онѣ привезли его для себя съ мірового рынка. Поскольку онѣ являются производителями, имъ есть расчетъ сбыть

свои товары внутриконтинентнымъ покупателямъ — поскольку тѣ предъявляютъ на нихъ спросъ. Даже продавъ продуктъ на мѣстѣ производства въ полной цѣнѣ мірового рынка (случай, въ другой обстановкѣ немыслимый), онѣ все такіи доставятъ его внутриконтинентнымъ покупателямъ по цѣнѣ, болѣе дешевой, чѣмъ та, въ которую обошелся бы послѣднимъ товаръ, привезенный съ мірового рынка. . . Чѣмъ обширнѣе Hinterland, чѣмъ разнообразнѣе въ экономическомъ отношеніи составляющія его области, — тѣмъ опредѣлительнѣе такая связь приморскихъ районовъ со своимъ Hinterland'омъ, ибо тѣмъ значительнѣе число продуктовъ, которые приморская страна можетъ найти во внутриконтинентныхъ районахъ, тѣмъ большее количество своихъ произведеній можетъ она въ нихъ сбыть. . .

Стоитъ установить простѣйшія эти положенія и мы поймемъ, сколь грандіозными, утвержденными въ себѣ экономическими сферами являются такія политико-хозяйственныя образованія, какъ Китай, Сѣверная Америка или Россія . . . Беря только восточныя части Китая, мы видимъ, какъ вслѣдъ за областями, доступными всего лишь „сѣвернымъ" зерновымъ культурамъ, областями со средними годовыми ниже нуля (районы Манджуріи, по среднему Амуру), — идутъ, въ континентальной непрерывности, провинціи, гдѣ процвѣтаютъ всѣ сельско-хозяйственныя культуры, свойственныя умѣренному поясу (средняя и южная Манджурія), смѣняясь затѣмъ странами хлопка и риса, все болѣе теплыми, субтропическими и, наконецъ, тропическими, у южнаго предѣла Китая. Области эти перемежаются районами богатѣйшихъ промышленныхъ рессурсовъ, — прежде всего, желѣза и угля, — гдѣ отчасти уже существуетъ, въ будущемъ же можетъ развиться самая мощная горно-добывающая и металлургическая промышленность, — столь мощная, что на основѣ природныхъ данныхъ съ ней, по нынѣшнимъ представленіямъ, въ силахъ состязаться только промышленность Сѣверной Америки. . . Китай по своимъ природнымъ условіямъ вообще довольно близко подходитъ къ восточной (наиболѣе производительной и важной) полосѣ сѣверной Америки (что имѣетъ свое климатологическое основаніе въ томъ, что обѣ географическихъ сферы сходно расположены на восточной сторонѣ континента!). Но въ Сѣверной Америкѣ суровыя (и въ то же время благодатныя для человѣческаго развитія!) области пшеничной культуры представлены сильнѣе (черноземы Миннезоты, Манитобы, Саскачевана, Альберты!), и

еще тѣснѣе сближены какъ съ умѣренными по климату областями среднихъ Штатовъ и Новой Англіи, такъ и съ хлопковыми районами Юга, съ обладателями полноты тропическихъ рессурсовъ — штатами Флорида и Техасъ. . . И, наконецъ, Россія. Правда, гамма климатическаго разнообразія сельско-хозяйственныхъ областей не имѣетъ въ ней такой полноты, какъ въ Китаѣ или Сѣверной Америкѣ. Если Китай включаетъ въ свои предѣлы земледѣльческія области со средними годовыми отъ — 2° Ц. до + 21,7° Ц. (Кантонъ) и даже выше, а Сѣверная Америка (какъ совокупность Соединенныхъ Штатовъ и Канады) отъ наиболѣе суровыхъ, въ которыхъ можетъ жить человѣкъ, до южной Флориды, со средней годовой въ + 25° Ц., — то въ Россіи климатическая гамма, начинаясь съ наиболѣе холодныхъ климатовъ, обрывается на средней годовой въ + 16° Ц. (Батумская область), и никакое доступное Россіи въ ея ближайшихъ перспективахъ расширеніе не можетъ этого существенно измѣнить: сѣверная Персія (наиболѣе теплое ея мѣсто — Каспійское побережье) и Афганскій Туркестанъ дополнили бы Россійскій міръ областями со средними годовыми въ +17°, +18° Ц. Только выходъ на Персидскій заливъ могъ бы дать Россіи области, приближающіяся, по средней годовой температурѣ къ тропическимъ (Буширъ + 23,1° Ц.), но и то имѣющія значительно болѣе низкую, чѣмъ въ тропикахъ, температуру зимнихъ мѣсяцевъ (январь въ Буширѣ + 13,0° Ц.)... Независимо отъ указаннаго климатическаго „изъяна", Россія заключаетъ въ себѣ удивительное богатство и разнообразіе районовъ умѣренно-холоднаго пояса (лѣсной и земледѣльческій нечерноземный Сѣверъ, черноземный „Центръ", Югъ, Востокъ), дополняемыхъ областями умѣренно-теплыми (сѣверный Кавказъ, Крымъ) и частью субтропическими (Закавказье, Туркестанъ). Въ предѣлахъ этихъ областей встрѣчаются районы, предопредѣленные природой исключительно къ лѣсному хозяйству (тайга!), богато одаренные для земледѣлія (черноземъ!), предуказанные въ качествѣ областей „чистаго скотоводства" (Прикаспійскія, Киргизскія степи!). И въ эту сферу вкраплены области, обладающія рессурсами для развитія промышленности (прежде всего: Донецкій бассейнъ, Уралъ, Алтай, Семирѣчье, затѣмъ, какъ область „бѣлаго угля". — Бѣломорско-Ладожскій районъ). На основаніи того, что мы знаемъ къ настоящему моменту, приходится думать, что рессурсы эти, — поскольку они относятся къ желѣзу и углю, — не могутъ, въ ихъ совокупности, равнять-

ся съ рессурсами Китая и Сѣверной Америки. Но они вполнѣ на уровнѣ рессурсовъ великихъ промышленныхъ странъ Запада: Англіи и Германіи, въ ихъ европейскихъ предѣлахъ, и превосходятъ все, что по нашимъ свѣдѣніямъ имѣется въ этомъ отношеніи въ остальномъ мірѣ (т. е. во всей Западной Европѣ, за исключеніемъ Англіи и Германіи, во всей Африкѣ, Австраліи, южной Америкѣ и южной Азіи). . .

Къ какому же выводу приведутъ насъ наблюденія надъ разнообразіемъ экономической природы областей, составляющихъ соотвѣтственно: Китай, Сѣверную Америку, Россію, — если сопоставить эти наблюденія съ приведенными выше указаніями о положеніи данныхъ географическихъ міровъ относительно океана, а также о возникающихъ въ „континентальныхъ“ сферахъ внутриконтинентныхъ экономическихъ „притяженіяхъ“? Означаетъ ли такое разнообразіе, что сферы эти въ процессахъ экономическаго своего развитія имѣютъ приблизиться къ состоянію „хозяйственнаго самодовлѣнія“? — Такое предположеніе абсурдно, поскольку „самодовлѣніе“ мыслится, какъ нѣчто абсолютное, какъ нѣкая „китайская стѣна“ . . . Весьма вѣроятно, что въ ближайшемъ будущемъ даже Китаю непосильно воздвигнуть такую экономическую „стѣну“. . . Но въ отрицаніи идеи утопическаго „самодовлѣнія“ нельзя закрывать глазъ на то существенно различное положеніе, которое занимаютъ въ современности и неизбѣжно сохранятъ въ будущемъ различныя политико-экономическія цѣльности мірового хозяйства, въ ихъ отношеніи къ „міровому рынку“. Для однѣхъ изъ нихъ общеніе съ міровымъ рынкомъ осуществляетъ самые основные процессы хозяйственнаго обмѣна, процессы „уравненія“ промышленности добывающей и обрабатывающей, „промышленности“ и сельскаго хозяйства, а также процессы экономическаго „дополненія“ какъ промышленныхъ, такъ и земледѣльческихъ областей умѣреннаго пояса земледѣльческими странами теплаго пояса (ввозъ хлопка, риса, чая, кофе, пряностей и т. д.) Такой порядокъ явленій господствуетъ въ политико-экономическихъ цѣльностяхъ, въ которыхъ таможенно-географическая граница охватываетъ сравнительно узкій кругъ земель, и гдѣ области, охваченныя этой границей, относительно однородны въ своей экономической природѣ; напримѣръ, явно предопредѣлены, въ своей совокупности, къ преобладанію въ ихъ предѣлахъ „промышленности“, — что вызываетъ необходимость ввоза продуктовъ сельскаго хозяйства; а поскольку являются областями сельско-хозяйственными, лежатъ въ предѣлахъ од-

ного и того же климатическаго пояса. Таковы главныя промышленныя страны Западной Европы: Англія и Германія. Будучи, въ осуществленіи и потенціи, странами по преимуществу „промышленными" — онѣ обращены къ міровому рынку въ своей потребности въ продуктахъ питанія, а также въ сырьѣ какъ умѣреннаго, такъ и теплаго пояса. Иначе обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ въ таможенно и пространственно единое цѣлое сопряжены страны, и существенно промышленныя, и существенно сельскохозяйственныя, и страны умѣреннаго, и страны теплаго пояса. Здѣсь процессы „уравненія" промышленности и сельскаго хозяйства и взаимодополненія странъ различныхъ климатическихъ поясовъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ политико-экономическихъ образованіяхъ перваго рода, протекаютъ въ предѣлахъ данной географической сферы безъ посредства „мірового рынка". Вмѣсто того, чтобы отображать теченіе основоположныхъ процессовъ промышленно-сельскохозяйственнаго и междуклиматическаго обмѣна (какъ это происходило и происходитъ въ отношеніи внѣшней торговли Германіи или Англіи) — статьи внѣшней торговли такихъ хозяйственно-географическихъ сферъ пріобрѣтаютъ характеръ какъ бы отдѣльныхъ коррективовъ или поправокъ, вносимыхъ къ осуществляющимся внутри этихъ сферъ явленіямъ взаимодополненія и взаимоуравновѣшенія основныхъ отраслей хозяйственной жизни. Эти коррективы и поправки будутъ тѣмъ незначительнѣе и число ихъ будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ большаго экономическаго преуспѣванія достигнутъ — въ соотвѣтствіи съ данностями экономическаго своего одаренія, — страны внутриконтинентнаго міра и чѣмъ больше препятствій поставятъ естественно-географическія условія данной сферы вступленію ея въ міровое хозяйство, то есть, чѣмъ „обездоленнѣй", чѣмъ „континентальнѣй" данная сфера въ смыслѣ возможностей океаническаго обмѣна.

Эти два условія вліяютъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ на структуру мыслимыхъ отношеній современной Россіи къ „міровому хозяйству". Было бы безумiемъ проповѣдывать истощенной и разоренной странѣ принципы хозяйственаго „самодовлѣнія": какія могутъ быть внутриконтинентныя притяженія, когда „притягиваться" — нечему! Но было бы неправильно думать, что состояніе интенсивнаго ввоза иностранныхъ товаровъ и, прежде всего, фабрикатовъ, оплачиваемыхъ, въ лучшемъ случаѣ, вывозомъ сырья, — которое наступитъ

вслѣдъ за тѣмъ, какъ Россія вновь откроется для международнаго обмѣна, — что это состояніе есть нормальное и длительное... Изъ всѣхъ великихъ цѣльностей мірового хозяйства Россія есть наиболѣе „обездоленная“ въ смыслѣ возможностей океаническаго обмѣна. И Россія, обнаружившая въ послѣдніе вѣка своего существованія и, въ частности, въ послѣдніе годы великія потенціи мощи политической и культурной и великую напряженность исканія, Россія не удовольствуется, конечно, диктуемой этой обездоленностью ролью „задворковъ мірового хозяйства“. И въ своемъ экономическомъ устремленіи она неизбѣжно придетъ къ интенсификаціи сельскаго своего хозяйства въ предѣлахъ умѣренно-холодныхъ и умѣренно-теплыхъ областей, къ расширенію используемой (что во многихъ случаяхъ значитъ орошаемой) площади примыкающихъ къ ней областей субтропическихъ, и отчасти къ реконструкціи, отчасти къ созданію наново мощной, удовлетворяющей внутреннія потребности промышленности — тамъ, гдѣ къ тому имѣются естественныя данныя, — т. е. прежде всего въ нѣкоторыхъ южныхъ и восточныхъ окраинно-европейскихъ и азіатскихъ провинціяхъ, и затѣмъ въ Центрѣ и на Сѣверо-западѣ . . . Транспортная обездоленность огромнаго круга ея областей (связанная съ нарочитой ихъ „континентальностью“) побудитъ не расчитывать на міровой рынокъ и призоветъ къ жизни центры производства многихъ — доселѣ ввозныхъ — продуктовъ въ собственныхъ предѣлахъ; созданіе такихъ центровъ въ свою очередь расширитъ базу и усугубитъ дѣйственность внутриконтинентныхъ притяженій. Можно быть увѣреннымъ, что въ интенсивномъ использованіи принципа континентальныхъ сосѣдствъ географическій міръ Россіи-Евразіи дѣйствительно представитъ собою образъ нѣкотораго хозяйственаго „самодовлѣнія“, не буквальнаго, конечно, но въ смыслѣ завершенія въ предѣлахъ этого міра основныхъ явленій взаимоуравненія и взаимоуравновѣшенія главнѣйшихъ географически-экономическихъ стихій современнаго хозяйства. Въ средѣ политико-экономическихъ цѣльностей міра Россія-Евразія явится сферою самодовлѣнія по преимуществу— и притомъ въ сочетаніи областей, опредѣляемомъ не прихотью политическихъ судебъ, —какъ это мы видимъ на примѣрѣ нынѣшнихъ „колоніальныхъ“, „океаническихъ“ имперій, но необходимымъ, неустранимымъ, при неизмѣнности техники, взаимотяготѣніемъ странъ, обращенныхъ другъ къ другу силой „океанической“ своей „обездоленности“. Такое взаимотяготѣніе опредѣляется объективнымъ географически-техническимъ факторомъ. Госу-

дарственная политика, направленная къ созиданію „самодовлѣнія", можетъ лишь дополнить и усилить вліяніе этого фактора...

Съ точки зрѣнія этихъ положеній и категорій нужно оцѣнивать господствовавшую въ Россіи долгое время политику исканія „выхода къ незамерзающему морю". Нельзя, конечно, отрицать обоснованности стремленій Hinterland'a обладать морскимъ побережьемъ. Но не только это стремленіе двигало нашихъ теоретиковъ океанически-понтической политики. Такъ какъ выходъ русскаго Hinterland'a къ побережью сплошь и рядомъ не даетъ выхода къ „незамерзающему", а тѣмъ болѣе „открытому" морю, — то такой выходъ стремились найти хотя бы въ сторонѣ отъ основного круга земель Россійскаго міра: обрѣтали его на Квантунскомъ полуостровѣ. Но воздвигаемый здѣсь „Дальній" поистинѣ оказывался „Лишнимъ". Тѣ, кто приказали его строить, не понимали, что въ такомъ исканіи „выхода къ морю" океанъ, какъ путь осуществленія основного промышленно-сельскохозяйственнаго и междуклиматическаго обмѣна, былъ не передъ ними, но за ихъ спиной, — не океанъ-море, но океанъ-континентъ. Ибо то, что въ экономическомъ смыслѣ даетъ океанъ, соединяя, напр., Англію съ Канадой, какъ страной пшеницы, Австралій, какъ страною шерсти, Индіей, какъ областью хлопка и риса, — то въ предѣлахъ Россійскаго міра дано континентальнымъ сопряженіемъ русскихъ промышленныхъ областей (Московской, Донецкой, Уральской, а въ потенціи также Алтайско-Семирѣченской),—съ русскими черноземными губерніями (пшеница!), русскими скотоводческими степями (шерсть!) и „русскими субтропиками": Закавказьемъ, Персіей, Русскимъ Туркестаномъ, а въ потенціи также Туркестаномъ Афганскимъ, Китайскимъ и Кульджей (хлопокъ и рисъ!)... И въ отношеніи къ дѣйствительному и мыслимому хозяйственному самоутвержденію этихъ областей, созидающему взаимную экономическую ихъ связь и „самодовлѣніе", выходъ къ океану черезъ Дальній былъ подлинно выходомъ въ пустоту...

Нельзя ни на минуту забывать трагической бѣдности, убожества с о в р е м е н н а г о хозяйства Россійскаго. Но даже помимо горестей момента, даже въ перспективѣ на будущее, въ результатѣ успѣха и творчества, оно всегда, въ извѣстной степени, пребудетъ незавершеннымъ и не только въ томъ смыслѣ, что оно не можетъ въ своихъ нѣдрахъ удовлетворить, напр., своихъ потребностей въ специфически т р о п и ч е с к и х ъ продуктахъ, но и во многихъ другихъ смыслахъ. И по-

этому, въ опредѣленной степени, море, какъ связь съ „міровымъ рынкомъ", нужно и останется нужнымъ Россіи; но необходимо понять ту существенно ограниченную роль, которая выпадаетъ на долю „океаническаго," „морского" принципа въ построеніи хозяйства Россійскаго . . . Слѣдуетъ добиваться реальной гарантіи, что флотъ противника не будетъ пропущенъ черезъ проливы и не придетъ громить берега Черноморья. Полезно пріобрѣсти выходъ на Персидскій заливъ (хотя бы съ точки зрѣнія возможности организовать, при помощи этого „выхода", наиболѣе дешевымъ и удобнымъ способомъ ввозъ во внутреннюю Россію тропическихъ продуктовъ). Но нужно помнить, что въ дѣлѣ хозяйственнаго становленія Россіи и та, и другая задачи являются, въ извѣстномъ смыслѣ, принципіально второстепенными. Какой бы выходъ въ Средиземное море или къ Индійскому Океану ни нашла бы Россія, морской прибой не принесетъ своей пѣны къ Симбирскому „Обрыву". И Симбирску, вмѣстѣ съ необозримымъ кругомъ другихъ областей и мѣстъ Россіи-Евразіи, придется все такъ же ориентироваться не на обрѣтенный выходъ къ „теплому" морю, но на присущую имъ континентальность . . . Не въ обезьяньемъ копированіи „океанической" политики другихъ, во многомъ къ Россіи неприложимой, но въ осознаніи „континентальности" и въ приспособленіи къ ней — экономическое будущее Россіи.

Петръ Савицкій.

BIBLIOTECA DE LA ASOCIACION CRISTIANA ARGENTINA
BRASIL 315 BUENOS AIRES

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

I. ВСТУПЛЕНІЕ
II. ПОВОРОТЪ КЪ ВОСТОКУ. — *Петра Савицкаго* . 1
III. СИЛА СЛАБЫХЪ. — *П. Сувчинскаго* 4
IV. РАЗРЫВЫ И СВЯЗИ. — *Георгія В. Флоровскаго.* . 9
V. ЭПОХА ВѢРЫ. — *П. Сувчинскаго* 14
VI. ХИТРОСТЬ РАЗУМА. — *Георгія В. Флоровскаго.* . 28
VII. МИГРАЦІЯ КУЛЬТУРЫ. — *Петра Савицкаго* . . . 40
VIII. О НАРОДАХЪ НЕ-ИСТОРИЧЕСКИХЪ. (Страна отцовъ и страна дѣтей). — *Георгія В. Флоровскаго* . 52
IX. ОБЪ ИСТИННОМЪ И ЛОЖНОМЪ НАЦІОНАЛИЗМѢ. — *кн. Н С. Трубецкого* 71
X. ВЕРХИ И НИЗЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Этническая база русской культуры). — *кн. Н. С. Трубецкого* . . 86
XI. КОНТИНЕНТЪ-ОКЕАНЪ. (Россія и міровой рынокъ). — *Петра Савицкаго* 104

Права перепечатанія и перевода сохранены.

Обложка работы П. Ф. Челищева.

Складъ изданія:
СОФІЯ. РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

Требованія на книгу и денежные переводы направлять по адресу: въ Редакцію сборника „ИСХОДЪ КЪ ВОСТОКУ", Болгарія, Софія, ул. 11 Августа, 4.

Имѣется въ продажѣ во всѣхъ крупныхъ торгующихъ русскими книгами магазинахъ Европы и Америки.